П7640

Дк 3125

Л. П. ПОТАПОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ ОЙРОТИИ

НОВОСИБИРСК—1933

А 23404

Л. П. Потапов

Очерк истории Ойротии

Алтайцы в период русской колонизации

НОВОСИБИРСК
1933

Краеведения Центральное Библиотека Москва

ВВЕДЕНИЕ

Тюркские племена, обитающие в Горном Алтае, Кузнецком Алатау и в степных районах, примыкающих к ним, известны в литературе под общим названием — алтайцы. Значительная часть их в 1922 г. выделена в Ойротскую автономную область, называемую для краткости — Ойротией. Расселение алтайцев может быть представлено в следующем виде: алтай-кижи или ойрот-кижи обитают по преимуществу в Шебалинском, Усть-Канском, Онгудайском, Уймонском, Чемальском и частично Майминском аймаках (районах) Ойротии[1], теленгиты (они же чуйцы, двоеданцы) живут в большинстве в Улаганском и Кош-Агачском аймаках; телеуты или кокшолоры — в Шебалинском аймаке и, в городе Ойрот-Тура (б. Улала — административный центр Ойротии), значительная же часть телеутов сосредоточена в бывшем Кузнецком округе по рекам Большой и Малый Бочаты, в районах салаирских и гурьевских рудников, по реке Томи, у города Томска и в Чумышском районе Западно-сибирского края; тубалары обитают, главным образом, в Успенском и Лебедском аймаках Ойротии, частично в Чемальском и Майминском аймаках; челканцы или шелканцы — в Лебедском аймаке по реке Лебеди и ее притоку Байголу; кумандинцы живут в небольшом количестве в Лебедском аймаке Ойротии и значительная часть их населяет сопредельные с Ойротией районы Старо-Бардинский и Солтонский, шорцы — частично в Лебедском аймаке Ойротии, основная же масса шорцев выделена в национальный Горно-Шорский район, входящий в состав Западно-сибирского края.

В русских документах XVII и XVIII веков и в описаниях путешественников XIX века алтайцы фигурируют под наименованием калмык (горные калмыки, порубежные калмыки, белые калмыки, алтайские калмыки), особенно часто это относится к алтайцам, населявшим левый берег реки Катуни, и телеутам. Племена, обитающие между реками Бией, Катунью и Телецким озером (тубалары, кумандинцы, челканцы) раньше называли общим именем — черневые татары. Южных алтайцев, живущих по системе рек Чуи, Чулышмана, Башкауса и южных берегов Телецкого озера, — калмыками-двоеданцами или урянхайскими калмыками. Шорцев называли нередко ясашными татарами, кузнецкими татарами.

О количественном составе населения, выделенного в Ойротскую автономную область, могут дать представление статистические данные на

[1] В 1933 г. Чемальский аймак переименован в Элькмонарский, Уймонский в Устькоксинский, Майминский в Ойрот-туринский, Успенский в Чойский.

Библ

1 января 1931 г. По этим данным население Ойротии составляет 124420 душ обоего пола. Из них алтайцев 43,65 проц., русских 52 проц., казаков 2,4 проц. и прочих 1,95 проц.

Предметом настоящей работы является рассмотрение основных вопросов истории Ойротии. Ойротия не имеет научно разработанной истории. «Очерк истории Ойротии» — первая специальная попытка изучить и осветить вопросы исторического процесса в Ойротии. Буржуазные исследователи ойротов или алтайцев, как принято было называть их в старой научной литературе, преимущественно описывали, а не изучали алтайцев. Описывали жилище, одежду, пищу, свадебные обычаи, религиозные воззрения. Подобными писаниями, смакующими экзотику алтайской жизни, подменялось подлинно научное историческое исследование. Миссионеры считали, что алтайцы вообще не имеют истории. По мнению миссионеров, «алтайцы племя едва вышедшее из первобытного состояния, не имеющее истории, кроме немногих красивых легенд»[2]. В результате мы до сего времени не в состоянии указать ни одной работы, где был бы проделан серьезный, научный анализ исторического процесса в Ойротии. Вместо исследования основных условий способа производства у алтайцев, анализа общественных отношений и выявлении экономической структуры общества, вместо исследования этих кардинальных вопросов, раз'ясняющих основные моменты в истории любого народа, дающих возможность определить ступень общественно-экономического развития данного народа, позволяющих вскрыть движущие силы исторического процесса, мы получили в наследство от буржуазной науки псевдонаучные рассуждения о первобытности алтайцев, выводы о турецком происхождении их культуры, указание о местонахождении в Алтае «прародины тюрков». Это, разумеется, не помешало, например, финляндским социал-фашистским ученым сделать Алтай прародиной финнов, в надежде поставить вопрос о границе «Великой Финляндии» не от Балтийского моря до Урала, а от Балтийского моря до Алтая. Финляндские археологи выкопали «научные» основания для возбуждения аппетита финских империалистов[3].

Основные научные вопросы в истории ойротов в старой научной литературе были или совершенно замолчаны или же решались извращенно. Идя по ложному пути в об'яснении условий жизни алтайцев, буржуазные исследователи пытались подкреплять свои явно антинаучные рассуждения доводами рационального порядка. Всячески подчеркивалась дикость, первобытность алтайцев, биологическая обреченность их на вымирание, и это носило определенный смысл. Для мероприятий колониальной политики царизма необходимо было «научное» оправдание. Великодержавная наука и православная церковь давали для этого идеологическое обоснование. Известный исследователь турецких народов академик В. Радлов, описывая в 70-х годах угнетение и разорение алтайцев русскими

---

[2] Отчет Алтайской духовной миссии за 1915 г., стр. 59.

[3] Hjalmar Appelgreu. Kivalo. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors. 1931. Издание Finnische Altertumsgeselschaft.

торговцами, писал: «Здесь та же борьба за существование, как повсюду, где встречаются цивилизованный человек и дитя природы. Как в Северной Америке беднеют краснокожие, вымирают и погибают, так и в Сибири туземные племена. Сначала снижается их богатство и социальное положение: из князей делаются деревенские старшины, из владельцев стад — нищие, грызущие коренья. С ухудшением питания раса постепенно слабеет и в конце-концов медленно умирает. Это может причинить боль филантропам и огорчить хорошего человека, когда он наблюдает насилие и несправедливость более сильной расы но они **соответствуют законам природы, и откровенно нужно признаться: чудные долины Алтая, слишком хороши для номадов, которые не умеют поднять богатство края»**[4] (подчеркнуто мной. Л. П.).

Совершенно понятно, для чего Радлову понадобилась биология. Классовый смысл колониальной политики затушевывался, подменялся «законами природы», биологическими категориями. Циничное признание крупнейшего исследователя содержит в себе одновременно «научное», биологическое обоснование и оправдание колониальной политики Российской державы, и является «научным» прогнозом на будущее алтайцев, как расы, обреченной на вымирание неумолимыми «законами природы». Раса подменила класс эксплоататоров, борьба за существование — эксплоатацию и классовую борьбу.

С той же целью оправдания колониального угнетения алтайцев «научная» литература изобиловала самыми нелепыми утверждениями. Так, например, один автор указывает, что: «телеуты сварливы, ленивы, упрямы, нечувствительны. Разум их не изощрен и туп»[5]. Другой автор писал про алтайцев: «по характеру грубы, вероломны, злы, упрямы, суеверны и весьма трусливы»[6]. Третий поучал: «перед всяким русским кумандинец робеет, если тот смел. Всякая наглость в обращении с кумандинцами имеет успех»[7]. Даже такие горячие «защитники» алтайцев, как областники, не могли скрыть чувства колонизаторского превосходства и авторитетно изрекали, что «интеллектуальные способности алтайца, как и способности вообще флегматиков, вялы, т. е. мало подвижны и туги на восприятие»[8]. Нет нужды задерживаться на перечислении подобных плоскостей, происхождение и назначение которых в об'яснении не нуждаются.

Весьма характерной чертой для этнографических, исторических исследований об алтайцах является не только замалчивание, но и прямое отрицание классового расслоения и эксплоатации среди самих алтайцев.

---

[4] Aus Sibirien. Leipzig 1893. B. I. S. 285.

[5] Сиб. вестник. Григ. Спасского 1821 г. ч. XIII. Телеуты.

[6] Списки населенных мест Росс. империи. Составл. П. Семеновым и В. Зверинским LX Томская губерния, стр. LXXXVII.
В. Вербицкий. Алтайские инородцы, стр. 80.
Горохов. „Краткое этнограф. описание бийских или алтайск. калмыков", журн. Мин. внутр. дел. 1840 г. XXXVIII, стр. 216.

[7] Н. Б. Щерр. Из поездки к кумандинцам в 1898 г. Алтайский сборник т. V. Барнаул 1903.

Этим невежеством буржуазные ученые обязаны чаще всего своим политическим убеждениям. Подлинно научный анализ конкретных условий жизни алтайцев превышал возможности и намерения буржуазных авторов. Поэтому анализ исторического процесса заменялся категорическим утверждением, что алтайцы живут родовым строем. Действительные общественные отношения алтайцев извращались, прикрашивались, идеализировались. Тот же Радлов писал про телесов: «Весь народ походит на одну большую семью и не знает сословных различий. Каждый телес считается равным другому, братом. Богатый просит своего бедного соседа помочь ему в работе, и бедный помогает ему как только возможно. Бедный приходит со всем своим семейством в юрту богатого, питается и одевается от владельца. Богатый дает бедному мясо и скот, бедный богатому — сено, хлеб. Даже демичи (помощник зайсана. Л. П.) не занимает более высокого положения... Они далеки от споров о собственности и наследстве. Каждый далек от эгоизма и корыстолюбия... каждый живет в своих условиях: богатый остается богатым, если чума или дикие звери не лишат его стад, бедный остается бедным, живет в своей скверной хижине, где он родился и вырос, и его дети поступают также»[9] и т. д. При чем причину бедности части алтайцев Радлов видел в «собственной лености», в отсутствии стимулов к обогащению, так как, оказывая материальную помощь бедноте, богачи-алтайцы тормозили стремление последней к настойчивому и производительному труду. В дальнейшем будет легко опровергнуть эти измышления Радлова, показать действительные условия жизни бедноты у алтайцев и вскрыть корни социально-экономического неравенства.

Признание существования богачей и бедняков не мешает Радлову затушевать вопросы формы и степени эксплоатации и провозгласить у алтайцев родовой строй. Эту же мысль проводит в своих работах миссионер В. Вербицкий. Характерно, что и сибирские областники и народники, написавшие, в свое время, не мало бойких страниц в защиту «инородцев», как бы проглядели существование классового расслоения и эксплоатации внутри алтайского общества.

Если представители реакционнейшей великодержавной науки видели бедственное положение алтайцев в их «собственной лености» и неминуемую гибель в свойствах их расы, обреченной на вымирания законами природы, то областники, напротив, указывали на действительную причину бедственного положения хотя бы тех же алтайцев. Ядринцев, например, видел причину разорения и обеднения алтайцев в русской торговле, превратившейся «в наглое хищничество», в захвате лучших земель алтайцев русскими колонистами, в искусственном и принудительном переводе алтайцев на оседлость миссионерами, в монополизации миссией

---

[8] Гуляев и Семьянов. Алтайские инородцы. Рукопись хранится в Барнаульском архиве.

[9] Reise durchen den Altai nach dem Telezker See und dem Abakan. Berlin. См. Erman. Archiv für wissentschaftliche Kunde von Russland, Bd XXIII s. 275.

лучших земель алтайцев для своих специальных учреждений (монастырей), в разнузданном самовластии чиновников и т. п. Но вся беда в том, что сибирские областники не могли, не хотели сделать из всего этого правильных выводов. Что они предлагали в качестве улучшения положения алтайцев, как и других отсталых народностей? Естественно было бы ожидать предложения об улучшении экономического и политического положения угнетенных народностей, революционных действий. Но этого не случилось. Буржуазная сущность областничества толкала их на другой путь.

Шашков полагал, «что все революционные попытки не приводят ни к чему, что народ, известная какая-нибудь страна, тогда только может достигнуть благосостояния, если они идут к этой цели путем органического, постепенного развития». Шашков видел для сибирских народностей выход из этого положения другим путем: «нужно рассеять окружающий инородцев мрак невежества, освободить их от разных отвратительных пороков, от грязи кочевой жизни, а всего этого можно достигнуть только посредством образования. Русской цивилизации предстоит здесь огромная и трудная задача не только изменить внешнюю культуру инородцев, но и реформировать их общественный быт, облагородить их общественные и семейные нравы»[10]. Ядринцев предлагал в качестве спасительного рецепта для угнетенных также просвещение: «В пробуждении *инстинкта любознательности, духовной жизни*, — *писал он*, — *и в сознательном* отношении к своему настоящему и будущему будут лежать залоги сохранения племен от вымирания и гибели»[11]. Миссии духовной Ядринцев рекомендовал «вместо свечных заводов и тому подобных заведений» строить «убежища для осиротелых и обессиливших стариков-язычников». Мы не будем удлинять очерка разбором соответствующих высказываний Потанина, так как в основном его взгляды не расходятся с вышеприведенными. Будучи идеологами сибирской колониальной буржуазии, к заканчивающей период торгового накопления и стремившейся перерасти в промышленную, но сталкивавшейся с интересами российской метрополии, хотевшей эксплоатировать Сибирь собственными силами, областники, естественно, решали «инородческий вопрос» буржуазно и сводили его к либеральному лепету о поддержании существования, о просвещении, местами действительно физически исчезающих, сибирских туземцев.

Когда закончился период звероловческой колонизации Сибири (в первой половине XVIII столетия) и ценная пушнина в значительной степени была выкачана, возник вопрос об эксплоатации обширных сибирских земель, лесов и пастбищ. С одной стороны, пустующие земли, годные для земледелия, необходимо было заселить русскими крестьянами, — отсюда положение: «ни купец, ни миссионер не послужили доселе в Алтае к рас-

---

[10] Сибирские инородцы в XIX столетии.
[11] Сибирские инородцы.

пространению оседлости и культуры» и что это «гораздо более сделало крестьянство своим соседством и влиянием» (Ядринцев). С другой стороны, идеологи сибирской буржуазии прекрасно учитывали возможность наиболее рентабельного использования многих обширных пространств Сибири при помощи «инородцев», имеющих длительный опыт хозяйствования в таких местах, как тундра, тайга, горы, — опыт, который у них перенимали и русские колонисты, хотя и стоявшие на более высокой ступени развития. Указанные причины в значительной мере обусловливали заботу сибирских областников о туземном населении Сибири. Конечно, и то обстоятельство, что сибирская буржуазия чувствовала себя обиженной капиталистами метрополии, также заставляло ее идеологов сказать не мало горькой правды о положении туземцев с целью скомпрометировать метрополию. Буржуазная сущность пронитывает насквозь научные построения и описания областников. Описывая гнет и эксплоатацию алтайцев, областники не указывали, какой определенный способ производства порождал такую-то эксплоатацию, такие-то классы. Они не указывали, интересы каких классов сталкивались здесь, кто конкретно был эксплоататором алтайцев и каких именно алтайцев, все ли алтайцы подвергались одинаково эксплоатации или некоторые из алтайцев не только не испытывали эксплоататорского гнета, а, напротив, сами эксплоатировали своих соплеменников. Все эти существеннейшие вопросы у областников или решены неверно или обойдены крепким молчанием. Во что вылилась практическая деятельность «защитников» прав алтайского народа после Февральской революции 1917 г. и в период колчаковщины, хорошо показывает книга П. Я. Гордиенко «Ойротия», где дана блестящая критика областников, где вскрыта и до конца обнажена контрреволюционная сущность областнических тенденций.

Не замечая классового расслоения внутри алтайцев, областнически настроенные авторы находили у алтайцев родовой строй и общинные порядки. Даже наиболее глубоко изучавший алтайцов С. П. Швецов, давший солидное исследование по экономике кочевого и оседлого хозяйства, много уделяет внимания «родовому началу» у алтайцев и придает ему преувеличенное значение, хотя исследования Швецова относятся к концу XIX столетия[12]. Многие факты и явления кочевого быта, землепользования, общественно-административной организации алтайцев по Швецову являются, с одной стороны, продуктом развития родового начала, а с другой стороны, разложения под воздействием совершенно иных факторов, не имеющих с родовым началом ничего общего, каковы — русское господство в крае, развитие торговых отношений. Однако, Швецов даже не пытается показать и определить новые общественные отношения. Методология его типично буржуазная. Исследуя хозяйство алтайцев, он строит таблицы, рисующие хозяйственную действительность не по признаку обеспеченности населения средствами производства, и оперирует не с группами по зажиточности, а делит население на кочевое и оседлое и

[12] Горный Алтай и его население. Том I и II. Барнаул, 1900 г.

путем упражнений со средними величинами ухитряется совершенно затушевать картину классового расслоения у алтайцев[13]. Он идеализирует родовое начало и утверждает, что «у алтайцев никогда не было, как и нет сейчас, разделения на сословия»[14].

Вслед за Швецовым утверждали родовой строй у алтайцев Н. С. Гуляев и П. Семьянов, составившие по заданию Г. Н. Потанина работу «Алтайские инородцы», которая имела целью разжечь национал-шовинистические чувства алтайской интеллигенции после Февральской революции и бросить ее в об'ятия эсеровщины. Эта компилятивная работа имеет специальную главу, посвященную «родовому строю», где все доказательства сводятся только к тому, что у алтайцев сохранились родовые названия, и даются списки этих названий.

Теория родового строя у алтайцев прочно утвердилась в научной литературе. Даже в советский период появились некоторые работы, отстаивавшие или исходившие из этого положения. Достаточно сослаться на работу Л. П. Мамет «Ойротия». В плену у буржуазной науки находился некоторое время и такой крупный знаток советской Ойротии, как П. Я. Гордиенко, который в своей хорошей и политически заостренной книге об Ойротии не дал отпора теории родового строя, а скорее молчаливо принял ее, хотя это никак не увязывается с его в общем правильной характеристикой общественных отношений у алтайцев до Октября.

Наиболее яркую и откровенную защиту теория родового строя за последнее время получила в лице этнографа Н. П. Дыренковой, которая еще в 1926 г. печатно заявляла: «Турецкие племена Алтая — алтайцы — живут еще до сих пор родовым бытом, основанным на кровном родстве по отцовской линии»[15].

Об'ективный смысл этого непродуманного заявления Дыренковой становится совершенно очевидным без комментариев, если принять во внимание, что когда представительница науки писала о родовом быте, партийная организация Ойротии уже не первый год вела упорную борьбу с зайсанско-байской феодальной и кулацкой верхушкой алтайцев. В отличие от многих авторов Дыренкова пытается обосновать свое положение рядом фактов, правда, извращенных. Она, например, утверждает, что главную роль в хозяйственных вопросах алтайцев играет «старший в роде». Она пишет: «Старший в роде, служащий **до сих пор** об'единяющим звеном сеока (рода. Л. П.), пользуется уважением сородичей. Он вмешивается в их дела и играет главную роль в хозяйственных и особенно религиозных вопросах жизни сеока»[16] (подчеркнуто мною. Л. П.) и только «в отдельных семьях уже теперь главенствует отец». В поисках родово-

---

[13] В дальнейшем изложении я покажу на основании материалов Швецова как-раз обратное. См. главу „Разложение крестьянства".

[14] Швецов, т. I, стр. 236.

[15] Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеутов. Сборн. Материалы по семейно-родовому строю народов СССР. Ленинград, 1926 г., стр. 247.

[16] Указ. сочин., стр. 429.

го строя с его старейшинами Дыренковой удалось просмотреть роль таких общественных типов, как зайсан, демичи, бай. Вместо того, чтобы показать в чьих руках находилась общественная жизнь алтайцев, кто задавал ей тон, определял ее, вместо того, чтобы показать, что фактическим хозяином в алтайском аиле был зайсан, демичи, бай, торговец и прочие фигуры эксплоататорской верхушки, Дыренкова писала о роли «старшего в роде». Кроме того, Дыренкова приводит ничем не подкрепленное утверждение, что «члены одного рода до последнего времени землей пользовались сообща даже в тех местах, где отчасти занимались и земледелием, работали у сородичей все вместе по очереди; скот пасся вместе и в более отдаленное время был общей собственностью рода. В недавнее же время лишь более близкие сородичи имели общий скот»[17]. Наконец, Дыренкова распространяется о «родовой помощи» и сожалеет, что «сейчас этот обычай, под влиянием русских, местами выходит из употребления»[18]. Правильнее было бы сказать, не под влиянием русских, а под влиянием советской власти, так как мы увидим дальше, что представляла собой эта «родовая помощь». Увидим также, как «мирно» и «по очереди» работали алтайцы друг у друга. Проверяя утверждение Дыренковой об общности пастбищ и скота у алтайцев-стариков, я всегда наталкивался на отрицание этого положения[19]. Оно вызывало изумление у алтайцев. Алтайцы не сохранили воспоминаний о родовой собственности. Это понятно, ибо даже в сказках их существует частная собственность на скот, разделение людей на знатных, богатых и на бедных. Сведения Дыренковой несомненно получены из кулацкого источника. Нельзя не знать побывавшему в Алтае, что зайсаны и баи всячески старались маскировать свою эксплоататорскую деятельность в тогу «родовой помощи». Именно зайсаны и баи внедряли в сознание алтайцев родовую солидарность, так как последняя задерживала развитие классового самосознания эксплоатируемых алтайцев и тормозила классовую борьбу или направляла ее в сторону национального антагонизма, сводя к борьбе между русскими «вообще» и алтайцами «вообще».

Большинство исследователей алтайцев выдавали за «родовой строй» его пережитки, сохранившиеся особенно в семейных обычаях и религиозных воззрениях алтайцев. Слабо сохранившиеся следы материнитета, группового брака, некоторые моменты регилиозных обрядов и обычаев свидетельствуют только о том, что алтайцы когда-то действительно пережили стадию родового общества. Однако, это еще не дает права приписывать родовой строй алтайцам хотя бы в период русской колонизации. В понятие «родовой строй» наука вкладывает определенное содержание.

---

[17] Там же, стр. 250.

[18] Там же, стр. 251.

[19] Отсутствие у алтайцев воспоминаний об общей собственности на скот о родовых пастбищах подтверждает С. А. Токарев (доклад Токарева „Докапиталистические пережитки у саяно-алтайских народов" на этнографической секции I Всесоюзного географического с'езда и на научном совещании Этнографического отдела бывшего Русского музея).

Бесцеремонное обращение с этим термином означает либо полное невежество, либо стремление извратить действительность.

Какой смысл был в этом утверждении родового строя для алтайцев? Ответить на это не трудно. Подлинно научное определение родового общества, относящегося к доклассовой формации, подразумевает такое общество, при котором, прежде всего, хозяйство «ведется на коммунистических началах», при чем основной хозяйственной единицей является род, об'единяющий людей по принципу кровного родства. «Величие родового строя, — писал Энгельс, — но вместе с тем и его ограниченность проявляется в факте, что здесь нет места для господства и угнетения», нет «места для расслоения племени или рода на различные классы»[20].

Родовой строй — это общество бесклассовое, где нет эксплоатации, где коллективное производство, где коллектитная собственность на средства производства.

Стало быть, утверждая у алтайцев родовой строй, мы тотчас же должны признать все перечисленные признаки этого, строя, должны признать отсутствие частной собственности, отсутствие классов и т. д. Такое признание перечисленных признаков выгодно и нужно тем, кто стремится затушевать классовое строение общества, замаскировать эксплоатацию идеализацией **«родовых»** отношений, замолчать противоречивое распределение средств производства и т. д. Утверждение родового строя у алтайцев означает самое бесцеремонное извращение действительности, самое антинаучное обращение с фактами.

Теория родового строя у алтайцев чревата и политическими последствиями. Усвоив эту псевдонаучную теорию из этнографической литературы об алтайцах, некоторые партийные работники Ойротии об'ясняли, например, успехи коллективизации в Ойротии не результатами упорной и длительной работы коммунистической партии, а тем, что алтайцы до революции жили «родовым строем» и имели навыки к коллективному труду и быту. Отсюда отрицание кулака в Ойротии правоуклонистами, которые не прочь были признать алтайского бая за «невинного» члена первобытно коммунистической общины.

Признать у алтайцев существование родового строя перед революцией, значит оболгать историю, наклеветать на коммунистическую партию в Ойротии, ведущую наступление на кулацкие элементы и подготавливающую почву для сплошной коллективизации на основе ликвидации кулачества как класса. О каком же наступлении на кулачество можно говорить, если у алтайцев и классов-то не было. Не значит ли это, что партийное руководство в Ойротии сражается с ветряными мельницами. Не пустить ли тогда кулаков типа Аргымая Кульджинова, о котором пойдет речь впереди, в колхоз? Не значит ли это, что гражданская война и борьба за советскую власть на Алтае была борьбой только с русскими кулаками и бандитами? Вот куда неизбежно должна привести тео-

---

[20] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Москва 1932 г.

рия родового строя у алтайцев. От этой «невинной» теории до ревизии генеральной линии партии — один шаг.

Вот почему в книге по истории Ойротии я стремился опровергнуть, разбить до конца антинаучную и крайне вредную в политическом отношении теорию родового строя у алтайцев и противопоставить ей на фактах, на конкретном анализе общественных отношений, концепцию классового строения общества у алтайцев до Октября и предпринял попытку осветить и раз'яснить ход исторического процесса в Ойротии в условиях колониального режима царской России.

Настоящая книга представляет собой первую часть задуманной работы «Очерк истории Ойротии», Вторую часть, посвященную истории советской Ойротии, где я принимаю участие, пишет П. Я. Гордиенко, который, собственно, и положил начало настоящему изучению Ойротии своей книгой «Ойротия», направленной против буржуазных извращений в вопросах истории Ойротии.

Я могу считать цель своей работы достигнутой, если она поможет партийным и советским работникам, учащимся и колхозникам Ойротии разобраться в вопросах истории Ойротии, а главное уяснить закономерность и генезис той обостренной классовой борьбы, которая происходит в настоящее время вокруг социалистического строительства в Ойротии, где разбитые, но еще не добитые классовые враги трудящихся ойротов оказывают бешеное сопротивление победоносному шествию Ойротии по пути некапиталистического развития, гениально намеченному В. И. Лениным и успешно осуществляемому ныне ойротами, под руководством коммунистической партии, во главе с т. Сталиным.

Мне остается здесь еще принести товарищескую благодарность бывшему секретарю Ойротского обкома ВКП(б), ныне заведующему агитмассовым отделом Западно-сибирского крайкома ВКП(б) П. Я. Гордиенко, председателю ЗапсибККРКИ Л. А. Папардэ, секретарю Ойротского обкома ВКП(б) П. С. Хабарову, председателю Ойрот. обл. РКИ А. С. Алагызову, секретарю Запсибкрайисполкома И. С. Алагызову, завкультпропотделом Ойротского обкома ВКП(б) Г. Чучкалову, колхознику Челикею Апаятову и моему товарищу аспиранту Государственной академии истории материальной культуры А. Бернштам — за прочтение моей рукописи, за ценные сведения и замечания и неизменную помощь, которую я от них получал за время собирания материала до издания книги включительно.

Я должен также отметить внимательное отношение и советы, даваемые мне в процессе работы директором Музея антропологии и этнографии Академии наук Н. М. Маториным. Ему, моему бывшему руководителю во время прохождения аспирантуры в Академии наук СССР, я приношу свою благодарность.

1. ПЕРЕХОД АЛТАЙЦЕВ В РУССКОЕ ПОДДАНСТВО

В первой половине XVIII века племена, населяющие Алтай, входили в состав Джунгарского государства. Управляемые зайсанами алтайцы считались подданными джунгарского хана, которому платили налог пушниной, железными котлами и таганами.

Джунгария представляла собой обширное феодальное государство. Границы ее простирались: на севере от Аральского моря через южные части русских областей Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, вдоль пограничной Бийской казачьей линии до Саянского хребта; на востоке — вдоль восточного края Западной Монголии до пустыни Гоби; на юге — по северной части Гоби и южным предгориям Тянь-Шаня и северо-западной окраине Тибета и на западе до р. Аму-Дарьи.

Господствующим племенем в Джунгарии являлись калмыки, кочевавшие со стадами в горных местах страны. Их кочевья были раскинуты от озера Нор-Зайсан до рек Джулдуса и Таласа. Калмыки вели скотоводческое хозяйство, отличавшееся слабой технической вооруженностью. Большое значение в их хозяйственной жизни имела охота. Земледелие было развито крайне слабо. Оседлые поселения и земледельческое хозяйство заводили только очень крупные удельные князья, жившие к северу от Тянь-Шаня (например, на реке Иле). Поля обрабатывались трудом пленных бухарцев. К югу от Тянь-Шаня, в Джунгарии, жило оседлое бухарское население, подчиненное джунгарам. Бухарцы занимались земледелием, садоводством. Они умели приготовлять хлопчатобумажные ткани, вели обширную торговлю в Азии. Бухарские купцы проникали и на север России, например, в Архангельск. У бухарцев была образованность, доступная только высшим слоям населения. Бухарские поэты создали произведения, получившие широкую известность. На севере Джунгарии жили алтайские племена, которые вели скотоводческий и звероловческий образ жизни, питаясь молочными продуктами, мясом зверей и корнями диких растений.

Из «Описание Джунгарии» Иакинфом Бичурином выясняется, что термин Джунгария или Чжунгария — термин географический, означающий «восточную окраину» от монгольского «чжун» — восток.

Джунгария делилась на четыре основных аймака, во главе которых стояли князья — тайши, считавшие себя потомками Чингис-хана. Среди

них по экономическому и политическому влиянию выделялся тайши аймака Чжорос-Батур, именовавший себя титулом «хан-тайши». Русские в сношениях с ним называли его «контайша». Титул «хан-тайши» сохранялся у джунгаров до 1745 г., когда умер последний «хан-тайша» из поколения Чжорос-Галдан-Черень.

Об'единение джунгарских аймаков произошло в XV веке в результате военных столкновений с Китаем и получило название «Ойратского союза».

Во главе Джунгарии стоял хан, номинальный собственник всех земель, входящих в состав государства. Летом хан кочевал, зимой жил в городе. Ему подчинялись знатные князья, владевшие пожизненно и наследственно уделами. Население было закреплено за своими владельцами. Статья 131-я Монголо-ойротских законов сулила материальное вознаграждение тому, кто доставит владельцу перебежчика. В пределах своего удела князь являлся фактическим собственником земель. В княжеских стойбищах нельзя было охотиться, пасти скот. Провинившемуся грозил штраф в размере 9 верблюдов (статья 25-я)[1].

Монголо-ойротские законы отражают общество, покоющееся на основе частной собственности. Классовое строение общества наглядно выступает при чтении статей Ойротских законов, действовавших в Джунгарии.

Закон на стороне господствующего класса и его ближайшего помощника — духовенства. За оскорбление главного князя карали разорением, за оскорбление князя среднего достоинства — штрафом в девять скотин, за оскорбление младшего князя — штрафом в 5 скотин (ст. 20). За оскорбление духовенства взыскивалось до 9 девятков скота (ст. 17). За оскорбление «подлого» человека наказания не полагалось. Статья 5-я гласила: «кто противно религии побьет (людей) и разграбит аймак, принадлежащий духовенству, с того взять сто панцырей, сто верблюдов и тысячу табуна». Высшее сословие, князья, чиновники и духовенство (ламы) жили целиком за счет эксплоатации своих подданных, прикрепленных производителей, преимущественно скотоводов. Трудящееся население Джунгарии обязано было доставлять продовольствие, кормить князей всех рангов. Законодательство предусматривает случаи, когда могут оказаться «перерывы в продовольствии» для князей.

Такие проступки карались штрафом[2]. Трудящиеся обязаны были также доставлять княжеской знати, чиновникам и духовенству подводы.

На ряду с феодальными формами эксплоатации (отработочная рента, рента продуктами) в Джунгарии находим и эксплоатацию рабов. Рабовладение в Джунгарии было широко распространено, но рабы служили преимущественно предметом торговли. Тем не менее известно, что в городах Джунгарии применялся труд военнопленных рабов-ремесленников. Среди пленных рабов нередко можно было встретить русских, например

---

[1] Монголо-ойратские законы 1640 г. изданные К. Ф. Голстунским СПБ. 1880 г.

2 Статья 26.

«Ефим Вяземский в Еркене (Яркенд. Л. П.) плавил серебряную руду» . «Иван Михайлов плавил в Урге медную руду и лил пушки»[3] и т. д.

Политическая мощь Джунгарии заставляла считаться с ней Китай и Россию. Подвластные России киргизы и барабинские татары вынуждены были платить дань Джунгарии, против чего русское правительство опасалось возражать, боясь столкновения. Русская военно-торговая экспансия в южную Сибирь при слабой укрепленности границ с Джунгарией, нуждалась в большой осторожности. Из переписки Коллегии иностранных дел с Правительствующим сенатом[4], относящейся ко 2-ой половине XVIII столетия, можно судить о претензиях джунгарского хана к России, состоявшей, по выражению документа, в том, что «якобы в прежние времена границы между Всероссийскою империею и владением их учинены были с теленгутами, им подчиненным народом, вблизости тамошних мест кочевавшим вдоль по реке Иртышу по Омь реку и будто там и засека была, а в другом месте под Кузнецким уездом за границу положена была речка Уень или Черная Омь, которая впала в реку Обь и при том поставлено было, чтоб с обеих сторон далее того не переходить и будто на тех землях жили их люди; но с российской стороны преступя онные границы, построены потом Томск, Кузнецк, Красноярск и крепости по Иртышу реке и заводы, а потому всегда усиленно, а иногда и с угрозами требовали они (джунгары. Л. П.), чтоб оные места со здешней стороны им возвратить».

В ответ на претензии Джунгарии русское правительство усердно доказывало, что «в тех местах границ и засек и иных знаков никогда не было... и все те земли исстари к Российской империи принадлежат и города на оных Томск, Кузнецк и Красноярск построили с Российской стороны издавна». Кроме ссылок на давность принадлежности к России оспариваемых Джунгарией территорий, русское правительство по мере сил и возможности укрепляло сибирские границы. Так в 1744 г. в Сибирь был отправлен генерал Киндерман с военным подкреплением. Серьезных столкновений с Джунгарией не произошло, по об'яснению документа, только потому, что Джунгария в то время была занята внутренними междоусобными делами. Междоусобиями джунгарских феодалов воспользовался Китай. В 1756 г. китайские войска разгромили Джунгарию с целью завладения ее территорией. Китайцам удалось захватить почти всю Джунгарию и завладеть Малой Бухарией. Часть населения Джунгарии, в том числе и алтайцы, спасаясь от преследования китайцев, обратились к русскому пограничному начальству с просьбой о принятии их в подданство, что вызвало недовольство Китая. Китайское правитель-

[3] Материалы для истории Сибири. Чтения в Императ. о-ве истории и древностей российских. 1867 г., книга I, стр. 153.

[4] Копия из переписки Сената с Коллегией иностранных дел по поводу сношений с Джунгарией мною найдена в архиве С. И. Гуляева, б. архивариуса Архива управления Горно-алтайского округа в г. Барнауле. Подлинник документа, очевидно, был подписан графом Мих. Воронцовым, датирован документ 1761 г. от 10 июня.

ство, ссылаясь на Буринский договор, где имелся пункт о перебежчиках[5], требовало выдачи принявших подданство. Русское правительство отводило это требование, указывая, что трактат предусматривает выдачу перебежчиков, состоящих в подданстве договаривающихся государств. Джунгары китайскими подданными не являлись, а потому выдаче не подлежат. Опасаясь, что, завоевав Джунгарию, китайцы возобновят вопрос о пересмотре границ с Россией в пределах джунгарских требований, т. е. потребуют территорию между Иртышем и Обью до реки Оми, Сибирский генерал-губернатор, тайный советник Соймонов представил в Правительствующий сенат и Коллегию иностранных дел от 14 марта 1760 г. соображения: «**о занятии** в предупреждение китайцев и закрытия колывано-воскресенских заводов с нынешними и впредь чаемыми рудниками, **также и двоеданцев,** которые по большей части кочевье свое имеют по рекам Аную, Катуни, да и по прочим в Телецкое озеро впадающим, лежащих недалеко от Усть-каменогорской крепости при реке Бухтарме, угодных к поселению, хлебопашеству мест и о построении на оных крепостей линиею, начиная от Усть-каменогорской крепости до реки Бухтармы, а от той и до Телецкого озера»... (подчеркнуто мною Л. П.).

Правительствующий сенат и Коллегия иностранных дел поспешили согласиться с мнением сибирского губернатора. В Алтайские горы были направлены две экспедиции для осмотра мест под постройку крепостей и редутов от Бухтармы до Телецкого озера. Секунд-майор Шанский отправился с партией из Усть-каменогорской крепости к устью Бухтармы. Майор Энден с инженер-капитаном Плутовым вышел из Бийской крепости по маршруту: вверх по реке Бие до Телецкого озера, по западному берегу озера до реки Чулышмана, затем вверх по реке Башкаусу и оттуда в верховья Бухтармы. Энден и Плутов, за незнанием дороги и отсутствием бывалых проводников, намеченного маршрута не прошли и вернулись из вершины реки Эдигана, притока Катуни. Шанский прошел до вершины Бухтармы.

Благодаря разгрому Джунгарии, русское правительство смогло присоединить к себе земли по верхнему течению Иртыша у впадения Ульбы, Бухтармы и Нарына, а также по верховьям Катуни и Бии.

Алтайские зайсаны, кочующие неподалеку от русской границы, спасаясь от китайских войск, обратились осенью 1755 г. к русскому пограничному начальству с просьбой о принятии их в русское подданство. Пограничное начальство запросило центральную власть. Тайный советник сенатор Неплюев предписал сибирскому военному начальству впредь до особого распоряжения разрешить кочевать алтайцам вблизи границы. Вместе с тем Неплюев указывал, что, пользуясь этим случаем, можно под предлогом защиты алтайцев и прочих джунгарских подданных от

---

[5] Текст Буринского договора см. у Флоринского В. М. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами. Казань 1882 г., стр 341. Договор был заключен в 1727 г. и предусматривал установление границы между Россией и Китаем.

«киргиз-кайсаков» занять места до озера Нор-Зайсана, построить крепости, так что Саянские горы сделались бы естественною границею и не было бы нужды в Колыванской и Кузнецкой линиях. В 1756 г. 12 алтайских зайсанов (Омбо, Кулчугай, Кутук, Наамкы, Боохол, Черен, Буктуш, Буурут, Каамык, Наамжил, Имзынак и Сандут)[6] снова обратились с письмом к полковнику де-Гаррига с из'явлением желания принять русское подданство. Они писали: «Дай нам людей на обережение; обереги от злого времени в нашей земле; где вам поглянется **стройте город.** Ныне у нас — белый государь. Нашего белого государя полковник, пожалуйста поскорее — со всеми домами хотят увезти»[7] (подчеркнуто мною Л. П.). Зайсан Наамкы, явившийся депутатом, предлагал уплату ясака вперед и брал обязательство выставлять по требованию русского правительства 2000 вооруженных людей[8]. В 1756 г. русское правительство приняло алтайских зайсанов в подданство. Алтайское предание передает, что приемник зайсана Буктуша Эрельдей первый дал ясак белому царю — черного соболя с белыми лапками («баштаны-дееке»), — шкурку такого соболя приносят в жертву чистым духам.

Тогда же (2 мая 1756 г.) русское правительство указало сибирскому генерал-губернатору (от 2 мая 1756 г.) о необходимости воспользоваться смутами в Джунгарии и ослабить джунгаров. Для этого рекомендовалось захватывать земли, принимать в подданство джунгарское население, но не полагаться на их постоянство и не селить их вблизи границы, а отправлять их на Волгу. В случае же отказа от переселения на Волгу не допустить перехода их в Среднюю орду (казак-киргизов) и расселить в Сибири по усмотрению сибирского губернатора.

Большинство алтайских зайсанов отказалось от переселения на Волгу и осталось кочевать в Алтае и его предгорьях. Из донесения полковника Колобового об отправлении бывших джунгарских подданных на Волгу следует, что «Фон-Энден выступил из Бийска 28 июня (1757 г. Л. П.). Всего с ним отправлено из крепости и форпостов Кузнецкой и Колыванской линии, Бийской, Катунской, Ануйской, Николаевской, заводов Колыванского и Шульбинского, форпостов Убинского, Красноярского, Шеманаевского, Алейского, рудника Змеевского, Кабаковской защиты: семей 566, людей мужского пола 1106, женщин 1178, всего 2284. У них верблюдов 76, лошадей 3656, коров 157, баранов и коз 31. В списке высланных поименованы зайсаны: Бурут Чекугалин, Кимык Яманаков, Кутук Кутуйгулин, Церень Уруков и семейства умерших

---

[6] Самый главный из них был Зайсан Омбо, находившийся в постоянных сношениях с русским пограничным начальством. Омбо кочевал по реке Ябаган, в верховьях р. Чарыша. Кулчугай проводил зиму на Нарыне, потом поднимался к р. Берели (приток Бухтармы). Наамкы имел стойбища на р. Хыирлуке. Боохол кочевал вдоль Катуни, выше впадения р. Семы.

[7] Рапорт де-Гаррига от 18 февраля 1756 г. Цитирую по Шашкову „Рабство в Сибири".

[8] Там же.

Национальная библиотека Республики Алтай
Горно-Алтайская областная

зайсанов Гулчугай и Омбы. Кроме того поименованы калмыки ведомства зайсана Буктуша, но ни его самого, ни его семейства в списке нет»[9].

Принимая алтайских зайсанов в подданство, царское правительство целиком сохраняло за ними права и привилегии, которыми они пользовались над подчиненными им алтайцами.

До перехода в подданство России алтайские зайсаны управляли ведомствами или «зайсанствами», состоящими из нескольких дючин. Например, в ведомстве зайсана Омбо было 5 дючин. Каждая дючина состояла из 40 кибиток во главе с демичи, подчиненного зайсану. Подданные одного зайсана не имели права добровольно переходить к другому зайсану. После перехода в русское подданство алтайцы в административном отношении делились только на дючины. Во главе каждой дючины стоял зайсан с подчиненными ему несколькими демичи. Количество демичи обычно определялось количеством родов, входящих в состав дючины. Как до перехода, так и после перехода в русское подданство, в формирование административных единиц зайсанств или дючин был положен принцип родового об'единения, а не территориального. В состав зайсанства входило определенное количество определенных родов. Последнее обстоятельство отнюдь не свидетельствует о том, что алтайцы в это время жили родовым строем, оно вытекало из способа ведения хозяйства алтайцев. Кочевое скотоводческое хозяйство, технически отсталое, не производящее заготовки корма на зиму, а поэтому круглый год нуждавшееся в подножном корме, требовало наличия большой территории для каждого хозяйства, требовало редкого расселения скотоводов. А при такой большой разбросанности и подвижности населения территориальный принцип для образования административной единицы не подходил, он противоречил условиям кочевого хозяйства. Поэтому удобнее было к каждому зайсану прикреплять не определенную территорию, а приписывать определенную группу родов, члены которых были всецело подчинены только своему зайсану, независимо от того, где они кочевали.

Так как каждый алтаец прекрасно знал, к какому роду он принадлежит, организация дючин по родовому признаку была очень удобной. При встрече незнакомого алтайца зайсану и демичи достаточно было спросить, к какому роду принадлежит незнакомец, чтобы знать кому (какому зайсану и демичи) принадлежит этот алтаец. Однако, из того, что каждый алтаец знал, к какому роду он принадлежит, еще нельзя сделать вывод, что алтайцы жили в то время родовым строем. В настоящее время, в период социализма, каждый алтаец так же знает, к какому роду он принадлежит, но едва ли кто решится на этом основании говорить, что современные алтайцы или ойроты, живут родовым, а не социалистическим строем. Вопрос о том, какой же общественный строй был у алтайцев при переходе в русское подданство, на какой ступени общественно-экономического развития находились алтайцы в то время и

---

[9] Материалы для истории Сибири. Чтения... 1836 г., кн. 4-я, стр. 92.

на какой ступени исторического развития их освободила Октябрьская революция, будет освещен в дальнейших разделах очерка.

2. ПРОИЗВОДСТВО У АЛТАЙЦЕВ

При переходе в русское подданство у алтайцев полностью господствовало натуральное хозяйство. Основным видом хозяйственной деятельности являлось экстенсивное кочевое скотоводство, за исключением таежной части Алтая, где преобладала зверовая, пешая охота. В скотоводческих районах Алтая охота имела также существеннейшее значение для мелких скотоводов, которым она доставляла мясо и шкурки зверей, служащие предметом уплаты налога — ясака — и предметом натурального обмена. С другой стороны, и в горно-таежных районах Алтая при преобладании зверового промысла существовало в небольших размерах и скотоводство, однако, в значительной степени ограниченное условиями тайги.

Таким образом, базой способа производства у алтайцев было кочевое скотоводство в соединении с зверовым промыслом. Земледелие в хозяйственной деятельности алтайцев большого значения не имело. Даже к 1897 г. 50 проц. хозяйств алтайцев совершенно не имели посевов. Однако, когда-то, в более ранние времена, земледелие в Алтае было развито, об этом свидетельствуют остатки древних обширных оросительных сооружений. Современные алтайцы приписывают эти остатки китайцам (более сложные, глубокие и геометрически правильные оросительные каналы) или мифическому народу «толотой» (более простые канавы примитивного устройства).

Алтайцы разводили лошадей, овец, крупный рогатый скот, коз, сарлыков (як) и, частично, верблюдов. Способы и приемы ухода за скотом были весьма несовершенными. Круглый год скот пасся на подножном корму, кочуя под открытым небом, меняя зимой и летом пастбища. Заготовка сена производилась нерегулярно и в небольших размерах. Траву резали кривым ножом «оргуж», подсушивали и свивали в длинные толстые жгуты «толгок», которые вешали на деревья и зимой подпускали к ним скот. Русские миссионеры привезли в Алтай косу-горбушу. Появление горбуши относится к 60-м годам прошлого столетия. Распространена горбуша была довольно широко. Современные алтайцы еще хорошо ее помнят. Называлась она по-алтайски «карбыш чалкы». К 70-м годам русские заносят к алтайцам косу-литовку. Несмотря на простоту и дешевизну этого незатейливого орудия, литовка долгое время в условиях алтайской жизни являлась средством эксплоатации. С появлением литовки увеличились размеры заготовки сена. Литовка, вызвавшая рост производительности труда при сенокошении, позволила увеличить запасы сена, потребовала и иного способа уборки сена. Появляется укладка сена в стога.

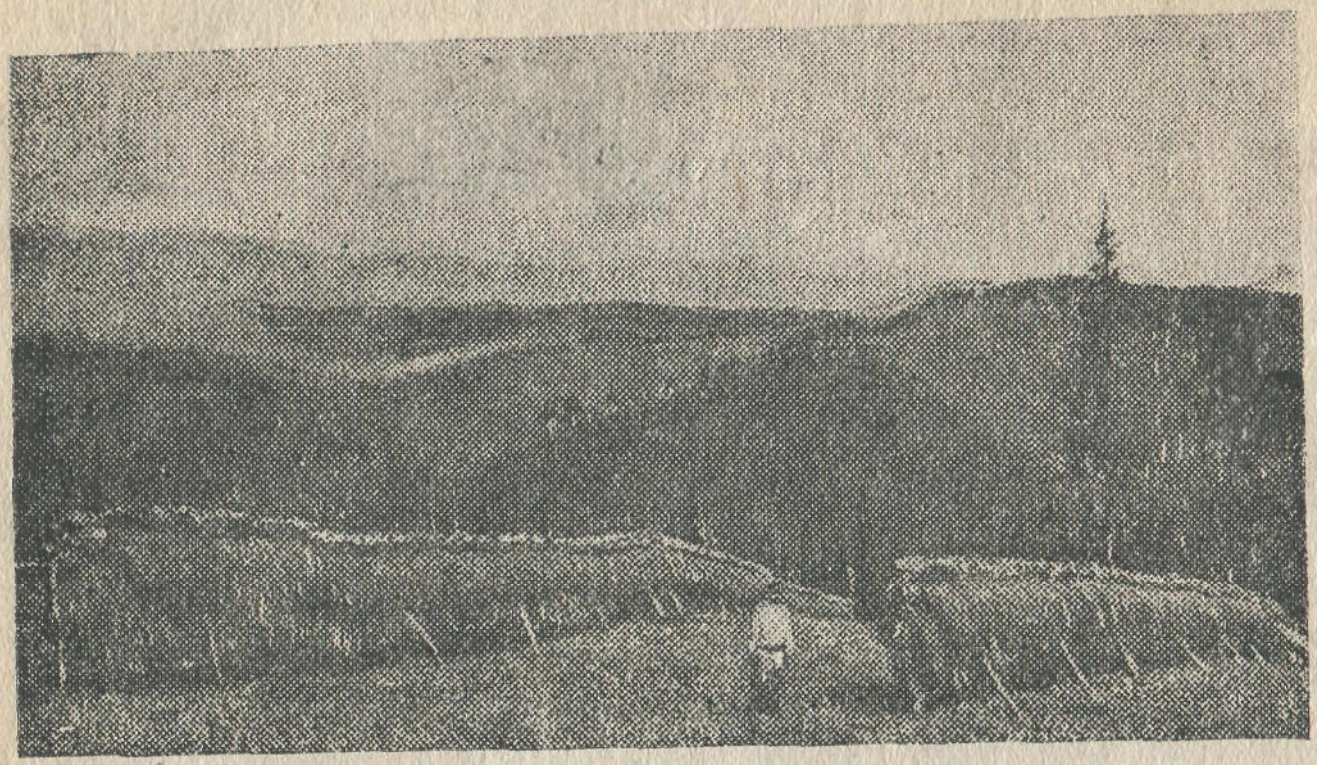

Рис. 1. Сушка снопов

Зимой и летом скот пребывал на открытом воздухе. Открытые загоны для скота устраивались в местах, защищенных от постоянных ветров. Обычно загон примыкал к скале, служащей защитой от ветра. Молодняк зимой держали в юрте. В семьях бедняцких и среднего достатка телята и ягнята жили вместе с хозяевами, в одной юрте. Молодых ягнят и телят иногда держали в специально устроенных ямах, где благодаря тесному соприкосновению, животные согревались собственной теплотой. Ямы эти выстилались сеном, закрывались жердями, корой и сверх всего шкурами. Они назывались «курке».

Обработка продуктов скотоводства проходила по линии обработки пищевых продуктов из молока и по линии обработки шерсти и кожи. Основным продуктом, изготовляемым из молока, являлся кисловатый сыр «курут», приготовленный из сквашенного, затем сваренного молока и продымленный над очагом. Другой вид сыра (пресный) назывался «быштак». Выделывалось примитивным образом масло «сардю», хранившееся в бараньих или бычьих сычугах. Алтайцы умели приготовлять «кымыс» из кобыльего молока, и «чеген», вкусом несколько напоминающий кумыс, но приготовляемый из коровьего молока. Эти напитки держали в кожаных сосудах «аркыт», сшитых жилами, вместимостью до 10 ведер.

Более мелкие сосуды: «порбый», вмещающий до ведра жидкости, делались также из кожи. Многие сосуды представляют собой кожу, снятую с ноги или вымени животного. Снятая кожа набивалась землей, высушивалась на огне, после чего получался сосуд наподобие чулка. Способ изготовления посуды и сосудов из сырой кожи, очищенной от волоса и сшитой жилами, при помощи набивки землей и просушки у костра, был наибо-

лее распространенным. Выделка кожи алтайцам была известна, но в весьма ограниченных размерах и отличалась плохим качеством. Поэтому спрос на хорошо выделанные кожи в Алтае был огромным, и русские купцы наживали на торговле юфтовыми кожами целые состояния.

В северном Алтае сырую лошадинную или бычью кожу брили острым ножом, натирали порошком пихтового угля и отваром костей, после чего кожа становилась черной. Затем в течение месяца держали на воздухе, проветривали, потом смазывали салом, мяли в особой колоде с зазубринами и дымили в земляных печках. Выделанная таким способом кожа хорошо выносила сырость.

Шкуры диких животных (козлины) и овчины выделывали при помощи натирания их вареной печенью и солью.

Обработка шерсти выливалась преимущественно в форму выделки войлока при помощи наиболее примитивных приемов. Войлок служил предметом натурального обмена.

Характерной чертой обработки продуктов скотоводства у алтайцев являлось то обстоятельство, что ни один из указанных предметов не принял формы массового, широкого производства. Обработка продуктов скотоводства производилась преимущественно с целью удовлетворения потребности хозяйства, и продукты обработки только весьма незначительной частью вступали в натуральный обмен.

Описанный примитивный способ ведения хозяйства ставил скотовода под угрозу всяких стихийных бедствий (эпизоотия, затянувшаяся весна, снежная зима и т. д.) и создавал неустойчивость хозяйства. Стихийные бедствия разоряли мелких скотоводов и выбрасывали их массами в ряды бедноты.

Техника звероловческого, охотничьего хозяйства также отличалась крайней отсталостью. В таежных местах Алтая охота была пешей, на лыжах. Русские завоеватели застали алтайцев охотящихся с луком. Это подтверждается официальными документами кузнецких воевод, которые в отписках московскому государю упоминают, что при сборе ясака у неплатежеспособных туземцев брали луки и таганы железные «в соболей место»[10]. Весьма важно в этом отношении свидетельство Палласа, который пишет, что «кобынское поколение состоит из 53 луков, каргинское из 40»[11]. «Кобый» и «карга» — роды, обитающие в Шории. Из этого следует, какое громадное значение для этих племен имел в свое время лук, если количеством луков определялась численная характеристика рода или поколения. Относительно кумандинцев нас осведомляет Н. Шерр: «прежде кумандинцы употребляли для охоты лук; и до сих пор вместо подписи они употребляют изображение лука, но последний уже вышел

---

[10] А. И., т. III, стр. 374 „и в отписке твоей написано на 148 г. Кузнецкого уезду с ясачных людей взято, за 29 соболей лук телеский, шапка да 21 таган железные"— Царск. грам. кузнец. воеводе Дементию Кафтыреву.

[11] Паллас. ч. III., стр. 508.

из употребления».[12]. У алтайцев и теленгитов лук часто фигурирует в преданиях и сказках. Называется он «саадак». Нам передавали, что у чуйских теленгитов-охотников до сего времени можно еще найти вышедшие из употребления луки. Наконец, по всему Алтаю лук сохранился в форме, уже получившей дальнейшее развитие в виде самострела (айа). Ружье было известно алтайцом до перехода их в русское подданство. Рапорты русского пограничного начальства показывают, что при переходе в подданство алтайцы имели ружья, называемые в документах «турками», чугунные пули, свинец, порох, а также луки, стрелы и копья[13]. Охотничье ружье получило распространение после утверждения русского господства. Ружья эти прежде всего разделялись на ружья, приобретаемые в Монголии и частично изготовляемые на месте (в таежных районах), и ружья русские, позднейшего изготовления. Первая категория — это шомпольные ружья с запаянным казенником, вторая — по преимуществу — патронные дробовики с затвором. Первая категория разделяется: на кремневые (мултык-таш), фитильные (мылталу-мултик) и пистонные с продольным нарезом (кырлу-мултык). Алтайские кузнецы переделывали русские старинные военные винтовки.

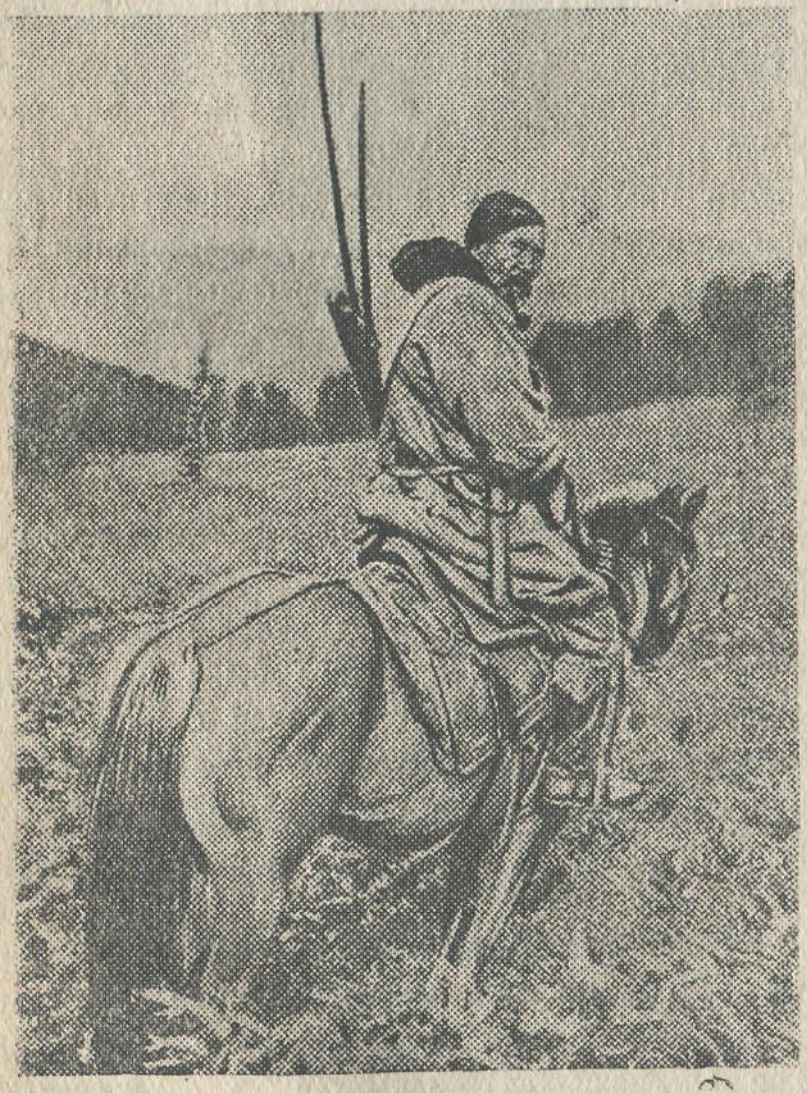

Рис. 2. Алтаец-охотник

По качеству или характеру боя алтайцы различают два типа ружей: «юректу-мултык» (ружье с сердцем) — хорошее ружье, бьющее зверя наповал, и «юректу-йок мултык» (без сердца), пронизывающее пулей зверя на вылет (повидимому, дальнобойное), но не убивающее зверя на повал. Называют еще один тип ружей — «коронду мултык» (ядовитое) — самое лучшее. Рана, пробитая пулей тако-

[12] Н. Б. Шерр. „Из поездки к кумандинцам в 1898 г." Алтайский сборн. т. V. 1903 г., г. Барнаул, стр. 97.

[13] См. „Материалы для истории Сибири", стр. 92. 110. Чтения. Кн 4-я. 1866 г.

го ружья, всегда смертельная, кровь из нее не выбегает, а «кипит» там, как выражаются алтайцы.

В связи с этим практиковалось и практикуется до сего времени улучшение убойности или «поронности» ружья. Тубалары заряжают ружье белыми цветами, повидимому ядовитыми, известными у них под названием «кандыктын енези» (мать кандыка). Такое отравленное ружье и называют «коронду мултык».

На крупного зверя алтайцы употребляли фитильное ружье, называемое «конгдой мултык» (без нареза). Пуля для этого ружья чугунная, крупного калибра. Она вводилась в канал ствола без шомпола, просто закатывалась. Большое неудобство это ружье представляло в том отношении, что из него нельзя было стрелять под гору, пуля выкатывалась из ствола до выстрела. «Конгдой мултык» можно встретить еще и в наши дни в глухих аилах Алтая.

Алтайские племена умели самостоятельно обеспечить себя и огнестрельными припасами. Пули и даже порох они умели приготовлять сами. По показанию урянхайца Чеобу (1760 г.), кочующие близ озера Кеньга алтайцы умели делать порох из горючей серы и селитры и ковали пули из железа[14]. Ядринцев сообщает: «порох выделывают алтайцы на Башкаусе и Чолушмане сами, он весьма крупный»[15]. Его приготовление кратко описывает Я. Попов в статье «Алтай»: «Каменные стены пещеры как бы потеют, — описывает он пещеру Бий Шебези, — эта отпоть селитренного свойства, она застывает и осыпается; цвет ее темносерый. Говорят, что из этой отпоти калмыки (алтайцы. Л. П.), сделав порошок, варили в воде с серой и углем и получали из этой смеси порох, прибавляя медвежью или сурковую желчь»[16].

Алтайцы употребляли для стрельбы пули, которые приготовлялись следующим образом: бралась камедь лиственницы «аю сынгыс», разогревалась на огне и смешивалась с чистым песком. Из этой серой смеси катали шарообразные пули требуемого калибра, которые, затвердевши, прекрасно служили своему назначению. Ими стреляли и соболей. Назывались они «бор-ок» (серые стрелы). Должно быть эти самые пули имеют в виду Юхнев[17] и только-что цитированный Попов, отмечая, что «белок бьют глиняными пулями». Весьма вероятно, что эти пули у алтайцев предшествовали железным и свинцовым[18]. Между прочим, пуля у алтайских турков называется «ок», что в переводе значит стрела. Это также показывает, что стрела предшествовала пуле.

Характерной и общей чертой для капканов является то, что они все деревянные, однотипные по форме и механизму. Все они спускного ус-

---

[14] Материалы для истории Сибири. Чтения. 1866 г., кн. 4, стр. 114.

[15] Н. Ядринцев. „Об алтайцах и черневых татарах". Изв. ИРГО 1881 г., вып. 4, стр. 239.

[16] Том. губ. ведом. 1858 г. № 41.

[17] Ук. соч.. стр. 108.

[18] Такие пули есть в коллекции Этнографического отдела б. Русского музея, приобретенные на р. Чуе у теленгитов, колл. № 599-33.

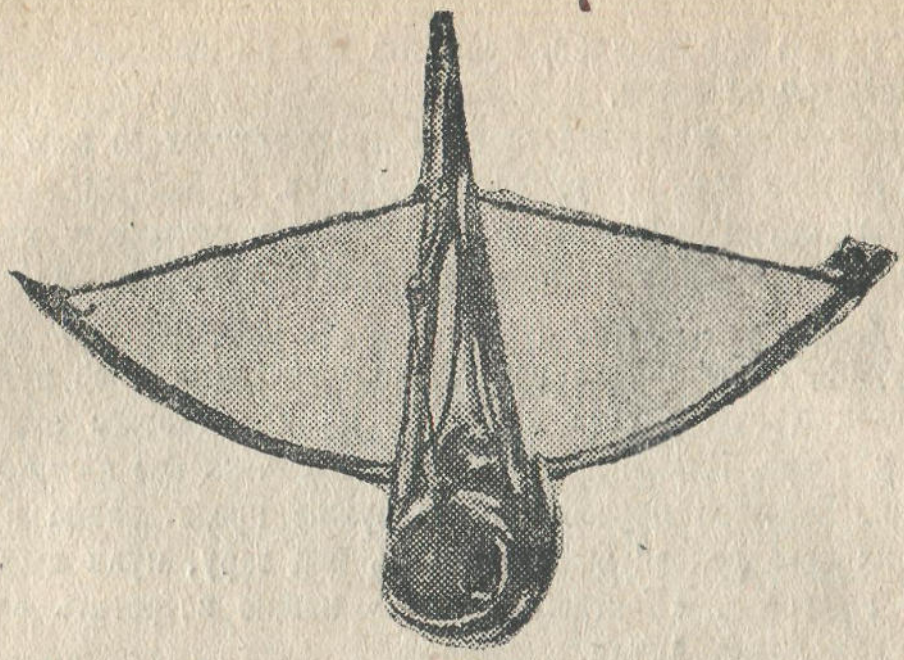

Рис. 3. Капкан деревянный на мелкого зверя

тройства. В каждом из них основной частью механизма является небольшой лук, на силе упругости которого и основано все устройство и значение капкана. Этот тип капкана распространен не только по всему Алтаю, но его мы находим у качинцев, бельтиров, сагайцев, карагасов, сойотов, бурят, тунгусов, якутов и во многих других местах С.-Восточной Азии. То же самое следует сказать и про самострел, на основании ознакомления с музейными коллекциями по сибирским народам в Музее антропологии и этнографии Академии наук и в Этнографическом отделе Гос. русского музея.

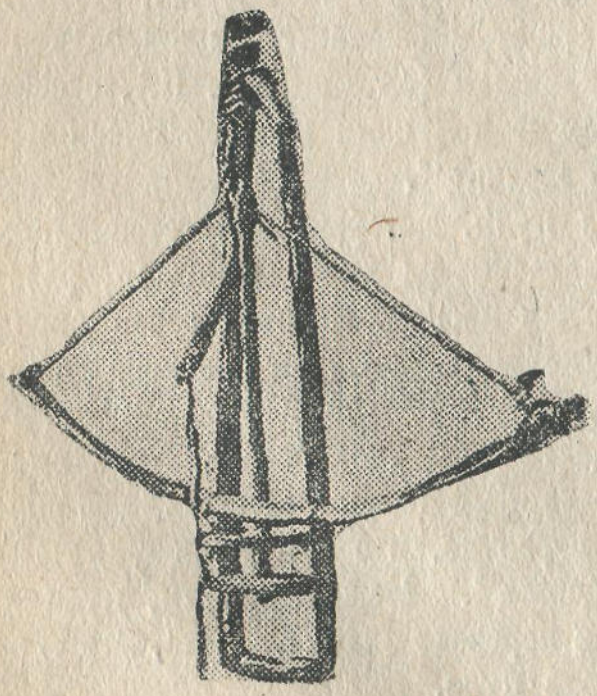

Рис. 4. Капкан на колонка

Можно еще упомянуть, что в свое время, по рассказам охотников, на крупных зверей практиковалась охота ямами. Яма такая носила специальное название «тешь».

Наконец, не меньшая техническая отсталость имела место и в земледелии. Приемы и способы обработки земли говорят о чрезвычайно ранней ступени развития земледельческого труда у алтайцев, на которой они еще долго удерживались, благодаря колониальной политики царизма, вплоть до Октябрьской революции. В литературе нередко можно встретить ничем не обоснованный взгляд об отсутствии земледелия у алтайцев до прихода русских. Это неверно. Земледелие существовало у алтайцев и до прихода русских, но в чрезвычайно отсталой первобытной форме, пережитки которой сохранились до наших дней. Алтайцам было известно два простейших орудия для разрыхления зем-

Рис. 5. Абыл и горбуша

ли: «абыл» и «андазын» или «алдазын». «Железные абылы, чем землю копают» южные алтайцы выменивали в «Ясашные Ея Императорского величества Кондомских волостях»[19].

Абыл представлял собой маленькую мотыгу, состоящую из железной лопатки, закругленной или, от долгого употребления, треугольной формы, насаженной на согнутую под углом палку. Обработка пашни абылом производилась вручную и давала крайне низкую производительность труда. Абылом один человек обрабатывает один «загон» (т.-е. $^1/_{11}$ га) около 10 дней, говорят алтайцы.

Андазын — более совершенное орудие, рассчитанное на применение тягловой силы животного. Это деревянная, простейшая соха, представляющая изогнутый корень дерева, острый конец которого, предназначенный для разрыхления почвы, снабжен железной треугольной пластинкой или, в более сложном типе, железным наконечником, одетым наподобие колпака. Андазын имет поперечную деревянную палку, вроде дышла, за которую привязывается аркан. Другим концом аркан привязывается к седлу верховой лошади. Глубина вспашки 1½ вершка, ширина борозды 2-3 вершка. Чтобы удовлетворительно разрыхлить землю, по одной борозде нужно пройти 3-4 раза. Поле вспахивалось андазыном вдоль и поперек. Производительность труда при работе андазыном также была крайне низка.

---

[19] Чтения... кн. 4-ая. 1866 г., стр. 85.

Бороньба производилась при помощи ветвей сухого дерева, на которые сверху для тяжести клали камни. Вместо жатвы колосья выдергивали руками, связывали в пучки, подсушивали на жердях и вместо молотьбы обжигали на огне. На ряду с этим молотьба производилась и деревянной толстой, изогнутой колотушкой «токпок», на специально устроенном маленьком гумне. Впоследствии выдергивание колосьев заменилось срезыванием их ножом, наконец, жатвой при помощи русского серпа.

Рис. 6. Жилище „сеольты". На переднем плане соха „андазын"

Хранили зерно в яме «коктый», стенки которой выстилались берестой и сухим сеном для предохранения от сырости. Сверху яма покрывалась жердями, берестой и засыпалась землей. В северном Алтае зерно ссыпали в большие берестяные туясы и ставили их на деревянных четырехугольных помостах на пашне.

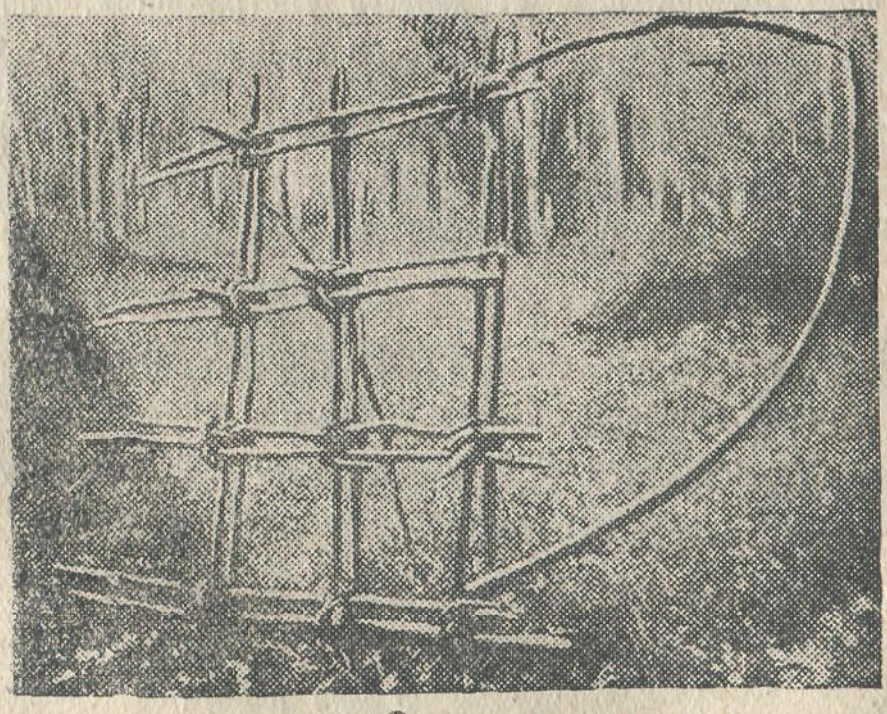

Рис. 7. Деревянная борона

Естественно, что при такой технике, да еще в трудных горных условиях, земледелие у алтайцев не получило большого распространения и сколь-

либо значительные посевы производили только зайсаны и баи, пользуясь трудом зависимых от них алтайцев. Сеяли преимущественно ячмень, из которого посредством поджаривания в котле, толчения в деревянной ступе («сока») и растирания на ручной каменной мельнице «паспак» получали ячменное толокно «талкан», который ели насыпая в чай, сваренный с молоком, солью, и иногда кусочками бараньего жира.

Рис. 8. Молотьба колотушкой „токпок

Домашняя промышленность алтайцев в то время также еще не вышла из стадии первоначального развития и не отделилась от скотоводства и охоты, хотя у некоторых отраслей ее намечалась тенденция к выделению: в скотоводческих районах начинала развиваться выделка войлока и седел, в лесных районах, где были известны приемы добывания железа из руды, — изготовление кузнечных изделий. Однако, с проникновением в край русских и завозом туда железных изделий, кузнечное ре-

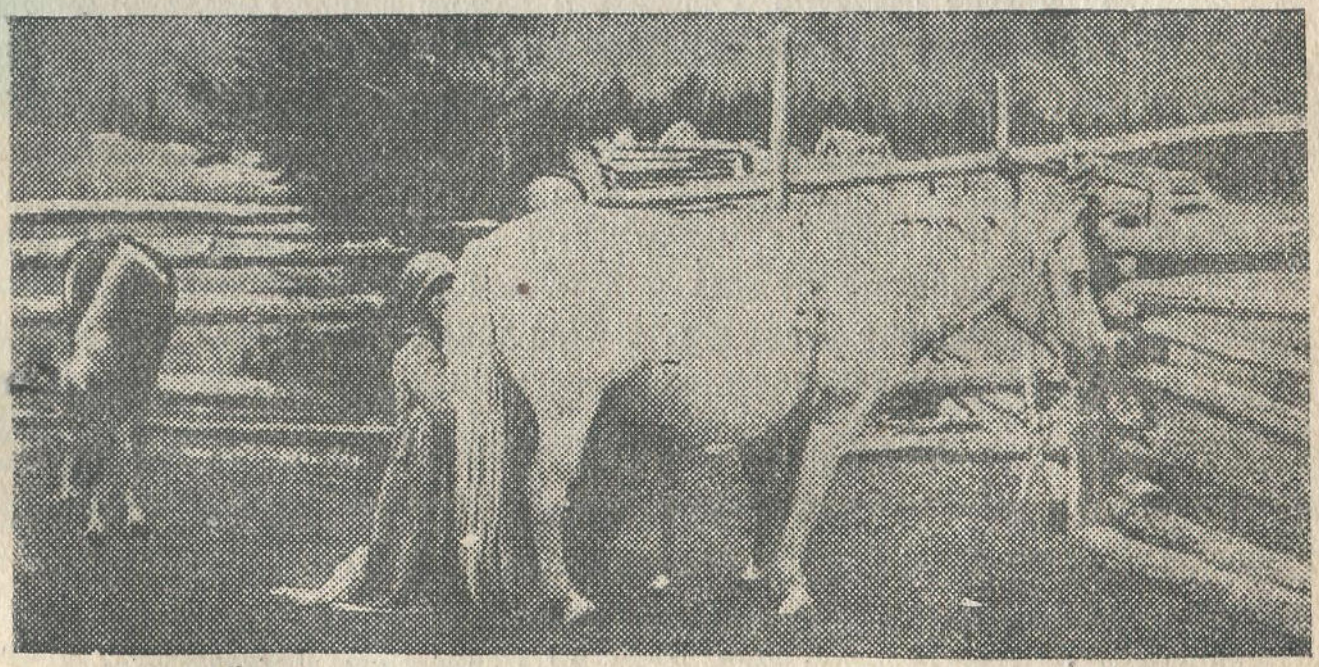

Рис. 9. Доение кобылицы.

месло у алтайцев стало приходить в упадок. Исчезла и плавка руды. Между тем, известно, что племена, обитающие в северном Алтае, уже давно умели добывать и плавить железную руду и Джунгарскому хану платили налог железными котлами и таганами («тегилю и темир очак»).

По рассказам стариков-тубаларов, во времена подданства Джунгарии, тубаларский сеок «кобурчи кондош» (угольщики) добывал железо из гор, расположенных между рр. Уймень и Кара Кокшей. Гора Онугун давала ковкую сталь — «ой болот», гора Салынчак — хрупкую сталь «сай-болот». Горы эти хорошо видны из Бежельбика.

Кстати, то обстоятельство, что налог Джунгарскому хану платили котлами, еще не говорит за то, что все население этих таежных областей было хорошо обеспечено этими котлами. Например, платя налог котлами, малоимущее население само сидело без котлов, и звероловы, промышляя в тайге, кипятили воду в берестяных сосудах, называемых «тос казан» («тос» — значит береста), посредством опускания раскаленных камней. «Тос-казан» тубалары старики помнят и до сих пор. А работавший у кумандинцев этнограф А. Новиков отметил употребление их на промысле в 1927 г.

Русские железные изделия вытеснили рудное и кузнечное ремесло у алтайцев. Русский топор быстро вытеснил алтайский «керги» (тесло), посредством которого дерево нужно было обрубать кругом, что затрудняло работу. Русские котелки и чайники вытеснили изготовление чугунных котлов. Мы можем заключить, что и домашняя промышленность алтайцев, еще не оторвавшаяся от скотоводства, характеризовалась той же рутинностью, той же раздробленностью и узостью, как и мелкое патриархальное скотоводство. Совершенно отсутствовало прядение и ткачество, и только у шорцев северного Алтая существовал примитивнейший ткацкий станок, на котором производилась ткань из волокон кендыря.

Стало быть, производительные силы у алтайцев находились на весьма низком уровне развития. Слабость и раздробленность мелких производителей, составлявших основное население, их низкий культурный уровень и гнет двойной эксплоатации, о котором будет сказано дальше, наконец, крайне слабая техническая вооруженность хозяйства алтайцев не давали им возможность подчинить себе природные условия Алтая: распахать долины и засеять их, использовать лесные и рудные богатства гор, использовать пышные пастбища и луга для разведения породистого и наиболее рентабельного скота и т. д. При таком уровне развития производительных сил, при таком слабом разделении труда, когда еще не отделилось земледелие от скотоводства и домашняя промышленность не получила сколько-либо достаточного развития, чтобы выделиться в самостоятельную отрасль общественного производства, при этих условиях процесс воспроизводства натурального, экстенсивного хозяйства алтайцев мог совершаться только при наличии больших земельных просторов, покрытых прекрасными пастбищами, при наличии громадных пространств, покрытых тайгой, изобилующей зверями, при наличии достаточной обеспечен-

ности хозяйства скотом. И надо сказать, что последнее обстоятельство, именно обеспеченность хозяйства скотом, являлось у алтайцев главным условием производства, ибо при большом количестве свободных земель, находящихся в пользовании алтайцев, вопрос о пастбищах, благодаря земельному простору, не стоял остро; вот почему у алтайцев долгое время существовала общинная форма пользования землей, пока в период усиленной земельной колонизации русские колонисты не стеснили алтайцев. Процесс стеснения алтайцев в земельном отношении происходил в двойном темпе. С одной стороны, теснили русские колонизаторы, с другой стороны, зайсанско-байская верхушка алтайцев, торопившаяся захватить лучшие пастбища и земли, находившиеся в общем пользовании, и владеть ими единолично и наследственно. Однако, об этом подробнее будет сказано ниже.

3. ГЛАВНЫЕ УСЛОВИЯ ПРОИЗВОДСТВА

Из сделанного краткого обзора способа ведения хозяйства видно, что основными средствами производства у алтайцев являлись **земля и скот.** Необходимо рассмотреть, какая форма собственности существовала на эти главные средства производства и как распределялись эти средства производства среди алтайцев.

Начнем с земли. На основании каких источников и каким образом можно определить форму собственности на землю у алтайцев до перехода в русское подданство? В нашем распоряжении имеется только два таких источника. С одной стороны, некоторые литературные источники о Джунгарии, в состав которой входили алтайцы до перехода в русское подданство. С другой стороны, эпос алтайцев. В эпосе алтайцев отчетливо видно, что земля принадлежала хану. В сказке Алтай Бучый говорится о границах владений Хана, определявшихся по долинам, по течению рек. В сказке Когутей, Каратты-хан владеет огромными землями, которые он роздает за службу своим знатным зятьям в качестве уделов. Народ, поданный хану, платит ему «алман» — налог. Герой сказки «Мадай Кара» жалуется, что его разорил налог. В сказке «Каратты-хан» — сын Каратты-хана, подчинившегося более сильному Карагул-хану, заявляет о невозможности уплаты налога[20]. Из этих кратких извлечений можно заключить о ханской собственности на землю. Земля, будучи собственностью хана, находилась в пользовании его подданных, платящих за это хану налог.

Перед вступлением в русское подданство алтайцы, входившие в об'единение западных монгольских племен, известное под именем Ойратского союза, возглавлявшееся в последнее время Голдан Царыном (в русских официальных документах того времени — Голдан Чирином), занимали

---

[20] Н. Я. Никифоров. Апосский Сборник (Собр. алт. сказок). Записотд. ИРГО. т. XXXVII. Омск. 1915 г.

кочевья в Алтае, юридически принадлежащие Джунгарскому государству. Верховным собственником земли и сувереном здесь выступало Джунгарское государство. Частная земельная собственность была замаскирована общинным пользованием землей. На алтайцев, как подданных Джунгарии, распространялось ойратское законодательство, известное под названием «Ойратский устав взысканий»[22], предусматривавшее предоставление территорий для определенных кочевых единиц, например, аймаков (40 кибиток). Так, в указе главы Ойратского союза Галдан Хонг Гайджи один из пунктов гласит: «А кто, кроме определенного к кочеванию места, будет кочевать на чужом месте, и за то ежели будет целый аймак (40 кибиток) с командующим, взять девять скотин»[23]. Пользуясь на общинных началах, землей, собственником которой являлось Джунгарское государство, а фактическими владельцами зайсаны, алтайцы платили Джунгарии налог — «алман» (пушниной, котлами и таганами железными).

Итак, до перехода в русское подданство земли, занимаемые кочевьями алтайцев, составляли собственность Джунгарского государства, выражающего интересы азиатских феодалов. Алтайцы имели эти кочевья только в пользовании, платя Джунгарскому государству налог натурой— «алман». Форма землепользования была по преимуществу общинная. Те или иные земельные пространства отводились во владение определенного зайсана с его подданными; подданными зайсан управлял пожизненно и наследственно. Зайсану отводился удел, т.-е. указывалось более или менее определенная территория. Этот удел или эта территория считалась для подданных данного зайсанства общей, но это не исключало возможности и частного пользования зайсаном или демичем облюбованным участком в течение ряда лет. Однако, в виду того, что алтайцы вели кочевое хозяйство и земли свободной было много, общинный характер пользования пастбищами внутри зайсанства сохранялся долгое время (это не значит, что не было вражды из-за территории между различными зайсанами), пока усиленное заселение Алтая русскими не ускорило быстрый переход зайсанско-байской верхушки к частному земельному пользованию, благодаря чему мелкие производители алтайцы стали испытывать земельную тесноту.

С переходом в русское подданство в землепользовании алтайцев в первое время ничего не изменилось. Земля, на которой кочевали алтайцы, стала собственностью Российского государства, ибо Российская держава уже давно пыталось приобрести земли горного Алтая, примыкающие к Колывано-воскресенской казачьей пограничной линии, в свою собственность. Следующий любопытный документ может подкрепить это положение.

---

[21] Потанин Г. Н. Очерки Сев.-Зап. Монголии. т. IV.

[22] См. Леонтович. Древний Монголо-калмыцкий или ойратский статут взысканий. Одесса 1879 г.

[23] Леонтович. Стр. 143. У Палласа „Gezetze der Mongolischen Völker", В Sammlungen histor. „Nachrichten über die Mongolischen Volkerschaften 1Bd I 1776.

Получен Октябрь, 22 дня 1733 г.

Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Сибирской Губернской канцелярии в Кузнецк капитану и воеводе Бартеневу сего 1733 года, сентября 15 дня по указу Ея Императорского Величества и по приговору Сибирской Губернской Канцелярии велено в городе Кузнецке и в Красноярске к воеводам к тебе Бартеневу и Баклановскому послать ея Императорского Величества указы велеть вам воеводам Баклановскому ехать самому и взяв от разграничения комнатного стольника господина Колычева от Китайской границы осмотреть где надлежит быть границе с Красноярскими пограничными волостями с землями Калмыцкого владельца Галдан Чирина по которым урочищам или рекам и прочим признакам описав учинить чертеж, а тебе капитану и воеводе Бартеневу послать от себя Кузнецкого дворянина Петра Мельникова а буде он в отлучке то из первостатейных из дворян доброго и искусного и велеть ему осмотреть же по которым урочищам и рекам и прочим признакам надлежит быть российского владения границе Калмыцкого владельца Чирина Чалдан с пограничными волостями всего Кузнецкого ведомства и ехать ему дворянину Кузнецким уездом пограничным ясачным волостям и до Колывано-Воскресенских Демидова заводов и до Иртышской Усть-Каменогорской крепости и освидетельствовать тех волостей жителями по которым урочищам или рекам и прочим признакам они владеют и впредь по которым урочищам Российского владения границе быть надлежит описать и учинить чертеж и **смотреть того накрепко чтоб Колывано-Воскресенские Демидова заводы и пограничные ясачные волости и с принадлежащими звериными промыслы и со всеми угодьи и хотя которые ее Императорскому Величеству ясак, а Калмыцкому владельцу Галдан Чирину алман платят со всеми принадлежащими угодьи были бы во владении Российском все со всяким довольством** (подчеркнуто мной. Л. П.) и тое границу осмотреть тому посланному дворянину до Иртыша реки до Усть-Каменогорской Крепости и все урочища описать именно и на те описания и чертежи вам воеводам каждому подписать мнения свои по которым урочищам или рекам и прочим признакам росийского владения границе Калмыцкого владельца Галдан Чирина с землями надлежит быть и те описания и чертежи и сомнениями прислать с нарочными курьеры в Сибирскую Губернскую канцелярию не дожидаясь впредь о том вторичных указов конечно в декабре месяце сего 733 года и в Кузнецку капитану и воеводе Бартеневу учинить и о том по сему Ея Императорского Величества указу, а о том же в Красноярск к воеводе Баклановскому указ послан сентября 15 дня 1733 году. **Алексей Плещеев, Петр Бутурлин, Козьма Баженов, подканцелярист Алексей Соколов.**

1734 года Октября дня по указу Ея Императорского Величества капитан и Кузнецкий воевода господин Бартенев слушав вышеописанного из губернии Ея Императорского Величества указу приказал записать в книгу а дворянину Мельникову дать по силе сего Ея Императорского Величества указа инструкцию и велеть ехать для исполнения немедленно.

Капитан и воевода Артемий Бартенев

Эта задача была выполнена. Дворянин Петр Мельников совершил поездку по осмотру границы и в результате обследования представил в Кузнецк «Реестр», заключающий в себе проект установления границы между Россией и Джунгарией. Этот документ, насколько мне известно, еще нигде не опубликован, хотя указание о нем имеется у Г. Н. Потанина.

где он отмечает, что часто упоминается следующая опись: «В прошлом 744 году посланым от Кузнецкой Канцелярии Дворянином Мельниковым по урочищам, рекам и прочим признакам, где надлежит быть Российского владения границе. Калмыцкого владения Галдан Чирина»[24]... Упомянутая опись найдена мной в архиве Н. С. Гуляева, извлеченная им, в свою очередь, из архива Кузнецкой воеводской канцелярии и скопированная. Она представляет собой следующий документ.

Прошлого 733 года октября 24 дня по Ея Императорского Величества указу и по сим данной инструкции свидетельствовал я по пограничным ясачным волостям и до Колывано-Воскресенских заводов и до Иртышской Усть-Каменогорской Крепости тех волостей жительми по которым урочищам и рекам и прочим признакам надлежит быть российского владения границе Калмыцкого владельца Галдан Чирина с пограничными волостями всего Кузнецкого ведомства а по свидетельству моему и по пред'явлению ниже показанных волостей и прочих мест жителей своих урочищ по мнению моему где надлежит быть Российского владения границе тому при сем мнение прилагаю реестр и потому реестру ежели повелено будет быть российского владения границе Калмыцкого владельца Галдан Чирина с пограничными волостями то Колывано-Воскресенские Демидова заводы и пограничные ясашные волости и с принадлежащими звериными промыслы и со всеми угодьи хотя которые Ея Императорского Величества ясак а Калмыцкому владельцу Галдан Чирину алман платят будут те все во владении Российском со всяким довольством в чем дворянин Петр подписуюсь. Реестр пограничным урочищам и рекам и прочим признакам. От Сайгайской и Белтирской волостей по реке Обакану которая с полудня и с хребта Кесь-Ару падью в Енисей реку на восток чрез речки Арбу да Арбуж малую Ебош, Чеган Махан на восток Кара-себи оная на запад. А от выше явленной речки оную через пограничные ясашные Телецкого роду волости которыя Ея Императорскому Величеству ясак а Калмыцкому владельцу Галдан Чирину алман платят чрез хребет на Чюлушманскую вершину которая течением с полудня Язы Елгану и с хребта. А от Чюлушману по хребту на речку Чулчу которая течением с востоку и с хребта Кес-Ару падью на полдень до помянутого Чюлушману реки. А с Чюлушману на реку Чебыдар которая течением с полудня и с хребта Кызларту падью в помянутую ж Чюлушман реку на всток. А от Чебыдару на речку Башкаус которая течением с полудня и с хребта Башкаусу падью в помянутую ж речку Чюлушман на всток. А от Башкаусы чрез сопки Тюш Ишпик. А от сопок на речку Караган которая течением с западу и с хребта Ереучи падью в Башкаус реку на всток. А от речки Карагану по реке Чиле которая течением с полудня и с хребта Сукпак тайги падью к западу в Телецкое озеро. А от речки Чили по речке Юкараташу которая течением с полудня и с хребта Кызларту падью в Чебыдар реку на всток. А с речку Юкараташа по сопке Улене тайге по четырем каменным признакам. А с тех сопок и признаков по реке Именю которая течением с востока и с хребта падью в Бию реку на запад. А с речки Именю на реку Каргу которая течением с запада и с хребта Именю падью в Катуню реку на полдень. А с речки Карги на речку ж Саус Канду которая течением с полудня и с хребта падью в Катуню реку на всток. А с речки Саус Канды на речку Тогус Куль-Аулу которая течением с востока и с сопки Тогус Бугу падью в реку Ичиган

---

[24] Материалы для истории Сибири в чтениях.. 1866 г., кн. 4-я, стр. 95-97.

на запад. А с речки Тогус Кулюулу чрез реку Катуню. А с речки Катуни на речку Орокту которая течением с полудня и с хребта Карагдаю на признак Пещеру каменную позоперевозу Катуни реки падью на всток. А с перевозу Катуни реки на речку Курухту которая течением с запада и с хребта Арых-арохту падью в реку Караколь на всток. А с речки Курунту на речку ж Ора-хоранту которая течением с западу и с хребта Бургукту падью в реку Катуню на всток. А с речки Ары-харокты чрез пограничную Тау-Телецкого роду Ясашную волость которые Ея Императорскому Величеству Ясак а Калмыцкому владельцу Галдан Чирину алман платят по хребту на речку Коксу которая течением с западу и хребта Алтаю до реки Катуни ж на всток. А с речки Коксы на речку ж Елой которая течением с западу и с каменю падью до реки Катуни ж на всток, а с речки Елой на озеро Кенгу и Кан, а с тех озер на речку Чераш которая течением с полудня падью до реки Оби на всток, а с речки Черашу на речку Теректу которая течением с западу и с хребта у горы Каменной падья до реки Оби ж на восток, а с речки Теректу на речку Беш которая течением с востоку и с хребта Алтаю до реки Оби ж на запад, а с речки Беша на реку Семи которая течением с полудня и с сопки Янменку падью в реку Катуню на всток, а с речки Семи чрез Черыш на речку на запад которая падью в помянутый же Черыш на всток, а с речки с запада на речку ж Тюлю которая течением с востока падью в помянутую ж реку на восток, а с речки Тюли на речку ж Белу которая течением с запада падью в тот же Черыш на сивер, а с речки Белой на речку ж Малу которая течением с запада падью в помянутую ж реку Черыш на сивер, а с речки Малой чрез Кузнецкого ведомства Кумандинского роду ясашные волости на урочища их на реку Черыш которая течением с востока падью в реку Обь на запад, а с речки Чераша на реку Алей которая течением с востока падью в помянутую ж Обь реку, на запад, а с реки Алею на реку ж Елану которая течением с востока падью в помянутую же реку Обь на запад на Высокую сопку Алтай, а с сопки на реку Беш которая течением с востока и с сопки Алтаю падью в помянутую ж Обь на запад, а с речки Беша на речку ж Теректу которая течением с востока и с хребта Алтая падья в показанную ж реку Обь на запад, а с речки Теректу на реку ж Ай которая течением с востока и с хребта Алтаю падья в Катуню реку на восток, а с реки Аю на реку Отус Тебе которая течением с запада и с хребта Кенги падью в помянутую ж Катуню реку на всток, а с речки Себи на Бело Озеро на левой стороне на сопку Синию, а от сопки на озеро Колывань, а от Колывани озера на речку Каменку которая течением с востоку падью до реки Алею на запад, а с реки Каменки на реку Убу которая течением с востока и с Каменю падью до реки Иртыша на сивер, а с реки Убы на речку Таловку которая течением с востока падью до реки Иртыша на север, а с реки Таловки на речку Крутую которая течением с востока и с Каменю падью до реки Иртыша на запад, а с речки Крутой на речку ж Березовку которая течением с востока и с Каменю падью до помянутой ж реки Иртышу на запад, а с речки Березовки на речку Улбу которая течением с востока из Каменю падью в помянутую ж реку Иртыш на запад, а с реки Улбы Усть Каменогорской крепости на урочищи на Круглую сопку и до Иртышу реки на запад, а с реки Бухтурмы на реку Нарын, которая течением с востока и с Каменю падью до реки Иртыша на запад, а с речки Нарыну на реку Корчун которая падью в помянутую ж реку Иртыш[25].

К сему реестру дворянин Петр Мельников руку приложил.

---

[25] Из дел кузнецкой воеводской канцелярии по 3 описи, вязка 2-я, дело 30, лист 88-91.

Когда в 1756 г. ряд алтайских зайсанов, спасаясь от преследования китайцев, разгромивших Джунгарию, обратился к русскому пограничному начальству с просьбой о принятии их в русское подданство, прося защиты от китайцев, просьба алтайских зайсанов была вскоре же удовлетворена, ибо это давало возможность русскому правительству присоединить к своим владениям земли, занятые кочевьями алтайских зайсанов. Сибирское начальство давно опасалось захвата этих земель китайцами. По этому поводу сибирский губернатор Соймонов, в свое время, бил тревогу и сообщал Правительствующему сенату: «Китайцы, по истреблению с их стороны бывшего зенгорского народа, по случаю происшедшего в оном междуусобия, и по занятию их зенгорских мест, оные места навсегда за собой утвердить стараются, о том никакого сумнения нет...»[26] На этом основании губернатор предлагал выстроить ряд крепостей от Усть-Каменогорска до Телецкого озера «упреждая могущее быть с китайской стороны занятие».

Алтайские зайсаны сделались вассалами «белого царя» и стали платить ясак новому собственнику. Принимая в подданство алтайцев, русское начальство сперва закрепляло за алтайскими зайсанами земли, занятые их кочевьями, путем выдачи владенных грамот, указов из кузнецкой и томской воеводских канцелярий. Однако, в 1782 г. все эти акты по распоряжению Директора Экономии были разными мерами отобраны от инородцев на том основании, что акты эти выдавались не по царским грамотам, а по указам одной воеводской канцелярии, воеводами, не имевшими полномочий ни предоставлять в дар огромные земельные пространства лучших земель, ни раздавать их в безвозмездное пользование. По свидетельству А. Ваганова в 1782 г. от инородцев было отобрано 483 владенных указа на землю (записка А. Ваганова «Инородцы Алтайского округа»)[27]. Этой участи не избегли и алтайские зайсаны, которые до последнего времени продолжали ссылаться на дарованные им грамоты о владении землями, выданные им при переходе в русское подданство.

Алтайский округ с его колывано-воскресенскими заводами составлял частную собственность царствующего русского императора со времени издания указа от 1 мая 1747 г. В 1882 г. от 22 июля последовал указ, об'являющий весь горный Алтай принадлежащим к ведомству Кабинета его величества. С этого времени земли, занятые алтайцами, составляли частную собственность русского царя. И ясак, вносимый алтайцами, был ни чем иным, как натуральным оброком земельному собственнику-помещику-царю. В землепользовании алтайцев от этого существенных перемен не произошло. Земля считалась находящейся в пользовании всех алтайцев, и каждый алтаец мог селиться в пределах территории алтайских стойбищ где угодно, будучи прикрепленным все же к определенному зайсану, пока это положение не изменилось со времени усиленного освоения этих земель русскими колонистами.

---

[26] Материалы для истории Сибири. Чтения... 1867 г., кн. 2-я, стр. 275.
[27] Н. Овчинников, стр. 21.

Как обстояло дело с собственностью на скот.

Еще до перехода в русское подданство у алтайцев была частная собственность на скот. «Ойротский устав взысканий» феодальной Джунгарии и обычное право алтайцев, зайсанский суд отражали и ограждали интересы частной собственности. Статья 66, 67, 92 «ойротского устава взысканий» ясно говорят о частной собственности на скот[28]. Нарушение частной собственности каралось штрафом в натуре, скотом же. Частная собственность была и на орудия лова. Стало быть, поскольку Ойротский статут взысканий предусматривает наказания, карающие посягательства на частную собственность (скотокрадство и т. д.), можно утверждать, что частная собственность оберегалась законом, что в этой защите частной собственности законом был кто-то заинтересован, значит был класс собственников.

Изучение письменных исторических документов, относящихся ко времени перехода алтайцев в русское подданство, показывает, что стада алтайцев находились в частной собственности отдельных семей и что основной хозяйственной единицей являлась семья, зависимая от зайсана, за которым она была закреплена, а не род. Ясак развертывался не по количеству родов, входящих в зайсанство, а по семьям и в семьях по количеству душ мужского пола в возрасте от 18 до 50 лет. Точно так же, частная собственность была и на ружье, на орудия лова, на пойманного в ловушку зверя, на раненого зверя, на найденного в берлоге медведя, на охотничью собаку и т. д.

Алтаец или тубалар, наткнувшийся на медвежью берлогу, ставил вблизи ее на деревьях свой знак («тангма»). С этого момента берлога принадлежала ему. Нашедший отмеченную берлогу не имел права поднять из нее зверя. Нарушение рассматривалось как воровство. Если подобное право нарушал близкий родственник, ему это не ставилось в вину, но он обязан был отдать половину мяса и стоимости шкуры нашедшему берлогу. У шорцев нашедший берлогу обходил кругом ее на лыжах, ставил свой знак и извещал жителей ближайших селений «азыг уйазы эбир салдым» — медвежью берлогу я окружил. После этого никто не имел права поднять там медведя. Если алтаец натыкался на искусственный солонец, который был устроен не им, он не имел права караулить здесь зверя. Точно таким же образом алтаец, тубалар или шорец, не вынимал добычу из чужой ловушки. За воровство или умышленное убийство охотничьей собаки виновный платил штраф — одну лошадь.

Отметив чрезвычайно важный для нашего анализа факт, что у алтайцев была частная собственность на скот, как одно из главных средств производства, посмотрим, как же распределялись основные средства производства среди алтайцев.

Выше уже указывалось, что земли, которыми пользовались алтайцы для ведения своего хозяйства, составляли собственность русского царя и

---

[28] К. Ф. Гостунский. Монголо-ойротские законы. 1640 г. СПБ. 1880 г.

за пользование этими землями трудящиеся алтайцы вносили коронованному помещику ясак, т.-е. налог пушниной, впоследствии, как увидим дальше, замененный денежной формой. Основа же существования алтайцев — скот находился в частной собственности алтайцев, и рассмотреть распределение скота между алтайцами представляется особенно важным.

Выполнение этой задачи можно начать со следующих утверждений. Распределение главных средств производства у алтайцев было крайне неравномерным и противоречивым. Такое распределение существовало еще задолго до вступления алтайцев в русское подданство.

Неравномерность и противоречивость распределения средств производства и жизненных благ у алтайцев прекрасно отражает эпос. В алтайских сказках мы видим, с одной стороны, богатых властных ханов, имеющих большое количество слуг, обладающих громадными табунами скота, большим количеством подданного народа, ведущих пышную жизнь, устраивающих увеселительные охоты, воюющих с другими подобными ханами в целях завоевания скота и подданного народа, который наравне со скотом перегонялся к новому владельцу и т. д. С другой стороны, имеем бедноту, едва влачащую существование, питающуюся кореньями дикорастущих растений, задавленную тяжелыми налогами. Герой сказки Когутей живет в самых бедных условиях и вместе с женой доживает долгую жизнь в нищете и частых голодовках. У него нет скота, кроме синего быка, который служит ему вместо коня. Жилище его бедно, покрыто дырявой кошмой. Но вот, рядом с Кугутеем живет богатый Каратты-хан, который свою жизнь проводит в роскоши, какая только возможна в тех условиях. Громадные табуны его лошадей покрывают склоны гор. Своих дочерей Каратты-хан выдает замуж за таких же богачей, как и сам, и наделяет дочерей богатым приданым. Он часто устраивает пиршества, охоты. Каратты-хан волен в жизни и смерти своих подданных. Знатные зятья выполняют его приказания, служат ему и в награду получают большие наделы[29].

Первые путешественники, посетившие Алтай, — Гельмерсен, Бунге, Радлов описывают богатых скотовладельцев — алтайцев, стада которых занимали обширные долины. Более подробно об алтайцах пишет Радлов. Он прямо пишет о бедняках и о богачах, владеющих тысячными табунами[30].

Радлов пишет: «Бедняки телесы (алтайцы, живущие близ южной части Телец-озера. Л. П.), которые не могут разводить скот, занимаются преимущественно земледелием. Они обрабатывают землю плугами, и так как во многих местах берег (р. Чулышмана. Л. П.) сух, то они орошают пашни каналами. Сеют здесь ячмень, рожь и пшеницу... Снятый хлеб употребляют для себя и излишки обменивают богатым на другие жизненные продукты: мясо, кожи, войлок, одежду, шубу и пр. Точно так же

---

[29] Сказка Когутей записана Г. М. Токмашевым.

[30] Aus Sibirien. 284.

бедняки собирают летом сено и продают богатым, которые очень охотно пользуются им, особенно для содержания молодого скота»[31].

Взаимоотношения между бедняками и богатыми выступают, по Радлову, не только в форме обмена. Оказывается, более богатые алтайцы держат «мужскую прислугу» (männliche Diensboten), однако, «большей частью им (т.-е. богачам. Л. П.) помогают более бедные соседи (arme Nachbarn), которые **за это живут вблизи их** и едят из котла богатых и носят одежду с их плеча...»[32]. Несколькими строками ниже Радлов поясняет, как едят бедняки «из котла богатых». Более бедные располагаются вокруг юрт богатых и питаются там, **насколько это позволяют обстоятельства»**[3].

Могут ли быть еще сомнения в характере распределения средств производства у алтайцев. Безусловно нет. Распределение это носило антагонистический характер, и это раскалывало алтайское общество на антагонистические классы. Богатые скотовладельцы превращали скот в материальную основу для эксплоатации бедных слоев населения. Мелкие скотоводы боролись за собственность на скот и всячески цеплялись за свое самостоятельное хозяйство, прибегая к помощи богачей, получая во временное пользование, в аренду молочный или ездовой скот на самых кабальных условиях. В результате, значительная часть труда мелких и бедных скотоводов шла в пользу богатых скотовладельцев. Так выростала и развивалась эксплоатация трудящихся алтайцев со стороны байско-зайсанской эксплоататорской верхушки. С другой стороны, трудящихся алтайцев эксплоатировал верховный помещик — царь, об'явивший себя собственником земель, на которых кочевали алтайцы, и его административно - чиновный и духовный (миссионерский) аппарат, который не только помогал царю выколачивать ясак, но и сам изрядно наживался на этом деле. К этому остается добавить еще грабеж русских торгашей, и картина эксплоатации алтайцев станет довольно полной. Однако, описание и характеристика форм эксплоатации алтайцев составят задачу следующего раздела.

4. ФОРМЫ ЭКСПЛОАТАЦИИ

а) Отработочная рента.

В условиях кочевого скотоводческого натурального хозяйства, на основе частной собственности на скот, сосредоточенный в главной массе у зайсанов и баев, у алтайцев выросла особая форма эксплоатации — отдача скота в аренду маломощным хозяйствам, за прокорм, за выращивание молодняка, за отработки баю или зайсану. Эта форма эксплоатации

---

[31] Reise durch den Altai nach dem Telezker See und dem abakan. Erman Archiv für wissent, Kunde von Russland, Bd. XXIII. s 275.

[32] Aus Sibirien, 286.

[33] Ук. соч. 287. Подчеркнуто везде мною. Л. П.

относится к категории отработочной ренты, которую доставлял непосредственный производитель-алтаец, в форме различных отработок баю, как собственнику главных условий производства.

Так как в литературе совершенно отсутствуют упоминания об этом, то придется начать с краткого описания некоторых форм отработок по материалам, собранным мною во время ряда поездок на Алтай. Наиболее распространенной формой отработки являлась «полыш». Слово «полыш» значит «помощь». Возможно, что эта форма удержалась с того времени, когда алтайцы жили родовым строем. Однако, содержание этой формы ничего общего с родовой помощью не имеет. Сущность «полыш» состояла в том, что богач, имеющий много скота, раздавал его нуждающимся, малосостоятельным хозяевам в аренду. «Полыш» давался на следующих условиях: дойных коров бай раздавал бедноте «бесплатно», чтобы берущий прокормил бы корову в течение года, отвечал бы за ее сохранность и вернул бы хозяину приплод в годовом возрасте, кроме того, «иногда» помог бы баю в работах по хозяйству, в зависимости от указания бая. Берущий корову в «полыш» пользовался молоком, но, нужно заметить, очень непродолжительное время, так как алтайские коровы доились раньше только в пастбищный период, около 5 месяцев. Следовательно, за право пользоваться молоком в течение 4-5 месяцев бедняк-алтаец обязывался не только пасти корову летом, но и кормить ее весь год и сверх того помогать «благодетелю» - баю в работах по хозяйству (сено косить, дрова заготовлять, смотреть за табунами и т.д.). Баи черневого района отдавали коров в доение — «саар»[34] — только на летний период. Например, баи Кодечи и Кыймат, жившие в Кара-Торбоке (верховья р. Иши), сдавали коров «сааничерге сютежи» (букв.-доя пить молоко) на лето за косьбу и уборку десятины покоса (90 × 30 сажен).

Алтаец Апаятов Челикей, живший в Усть-Канском аймаке, получил у бая урочища Кырлык - Коли в «полыш» на 1 год черную хромую корову на следующих условиях. За право доить корову, Челикей обязался поставить баю 70 копен сена и должен был кормить корову с теленком в течение года. Период удойности алтайской коровы в условиях старого хозяйства длился всего около 5 месяцев (пастбищный период). Если учтем, что алтайская корова доилась раньше только с подпуском теленка, забиравшего значительную часть молока, то не трудно представить, как тяжело и дорого доставалось бедняку молоко байской коровы.

Бай Кыйтык, живший в Усть-Канском районе, раздавал в «полыш» для доения до 600 коров ежегодно. Старики-алтайцы рассказывали мне, что в старину баи давали в «полыш» скота только за прокорм и за обязательство вырастить приплод, который возвращался баю взрослым. Сверх этого, работать в хозяйстве бая не заставляли. Но, если приплод погибал, бай обязывал взявшего «полыш» уплатить стоимость погибшей скотины пушниной или заставлял работать на себя (например, обработать поле

---

[34] Saar (саар) значит доить.

для посева ячменя или заготовить определенное количество толгоков (жгутов) сена и т. п.[35].

В «полыш» раздавали также и лошадей на тех же условиях, как и коров, и за пользование лошадью в течение года берущий кормил ее, отдавал годовалый приплод баю и помогал ему в работах по хозяйству. С развитием денежных отношений в Алтае лошадей стали давать в «полыш» за деньги, по 5-6 руб. в год. Разумеется, кормить лошадь был обязан берущий в «полыш». Более обычной уплатой «полыш» было обязательство поставить владельцу лошади определенное количество копен сена, т.-е. уплатить работой, так как сено косили обычно на байских покосах. Овец брали у баев в «полыш» середняцкие и бедняцкие семьи, нуждавшиеся в шерсти, и за это выполняли для бая разнообразные работы по хозяйству, часто целой семьей. Вот, что представляли собой отношения «полыш».

По существу «полыш» — это сдача в аренду средств производства за отработки по преимуществу. «Полыш» для бая являлся одновременно и способом обеспечить свой скот кормом и средством, обеспечить свое хозяйство рабочей силой, путем своеобразной контрактации ее и прекрепления к своему хозяйству. «Полыш» доставлял баю пастухов, обеспечивал заготовку сена, давал наездников («емдикчи») для обучения диких лошадей и т. п. «Полыш» для малообеспеченного алтайца — кабала, ибо, давая ему возможность кое-как сводить концы с концами, «полыш» закреплял его у бая. Боясь совершенной потери своего хозяйства, мелкий производитель-алтаец, цепляясь за хозяйственную самостоятельность, видел в «полыш» мнимое спасение, надежду поправить, поднять свое разрушающееся хозяйство и не замечал того, что этим самым он затягивал на своей шее петлю, любезно накинутую ему баем «благодетелем». Полыш прикреплял производителя-алтайца к хозяйству бая. Бай же закабаляя бедняка под видом помощи ему, создавал себе и укреплял авторитет помогающего человека, благодетеля. Дейсвительно, среди алтайцев такие богачи слыли как «полышту - бай» (помогающие баи), в противоположность «каран-баю» — «скупому баю», не пользующемуся отношениями «полыш». Правда, в отдельных случаях баи оказывали бедноте и настоящую материальную помощь, что случалось в крайне редких случаях и носило определенный смысл. Во-первых, таким путем бай укреплял необходимый ему авторитет «благодетеля», во-вторых, это делалось тогда, когда производителю грозило окончательное разорение, что не входило в интересы зайсанско-байской верхушки в условиях натурального хозяйства. Условия натурального хозяйства не позволяли баю поглощать целиком высвобождающуюся в процессе разорения производителей рабочую силу. Поэтому баю было выгоднее, в данных условиях, поддержать самостоятельное существование производителя. Бай освобождал себя от обязанности кормить и одевать работника и платить ему за работу хотя бы

---

[35] Tolgok (толгок)—жгут сена.

мизерную заработную плату, и в то же время бай, таким образом, обеспечивал себе регулярное присвоение чужого труда и продукта.

«Болыш» можно сравнивать с крестьянскими «арендами из нужды». Последние аренды, по исследованию В. И. Ленина, есть «аренды крестьянина, который уже не в силах сопротивляться превращению его, таким образом, в сельскохозяйственного наемного рабочего»[36]. В этой аренде проявляются феодальные отношения. Бай давал скот в аренду для того, чтобы алтайцы работали на него. Отсюда всего лишь один шаг до капиталистических отношений, так как «болыш» давал возможность расширения воспроизводства байского хозяйства, обеспечивая его дешевой рабочей силой. Для этого байскому помещичьему хозяйству нужен был только толчок, чтобы вступить на этот путь, и это произошло впоследствии, с развитием товарных отношений.

Итак, в отношении «болыш» мы имеем следующие моменты: 1) натуральный «обмен услуг» между баем — владельцем средств производства — и производителем, нуждающимся в средствах производства. 2) Эксплоатацию в форме отработок, осуществляемую путем двойного прикрепления производителя, именно, прикрепления к собственному мелкому хозяйству производителя и к байскому хозяйству. 3) Личную зависимость производителя от бая, «внеэкономическое принуждение» (Маркс), так как баи, пользуясь кабальным положением производителя и родовыми «традициями», делали переход закабаленного производителя от одного бая к другому весьма затруднительным.

К категории отработочной же ренты мы должны отнести и «древний обычай», по которому дючина, управлявшаяся зайсаном, обязана была давать зайсану двух постоянных работников в год для обслуживания личного хозяйства зайсана.

Довольно распространенной формой отработки являлась еще «тен улешь», (равная доля) — своеобразная испольщина. На условиях «тен улешь», баи давали выкашивать свои покосы, давали в аренду косы-литовки, которые при отсталой технике алтайского хозяйства являлись также и средством эксплоатации. На условиях «тен-улешь» бай снаряжал малоимущих алтайцев собирать кедровый орех, промышлять зверя. Давая лошадь, с'естные и огнестрельные припасы, а иногда и ружье, бай обязывал зависимых от него промышленников отдавать ему половину добытой пушнины бесплатно, за «помощь» средствами производства (лошадь, ружье) или средствами питания (с'естные припасы). Оставшуюся пушнину бай забирал иногда за деньги, чаще же за товар. Это баю было выгоднее, так как цены на товары устанавливал сам бай. На условиях тен-улешь», нанимали пастухов. Нанимая пастуха на условиях «тен-улешь», бай обязывался платить пастуху приплодом, но далеко не половину, как это можно было бы думать, исходя из названия этого условия. На деле же бай давал пастуху несколько молодых ягнят или пару телят. Не в

[36] Ленин, т. III, стр. 147.
[37] Такие работники носили название „ярчи",

байских интересах было допускать рост материального благосостояния пастуха, тогда труднее было бы эксплоатировать пастуха. Не даром известный бай Аргымай Куджин имел специальный штат воров, в задачу которых входило воровство и убой скота у алтайцев, экономически недостаточно зависимых от Аргымая. По указанию Аргымая специальные слуги его ослабляли хозяйственную мощь того или иного хозяина путем разбоя, и Аргымаю легче удавалось закабалять намеченную жертву.

Подобные методы разбоя Аргымай применял и к своим пастухам. Он практиковал даже такие случаи, когда заставлял воровать скот из собственного стада, чтобы потом пред'явить своему пастуху иск за украденный скот и избежать необходимости оплачивать работу пастуху. То же самое он делал в отношении алтайцев, которым давал скот в «полыш»[38].

На ряду с «тен-улешь», название которого допускает предположение о происхождении его из недр первобытно - коммунистической эпохи, с уравнительным распределением продукта и приспособленного байством в условиях классового общества, существовала иная форма испольщины, смысл которой был понятен трудящимся алтайцам. Эта форма носила название «ортокто». Ею пользовались баи при найме алтайцев на сенокос. Пример может яснее подчеркнуть эксплоататорскую сущность «ортокто». Бай Токпешь, живший на устье р. Эдиган, нанимал пахать маломощных алтайцев на условиях «ортокто», таким образом, Токпешь звал маломощного хозяина к себе обработать пашню, обещая расплатиться с ним урожаем. Этот хозяин сознавал, что при помощи своего скота не сможет обработать собственную пашню, забирал свой инвентарь и шел к Токпешу. Тогда Токпешь прибегал к следующей уловке. Он выставлял свою тягловую силу и обязательно в равном количестве. Если алтаец приходил пахать к Токпешу с двумя лошадьми, то и Токпешь давал для пахотьбы своих две лошади. При разделе урожая Токпешь делил урожай по количеству голов скота, обрабатывавшего пашню, и помимо того, что обделял алтайца зерном, еще забирал себе солому и мякину. Здесь мы видим, как тен-улешь превратилось в ничем не прикрытую кабальную испольщину.

Кроме указанных форм у алтайцев были отработки за «денежную ссуду» для уплаты «калана» («калан» — подать), взятую у бая, у зайсана или демичи, из-за «уважения» к богатству и знатности бая или зайсана, за угощение или приглашение к баю на пир и т. д. Например, существовала отработка «айбы-кун» (день долга, день приказания). Бай, оказывающий населению различные мелкие услуги, получал «благодарность» за них в виде помощи в работе по хозяйству, чаще всего по покосу. В один прекрасный день бай оповещал население, что у него состоится «айбы-кун», и все, чем-либо обязанные, ехали к нему на покос, захватывая, у кого имелись, свои косы, и везли вино, выкуренное из молока. Ехали и те, которые собирались попросить о чем-нибудь бая, еха-

[38] Эти любопытные факты получены мною от И. С. Алагызова через П. Я. Гордеенко.

ли и ничем не обязанные ему бедняки из «приличия», из-за боязни получить отказ, если придется за чем-нибудь обратиться к баю, ехали из-за уважения к богатству и силе бая. Бай варил мясо, выкуривал вино и угощал собравшихся, и они ему в течение одного дня выкашивали покос или сгребали и укладывали в стога сено. Случалось, что бай приглашал к себе работать на условиях «одуш-кун» — займообразно[39]. Вообще отношения «одуш-кун» были кое-где распространены среди бедняков и середняков. Маломощный хозяин шел к такому же маломощному соседу и просил помочь покосить ему покос на условиях «одуш-кун», т.-е. с оплатой долга работой же. Это была система соседской взаимопомощи. Но когда на условиях «одуш-кун», приглашал алтайца работать бай, то он, разумеется, никогда не отдавал долга работой же, а вместо этого дарил «подарок», например, шкурку овцы, связку «сырчика» (сушеный сыр) и т. д., словом платил какой-нибудь натурой.

Насколько широко имели применение отработки у алтайцев в повседневной жизни, уже можно судить по тому, что малосостоятельный жених, вместо уплаты калыма за жену, отрабатывал тестю за жену от года до десяти лет, предварительно украв невесту[40]. Эта своеобразная форма отработки носила название «сельбик-иш» (прибавочная работа, добавочная работа). У тубаларов эту форму отработки мне назвали «кюе-иш» (работа зятя). Если такой зять не крал невесты, то он приходил в дом будущего тестя и говорил ему: «йолго йогозы патпас оскус» (ничего нет, сирота), и договаривался о сроке отработки за жену. Вот, в основном, те формы отработок, сведения о которых я собрал лично. Они едва ли исчерпывают все виды отработок, существовавших у алтайцев, однако, за полным отсутствием упоминаний об отработках (за исключением разве отработки за жену) в литературе, эти сведения приобретают надлежащее значение, так как дают возможность не только утверждать наличие отработок у алтайцев, но и составить представление об их формах, сущности и позволяют сделать необходимые выводы.

Прежде всего основные и наиболе распространенные виды отработок, как-то: «полыш», «ортокто», «тен-улешь», «айбы-кун», наконец, работу на зайсанов «ярчи» — необходимо отнести к категории отработочной ренты, которую обязаны были доставлять производители-алтайцы баям, зайсанам, как собственникам главных условий производства. Для байства отработки были способом обеспечения своих хозяйств даровой рабочей силой. Для бедноты же, для малоимущих алтайцев, судя по наиболее распространенным формам отработок, «полыш», «ортокто» и «тен-улешь»— это аренда из нужды, кабала у помещика, означающая агонию хозяйственной самостоятельности, предвещающей превращение мелких, самостоятельных хозяев и сельскохозяйственных рабочих.

---

[39] „Одуш"—заем. См. Словарь Вербицкого, стр. 227.

[40] Григ. Спасский также отмечает про телеутов, что браки через похищение практикуются чаще у бедняков. См. статью „Телеуты и белые калмыки". Сибирск. вестник. 1821 г., ч. XV.

б) Ясак — рента продуктами.

Другой и всеобщей формой эксплоатации алтайцев являлась рента продуктами — ясак, взимаемый с алтайцев русским царем на основе присвоения им в частную собственность земель, на которых кочевали алтайцы, и на основе прикрепления алтайцев к этим землям. Ясак — представлял собой налог, взимаемый первоначально пушниной.

В те времена, когда алтайцы входили в состав Джунгарии, и земли, занимаемые ими, составляли собственность Джунгарского государства,— они платили налог, Джунгарскому хану, от которого в Алтай приезжали специальные сборщики налога — «тарга». Налог взимался в натуральной форме: скотом, пушниной, железом. Князек Аржан, живший близ горы Карагуш (современная Шория), владевший 12 волостями, бывший вассалом Джунгарского или Ойротского хана, платил налог железом и толокном ячменным[41]. Тубалары платили пушниной по 12 белок с мужской души в возрасте от 18 до 50 лет. Некоторые тубаларские роды (напр., «кобурчи конгдош») платили «алман» котлами и таганами железными (темир тегилю очак).

Когда чиновник «тарга» приезжал собирать налог в черневой Алтай, ему устраивали новую юрту из бересты («сеольти»), делали постель из бересты («тос тожок»), приготовляли из ячменя брагу («орто») в берестяном туясе и подавали из берестяной чашечки («кийбек»). Все это делалось с каждым приездом новое, из свежей бересты, т.-е. точно так же, как совсем недавно черневые алтайцы делали жертвоприношение «чистым» духам, где употреблялась исключительно берестяная посуда и ячменная брага («орто»), которая приносилась в жертву «хозяевам» гор.

Если случалось, что кто-либо не был в состоянии внести налог приезжему сборщику, такого человека наказывали за «неисправность». Его садили возле юрты «тарга» и одевали на шею железный таган. В таком положении «провинившийся» сидел сутки. На следующий год с него налог брали сразу за два года. Сборщик всегда приезжал осенью.

Насколько обременительными были эти сборы, можно судить по жалобам героев некоторых сказок, цитированных выше, разорившихся от алмана. И это вполне естественно. Трудящийся платил налог не только по окладу или по разверстке, назначенной и утвержденной ханом. На деле приходилось платить гораздо больше, ибо от алмана кормились и сборщики, которые путем принятия подарков, штрафов и вымогательств забирали себе значительную часть продукта. Зайсаны и демичи налога не платили, и эта часть налога при раскладке ложилась также на плечи производителей.

Уже в то время, когда алтайцы были подданными Джунгарского хана, часть алтайцев, живущих в таежной части Алтайских гор, в системе бассейна Телецкого озера, платила ясак и русскому царю. Из грамоты царя Алексея Михайловича кузнецкому воеводе Афанасию Сытину видно, что живущие в бассейне Телецкого озера «инородцы» были припи-

[41] Вербицкий. Записки миссионера.

саны к г. Кузнецку, куда они платили ясак и нередко внушали тревогу воеводам нарушением присяги, вследствие чего были вынуждены давать в Кузнецк заложников «аманатов» из княжеского рода[42]. О размере этого ясака мы узнаем из журнальной записки рудоприемщика Шелагина, заведующего правительственной экспедицией к Телецкому озеру в 1745 г. «в целях исследования земель и выяснения народов, обитающих за Колывано-воскресенской пограничной линии», где указано, что:

1) «Двоеданцы ясашные татары Таутелеутских юрт, кочующие по р. Майме, платили ясак русским «по одному соболю с человека» и «алман Цзюнгарскому Коктайше по 5 соболей с человека»; 2) Двоеданцы ясашные Таутелеутские татары, кочующие в вершине р. Иши, платили ясак русским по одному соболю с человека, а Контайше по 5 соболей с человека; 3) «Южские татары, кочующие вниз по р. Сара-Копше (Сары-Кокша. Л. П.), которая течет из-под хребта Катунского с полдня на север в р. Бию» платили ясак русским по 2-3 соболя, Контайше «по котлу и тагану железному»; 4) Комлежские татары, кочевавшие вверх по Бие, платили ясак русским по 2-3 соболя, Контайше по котлу и тагану железному; 5) «Ясашные кергежские татары» русским—по 2-3 соболя, Контайше — по котлу и по тагану; 6) «Телеутские татары», кочующие около устья Чулышмана (впадает в Телецкое озеро. Л. П.), — русским по 1 соболю с юрты, «а сколько Контайше не сказали»; 7) «Около устья Лебедя (приток Бии. Л. П.), имеющие стойбища «кумандинские татары», которые ясака русским платят по два и по три соболя с человека, Контайше по котлу и по тагану».[43]. В рапорте кузнецкого воеводы Шапочникова[44] от 10 августа 1745 г. сведения об ясаке с алтайцев более подробные и точные. «По обе стороны Бии реки, над самой рекой, живут ясашные двоеданцы в следующем порядке: 1) Волость Кумандинская, от Кузнецка 140 верст, дорога гориста и чернолесна, и по тому переезжают это расстояние в 3-4 сутки, из Бийска же в 1 сутки; в этой волости ясашных 110 человек; в год берется ясака разною мягкой рухлядью против 7 сороков 17 соболей. 2) Выше по Бие — вторая Кузенская волость; от Кумандинской в 20 верстах, в ней ясашных 46 чел., ясаку в год 1 сорок 25 соболей. 3) Камляжская волость, в 50 верстах; ясашных 51 чел., ясаку в год 4 сорока, 4 соболя. 4) Кергешская волость, от Камляжской в 10 верстах, при самом Телецком озере; ясашных 43 человека, ясаку в год 3 срока, 12 соболей; от Кузнецка до Кергешской волости будет 220 верст, а езды из Кузнецка 7, из Бийска 3 сутки. 5) от Кергешской волости два дня ходу лодками до двоеданцев, живущих по ту сторону Телецкого озера, вместе с зенгорскими калмыками; имян своих при платеже ясака не об'являют, ясаку в год платят 60 соболей и приносят ясашному сборщику, не об'являя, с кого ясак собран, при том их собирается до 100 человек и более. 6) От Кумандинской же волости 60 верст до Тау-Телеутской волости, которая кочует по берегам Катуни и по Майме, которая бежит из Каменистых гор между Бией и Катунью и впадает в последнюю. Ясашных татар здесь 51 человек, ясаку в год 52 соболя. От них вниз по Катуни, в 80 верстах, по той стороне реки, русская пограничная деревня Иконникова. На здешней же стороне Бии,

---

[42] Акты исторические, собранные Археографической комиссией. СПБ 1842 г., т. IV, стр. 58, т. III, стр. 380.

[43] Архивное дело Алт. округа за № 32. в связке № 12 за 1745 г. См. рукопись Гуляева и Семьянова. Хранится в окружном архиве, г. Барнаул.

[44] Г. Потанин, Материалы для истории Сибири. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московск. ун-те. 1866 г., кн. 4-я, стр. 88-89.

по Чернолесью, живут двоеданцы. 7) Итиберская волость: 34 человека, ясаку 2 сорока, 22 соболя, в Итиберской же волости 50 человек платят 3 сорока, 35 соболей. 8) Елейская волость: 31 челов., ясаку 1 сорок, 38 соболей. 9) Карачерская волость: 75 человек, ясаку 6 сорок, 14 соболей. 10) Каргинская волость: 7 чел. ясаку 14 соболей. 11) Шелкальская волость: 46 человек, ясаку 3 сорока, 20 соболей. 12) Юсская волость: 11 человек, ясаку 30 соболей, до них от Кузнецка езды 2-5 суток».

С переходом алтайцев в русское подданство, часть алтайцев попрежнему платила налог в двойном размере: ясак—русским и алман—китайцам. Налог китайцам платили в феврале каждого года в г. Кобдо. Налог ездили сдавать в Кобдо сами зайсаны. Они платили по 2 соболя или по 60 белок с каждого мужчины и получали подарки от Китайского правительства ежегодно. Им лично дарили двенадцать слитков серебра («ямба») и по 12 аршин канфышелка — для чиновников и по 90 кусков бязи «дабы» для подданных каждого зайсана[45].

Такое положение части алтайских племен было упразднено в 1865 г. по договоренности России с Китаем, и с того времени все алтайцы платили налог или ренту продуктами только русскому царю.

Ясак, платимый алтайцами, мы должны рассматривать не как военную дань, какой он был, скажем в XVI-XVII веках, налагаемой одновременно на то или иное племя, обитающее вне пределов территории Российской державы, без учета количества населения, в размере, пределы которого не могла ограничивать даже абсолютная неплатежеспособность населения. Ясак, вносимый алтайцами, представлял собой одновременно ренту и налог, так как непосредственным производителям-алтайцам противостояло Русское государство, не только как таковое, но и как суверенный земельный собственник. Взимаемый с алтайцев ясак был налогом точно установленных размеров, облагавшим все мужское население в возрасте от 18 до 50 лет, количество которого определялось переписью алтайцев, произведенной во время 3-й ревизии в 1763 г. Щербачевым. Взимаемый с алтайцев ясак был в то же время рентой продуктами, которую платили алтайцы сначала Русскому государству, а затем Кабинету царя, как собственнику земель, занимаемых алтайцами, как собственнику главного условия труда — земли.

Непосредственный производитель-алтаец пользовался землей, номинальным собственником которой являлось Русское государство. Но алтаец-производитель владел и собственными средствами производства, именно — скотом. Поэтому, естественно, что выкачивать прибавочный продукт сначала Российское государство, а затем и царь, могли только путем внеэкономического принуждения, путем установления личной зависимости алтайцев от верховного собственника земли. Это внеэкономическое принуждение, эта личная зависимость выражались в «подданстве» алтайцев «белому царю» и в обложении ясаком. Алтайцы были «верноподданными» русского царя, точнее — его крепостными. Предоставляя в пользование алтайцам земли, издавна занимаемые ими, номинальным соб-

[45] Aus Sibirien, s. 256.

ственником которых являлась до перехода алтайцев в русское подданство Джунгария, царское правительство в 1811 г. определило в пользование алтайцам земли, площадью в 110.000 кв. верст, назвав их «калмыцкими стойбищами». Переход за границу этих стойбищ алтайцам был воспрещен. Кочующие алтайцы оказались прикрепленными к определенной территории, которая с 1822 г. составляла личную собственность высочайшего помещика. Таким образом, алтайцы оказались крепостными «белого» помещика, которому они платили ренту продуктами, как собственнику земли. В дальнейшем, границы «калмыцких стойбищ» из года в год суживались под влиянием русской колонизации. С момента усиления колонизации после издания Правил 1879 г., о которых будет речь дальше, среди алтайцев быстро развивается процесс развития частного землепользования, основанного первоначально на захвате лучших земель зайсанско-байской эксплоататорской верхушкой, которая, учитывая надвигающуюся опасность земельной тесноты, позаботилась своевременно обеспечить себя лучшими пастбищами за счет стеснения своих соплеменников. Несмотря на уменьшение земель, находящихся в пользовании алтайцев, размеры платимого ими налога не уменьшались, а увеличивались. Помимо ясака появились новые формы налога, о которых удобнее сказать ниже. Ясак же взимался первоначально исключительно пушниной, хотя кое-где вместо соболей давали «лошаденками худыми или рогатым скотишком мелким». Так «ясашные люди горных волостей» Томского уезда «князец Тайда с товарищи «за ясак дали 17 лошаденок, кобыл и жеребят»[46].

Из сообщения В. Вербицкого, относящегося к 1858 г., мы имеем сведения о размере ясака у «черневых татар» (кумандинцы, тубалары, Л. П.).

«С каждой души положено взимать по три белки и 1 р. 86 к. серебром и сверх того 10 соболей с каждой волости».[47] Несколько дальше у него же читаем: «Ясак тот же, что и у калмыков (алтайцев, Л. П.), только вместо соболей с каждой волости должно внести в казначейство 10 чернобурых лисиц. Если же лов лисицы будет неудачен, они заменяются белками за каждую по 80 шт.[48]

В XVII веке эквивалентом пушного обращения являлся соболь. Расклад ясака долгое время исчислялся собольими единицами. Вскоре же ясак стал уплачиваться и другими шкурами пушных зверей, при чем ценность их приравнивалась к собольей единице. Из «Сборной книги ясаку 1692 г.» мы имеем сведения о подобной расценке[49].

О размерах собираемого ясака в Кузнецке можно судить из царской грамоты Кузнецкому воеводе Дементию Кафтыреву от 18 августа 1648 г.

---

[46] С. В. Бахрушин. Ясак в Сибири в XVII веке. Новосибирск. 1927 г., стр. 9.

[47] „Заметки Кочевого алтайца". Вестник Им. Русск. Геогр. о-ва. XXIV. 1858 г., стр. 91.

[48] Ук. соч. стр. 93.

[49] Д. Кузнецов. „По поводу издания Сборной книги ясаку 1692 г." Томские губ. ведом. 1864 г., № 24.

«В нынешнем 156 году декабря в 13 день прежний воевода Офонасий Зубов прислал... со всех ясачных волостей и улусов нашего ясаку, на прошлой на 155-й год 85 сороков, 6 соболей, 3 сорока 36 недособолей, 3721 пупок собольих и недособольих, 23 куницы в соболей место, 15 лисиц красных за 30 соболей, 4 лисицы красных с черевы, да 2 лисицы красных без черев за 12 соболей, 3 бобра за 8 соболей, да 3 пластины собольи колотые ясачные, 3685 хвостов собольих и недособольих за 19 сороков за 13 соболей за недособоль»[50].

По Вербицкому алтайцы Бийского и Кузнецкого округов в целом ежегодно платили: 243 соболя, 72 лисицы, 1041 колонок, 10130 белок.

Однако, эти внушительные официальные цифры не определяют тех действительных, которые алтайцы уплачивали фактически, ибо весь чиновничий аппарат, начиная от сборщика, кончая воеводой, впоследствии «заседателем», «кормился» от ясака. Официально это запрещалось законом. Тем не менее, они «имали ясак с прибавкой, не по государеву указу, и тем самым корыстовались, а воеводы того не берегли, и суда прямого им не давали, и сами им продажи и убытки чинили, и посулы и поминки имали великие, и ясаки имали воеводе, без государева повеления, и в волости к ним для ясаков воеводы посылали толмачей и казаков, и толмачи и казаки их продавали, имали посулы и поимки, и ясаки имали ввое» — так говорится в наказе кузнецкому воеводе Голенищеву-Кутузову[51]. Без особенного труда можно представить, каким тяжким бременем ложился этот двойной налог на производителя, который еще вдобавок вместо ружья охотился с луком. Понятно, что он постоянно находился в долгу и, несмотря на обилие зверя, голодал. Предания шорцев полны рассказами о частых изнурительных голодовках, которые участились с введением ясака. Не случайно в исторических документах встречаются указания вроде следующего: «и в отписке твоей написано на 148 г. Кузнецкого уезду с ясачных людей взято за двадцать девять соболей, лук телеский, шайка, да двадцать один таган железные и оставлены в Кузнецком остроге, а что тому луку и шапке и таганам кузнецкая цена, того в отписке своей и в ясачных книгах не написано»[52]. Это говорит за то, что неулов зверя или бедность плательщика не являлись препятствием к взиманию ясака, ибо в ясак брали даже необходимые вещи из обихода.

На сборе ясака наживалась вся без исключения администрация: и русская и алтайская. О том, как собирали ясак зайсаны и демичи, будет сказано ниже, когда речь пойдет специально о зайсанах, теперь же следует указать, что благодаря хищнической системе сбора, размер взимаемого ясака увеличивался в несколько раз, ибо зайсаны и демичи, помимо того, что клали себе в карман, еще собирали ясак «с запасом», который шел на подарки русскому начальству г. Бийска, куда зайсаны вози-

---

[50] Акты исторические, т. IV стр. 53.
[51] А. И., т. III. стр. 219.
[52] Царская грамота кузнецкому воеводе Дементию Кафтыреву. И. т. III, стр. 374.

ли сдавать ясак. Радлов так и писал: «Зайсан, в'езжая в Бийск, должен везде делать подарки, так как иначе его лучшие меха зачастую будут забракованы как негодные»[53]. Другой исследователь алтайцев должен был констатировать, «несмотря на то, что инородцы поставляли лучшие меха, да худшие у них и не принимали, несмотря на то, что эти меха они покупали у торговцев; ценные соболи все-таки часто не доходили по назначению, и по этому поводу завязывалась между канцеляриями переписка, при чем местные власти отписывались и отговаривались тем, что звероловство у инородцев уменьшается и на зверя был неулов»[54].

Русское правительство, присоединив алтайцев в подданство, использовало полностью существующую до этого структуру сбора ясака и сохранило за зайсанами и демичи право собирания ясака, но русское правительство увеличило аппарат сборщиков и тем самым умножило злоупотребления и хищения при сборе, которые ложились целиком на плечи производителей-алтайцев, увеличивая тяготу налога. Алтайские зайсаны, получив столь прибыльное право сбора налога, не оставались в долгу и в начале прошлого столетия «из'являют готовность» преумножить платимую ими подать и в награду получают золотые медали (Ордер Тоб. губернатора кузнецкому пограничному комиссару Калачеву от 21 апреля 1800 г. № 1104), в 1804 г. мы встречаем зайсана Кыстая Казакова *при дворе императора Александра I. В лице своего представителя* алтайцы снова получают ласковое внимание русской верховной власти, и сам Кыстай Казаков с княжеской пышностью возвращается в родные алтайские горы (Указ. Госуд. коллегии иностран. дел 15 апреля 1804 г., № 550)»[55]. Зайсаны заискивали у своих новых покровителей и добровольно предлагали русскому царю выжать из своих подданных лишнюю часть продукта в виде ясака, чтобы «преумножить» царскую казну, а себе откупить привилегию на преимущественное право эксплоатации алтайцев. Пойти на такое «преумножение» ясака им было очень легко, так как сами зайсаны и демичи от уплаты ясака были освобождены.

Чтобы скрыть подлинную сущность ясака, как особой формы эксплоатации, чтобы отвлечь внимание трудящихся алтайцев от налогового гнета, момент сбора ясака обставлялся как можно пышнее, сопровождался обильным угощением вином и мясом, т. е. превращался в праздник. Миссионер Вербицкий следующим образом описывает пиршество по случаю сбора ясака, виденного им среди северных алтайцев, отличавшихся исключительной бедностью: «в одной версте от жилищ, в березовой роще, была торжественная сдача ясака. Народа было мужчин и женщин до 600 человек. Огромные берестяные бураки, в 2 аршина вышины, были налиты аракою, и в каждом бураке помещался берестяной черпак на длинном черенке. Густой пар от кучи горячего мяса, изрезанного на куски, распространялся в воздухе (убито было 2 лошади и 1 корова). На-

---

[53] Aus Sibirien, s. 361.

[54] Ядринцев. Алтай и его инородческое царство, стр. 624.

[55] Административ. условия быта алтайцев. Восточн. обозр. 1888, № 38.

род разделился на группы, рассевшись на срубленные деревья, сложенные четвероугольниками. Шаман в красной шапке с пуком перьев из филина подошел к араке и, зажав глаза, забормотал без бубна и орбы какое-то призывание. После призывания на араку, таковое же было произнесено и на куски мяса, разложенные в бересте, которую двое держали за концы перед самым носом шамана. Далее все стали пить, есть и петь, а наконец некоторые ругаться и драться. Все были сыты, пьяны и нарядны»[56].

Однако, торжества, устраиваемые при приемке ясака, не были в состоянии заглушить недовольство трудящихся налогом. Доказательством этому служат многочисленные «инородческие бунты», так часто вспыхивавшие в Сибири в продолжение всего XVII и XVIII веков. Многие алтайцы, например, в Канской волости, убегали от платежа налога, узнав о приближении сборщиков. А один из шорских башлыков, обязанный платить налог Джунгарскому хану, сумел в течение 7 лет убегать со всеми своими подданными от сборщиков алмана. Только к концу XVIII века «инородческая» Сибирь была усмирена, и русское владычество закрепилось в Сибири. Русское правительство стало нажимать на ясак еще сильнее. Ревизия и реформа Сперанского 1822 г., разделившая «инородцев» на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих, под видом облегчения налога, увеличила этот налог по сравнению с обложением по 3-й ревизии в 1763 г. в несколько раз[57]. В счет уплаты ясака стали заносить совершенно посторонние поборы и даже взятки. Так, например, 7-я Калмыцкая (т.-е. Алтайская. Л. П.) дючина Бийского округа сверх ясака обязана была вносить еще надбавленных на нее в разное время подарочных поборов на 376 рублей. На первую дючину надбавлено было таким же образом 85 руб., на вторую 132 р., на третью 71 р., на четвертую 135 и т. д.[58]. Если учесть еще, что в начале прошлого столетия, к которому относятся эти цифры, денежное обращение у алтайцев совершенно отсутствовало, то можно представить, какое количество пушнины должны были уплатить алтайцы сверх положенного ясака, чтобы покрыть эти суммы, имея в виду крайне дешевые цены на шкурки, по которым они принимались в ясак, исчисляемый после закона Сперанского в денежных единицах, но взыскиваемый натурой. Это положение не улучшила и Ясачная комиссия, работавшая в Западной Сибири с 1828 г. по 1835 г. Целью работы Комиссии являлось определение, к какому разряду отнести тех или иных «инородцев» в соответствии с законом Сперанского, и составление окладных книг для кочевых и бродячих инородцев, к которым относились и алтайцы. Несмотря на то, что Комиссия была завалена жалобами «инородцев» на тяжесть обложения ясаком, несмотря на то, что в ряде случаев она признавала несоразмерность налогов и экономического состояния «инородцев», все же Комиссия про-

[56] Душеполезное чтение, 1868, январь, стр. 159-160.
[57] См. Шашков. Сибирские инородцы в XIX столетии.
[58] Шашков, стр. 571.

извела новое обложение ясаком, увеличившее ясак, платимый «инородцами» Западной Сибири в переводе на деньги с 19169 руб. 20 к. до 59394 руб. 60 к., т.-е. увеличила ясак в 3 раза. Алтайцы стали отдавать в ясак до 26 процентов всей добываемой продукции, на сумму 16586 р.[59]. Фактически процент добычи, отдаваемой царю в ясак, был больше, т. к. в ясак пушнина принималась по весьма низкой оценке.

Вот в общих чертах картина обложения ясаком. Отсюда нетрудно видеть, что ясак не только разорял трудящихся алтайцев, выносивших всю тяжесть ясака на своих плечах, но, кроме того, задерживал развитие производительных сил алтайского хозяйства. Ясак, требуемый пушниной, вынуждал алтайцев вести полукочевой или даже кочевой образ жизни, тормозил развитие у них форм хозяйства, связанных с оседлостью, мешал переходу к более высоким формам хозяйства.

Выкачивание прибавочного продукта трудящихся русским царем-помещиком в форме ренты продуктами — ясака было заменено после шестидесятых годов прошлого столетия формой денежной ренты. Эта денежная форма ренты должна рассматриваться нами, на основании исследований Маркса[60], как форма превращенной ренты продуктами. Вместо уплаты ясака шкурками зверей алтаец должен был вносить деньги, вносить цену этих шкурок. «Вместо продукта непосредственному производителю приходится здесь уплачивать собственнику земли (будет ли то государство или частное лицо) цену продукта»[61]. Базис этой формы ренты тот же, что и при ренте продуктами. «Непосредственный производитель попрежнему наследственный или вообще традиционный **владелец** земли, который должен уплачивать господину как **собственнику** этого существеннейшего условия его производства избыточный принудительный труд, т. е. неоплачиваемый, выполняемый без эквивалента труд, принимающий форму прибавочного продукта, превращенного в деньги»[62]. Все же, замена натуральной ренты — рентой денежной вносила новый момент в алтайское натуральное хозяйство. Теперь трудящийся алтаец должен был произвести часть продукта для продажи, т. е. произвести как товар и затем реализовать этот товар, превратив его в деньги. Введение денежного налога послужило одной из наиболее важных причин, вызвавших разложение алтайского натурального хозяйства, ибо это способствовало товаризации производства и усилению обмена. Вместе с тем, денежная форма ренты ухудшила резко положение трудящихся алтайцев, особенно в первый период, и вот почему. Как доказано исследованиями Маркса, денежная форма земельной ренты предполагает развитие торговли, товарное производство[63]. У алтайцев эти условия в то время еще не созрели. Денежное обращение в Алтае было весьма слабым. Поэтому

---

[59] Шашков, стр. 578.
[60] Капитал, т. III. Генезис капиталистической земельной ренты.
[61] Капитал, т. III, стр. 579.
[62] Капитал, т, III, стр. 574. Подчеркнуто мной Л. П.
[63] Капитал, т. III, Денежная рента.

большинство алтайцев продолжало вносить зайсанам налог пушниной, с тем чтобы зайсаны реализовали эти продукты на рынке в г. Бийске, а в казначейство вносили сумму, требуемую окладом деньгами. Для зайсанов и их помощников это были новые способы для их обогащения, основанные на посреднических операциях, о которых подробно будет сказано в разделе о зайсанах. Денежная форма налога стимулировала и развитие ростовщичества у алтайцев, при чем ростовщиками делались в первую очередь зайсаны и демичи, затем баи и торговцы. У алтайцев появился специальный тип бая «парышту-бай» (от слова «парыш» — прибыль), т. е. ростовщик.

В конце XIX столетия денежная рента была всеобщей формой, через которую из трудящегося алтайца выкачивался продукт Кабинетом царя. К 1897 г. алтаец платил следующие налоги: 1) ясак, взимаемый деньгами по 1 руб. 43 к. с ревизской души; 2) подушная подать по 29 к. с ревизской души; 3) губернский земский сбор — 15,5 коп. с ревизской души; 4) сбор частной волостной повинности по 32,5 к. с ревизской души, что составляет на 1 душу 2 руб. 20 к. Далее шли неокладные сборы: 1) содержание родового управления; 2) содержание земской гоньбы; 3) содержание земских квартир; 4) церковные сборы (для крещеных). Кроме того были еще натуральные повинности: 1) исправление дорог; 2) тушение лесных пожаров; 3) доставка лошадей для земской гоньбы; 4) заготовка дров для миссионерских церквей и школ. В некоторых районах, напр., в Чулышманской долине, сумма платимых налогов и сборов составляла около 20 руб. в год на одно хозяйство, что безусловно было разорительно для мелких, технически отсталых, полукочевых хозяйств алтайцев. Следует отметить, что сумма этих сборов и налогов увеличивалась в несколько раз бесконтрольной системой сбора, господствовавшей на Алтае. Не даром один из русских писарей Чуйской волости назвал жизнь среди алтайцев «блаженной»[64]. О том, как дорого обходились алтайцам налоги, писали почти все побывавшие в Алтае путешественники и исследователи[65]. А. Колочев сообщал о теленгитах, что, вместо 57 руб. 14 к. ясака и 1500-2000 руб. земских сборов, «с них взыскивается различными способами до 11000 руб., как утверждал мне в Кош-Агаче местный волостной писарь; деньги эти идут, повидимому, зайсану и его помощникам. Подать собирается вообще без всяких окладных листов»[66]. Всю тяжесть налогового пресса испытывали на себе трудящиеся алтайцы, ибо зайсаны и демичи были освобождены от налогов, а баи, при уравнительной системе раскладки «по-душно», платили столько же, сколько любой бедняк.

Итак, ясак как в натуральной, так и в денежной форме должен рассматриваться как натуральная, а затем и денежная рента, взимаемая с

---

[64] Колочев. Поездка к теленгитам на Алтай. Живая старина. VI. 1896 г., № 3-4, стр. 486.

[65] Напр., Швецов. т. I, гл. VIII. Колочев, Вербицкий. Том. губ. вед. 1875, № 25.

[66] Капитал, т. III.

алтайцев русским императором, противостоявшим непосредственным производителям-алтайцам «в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена» (Маркс). Из этого следует, согласно исследованиям Маркса, что в таком случае «рента и налог совпадают» или, точнее, в этом случае «не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты» (речь идет о ренте продуктами. Л. П.).

Когда ясак, бывший натуральным налогом, превратился в денежный налог, это значило, что рента продуктами превратилась в денежную ренту, которая «как превращенная форма ренты в продуктах есть последняя форма и в то же время форма разложения... земельной ренты, как нормальной формы прибавочной стоимости и неоплаченного прибавочного труда, который приходится доставлять собственнику условий производства»[67].

К категории ренты продуктами должны быть отнесены также все натуральные поборы: пушниной, сеном, баранами, вином, которые взыскивали зайсаны со своих подданных, например, обычай «коотой», представляющий натуральный сбор, уплачиваемый зайсану при выдаче девушки замуж, обычай приносить зайсану первого убитого зверя, возить вино зайсанам и баям для помочей и т. д. Подробнее об этих натуральных приношениях зайсану, по существу, натуральном оброке, будет сказано в разделе о зайсанах.

5. ЗАЙСАНЫ

Рассмотренные формы эксплоатации, выражающие феодальные отношения, обязывают дать характеристику конкретных носителей этих отношений: эксплоататоров и эксплоатируемых. Начнем с более ярких фигур алтайского общества — зайсанов.

Прежде чем дать характеристику зайсанов, как представителей класса феодалов, посмотрим, какие сведения о зайсанах имеются в научной литературе об алтайцах. Нужно только предупредить читателя, что сведения эти чрезвычайно скудны и разбросаны в работах немногих авторов в виде отрывочных, скупых замечаний. Например, у Котта сказано «они (т. е. алтайцы. Л. П.) живут в ордах, управляемые природными начальниками[68] (Saisans). Посетивший Алтай в 1826 г. доктор Бунге описывает вкратце одежду, жилище и богатство алтайских зайсанов, с которыми он лично встречался, но такие замечания о зайсанах у него встречаются сравнительно редко. Также мало сказано об алтайских зайсанах и у Радлова. Все же представляется возможным использовать и эти краткие замечания. Что же такое зайсан по определению старых путешественников и исследователей? Гельмерсен пишет: «Зайсан есть слово монгольское и значит **дзорянин.** Телеуты выговаривают его Яйзанг. Зайсан у них есть глава какой-нибудь их части или известного племени, вы-

[67] Капитал, т. III.

[68] Der Altai. Sein geologischer Bau und seine Erzlagerstätten. Leipzig 1871. Th. 5, s. 313.

бранный русским правительством» (подчеркнуто мной. Л. П.)[69]. Гельмерсен неправ лишь в том отношении, что русское правительство, особенно в то время, когда Гельмерсен путешествовал по Алтаю, выбирало зайсанов. В действительности же русское правительство лишь утверждало избранного самими алтайцами зайсана в этом звании, подобно тому, как у алтайцев-двоеданцев зайсаны утверждались китайским правительством и получали от него жалованье серебряными ямбами, т. е. китайскими серебряными монетами[70]. В древних монгольских и калмыцких уложениях термин зайсан означает «второе привилегированное сословие белой кости», т. е. дворянство[71]. На принадлежность к дворянству алтайских зайсанов указывает и В. Радлов, который пишет: «Семьи зайсанов и демичи образуют старое княжество и родовое дворянство. Это достоинство наследственно и до сего времени»[72]. О принадлежности зайсанов к «знатным людям» видно и из русских официальных документов XVIII века[73]. Как в феодальной Монголии зайсаны разделялись на знатных или старейших и чиновных[74], так и алтайцы различали «укту-зайсан» и «ук йок зайсан». По этому поводу у Радлова сказано несколько слов. «По словам алтайцев, ко времени Джунгарского государства у них было только 5 зайсанов и поэтому этих зайсанов обозначают как укту-потомственные, кровные, родовитые «укту-зайсан». Из последних зайсанов только 4 зайсана «укту», и они находятся в народе в почете. Как высоко ценится происхождение зайсанов, указывает достаточно уже то обстоятельство, что повсюду в народе известны их родословные»[75]. Радлов называет четырех следующих укту-зайсанов:

1. Кудук из рода Кипчак.
2. Пудуко из рода Иркыт.
3. Коккуш из рода Тотош.
4. Пуктус из рода Мундус[76].

По записям А. В. Анохина в Алтае было четыре «укту»-зайсана, зайсана чистой крови. Предки этих зайсанов приняли русское подданство, именно: Кудук из Кыпчаков, Педеке из Иркыт, Кош из Тодош, Паткус из Мундусов. У черневых алтайцев, по Анохину, «родович», т. е. «укту»-зайсан, был один, из рода «юз»[77].

---

[69] Гельмерсен. Телецкое озеро и телеуты Восточн. Алтая. Горн. журнал. 1840 г., I, стр. 251.

[70] Dr. Bunge Reise im ostlichen Theil des Altai Gebirges im Sommer des Jahres 1826. См. у Ledebour, a. Reise durch das Altai Gebirge und die Soongarische Kirgisen Steppe. Berlin 1830, s. 99.

[71] См. Ф. И. Леонтович. Древне-монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий, стр. 57.

[72] Aus Sibirien 251.

[73] См., например, Инструкцию полковника Павлуцкого к вахмистру Соболеву и др. В Материалах для истории Сибири. Чтения... 1866, кн. 4-я, стр. 75-77.

[74] См. Леонтович, стр. 157.

[75] Aus Sibirien, s. 251. „Укту“—значит наследственный, родовитый.

[76] Ук. соч. 251.

[77] Архив А. В. Анохина в Обл. музее Ойротии. Рук. № 55.

Мне удалось установить зайсанов «по праву рождения» или зайсанов у тубаларов в нескольких бывших черневых волостях. Ниже приводятся списки зайсанов, управляющих этими волостями. Эти списки составлены при помощи стариков, помнящих смену зайсанов у черневых алтайцев и строго различающих «укту зайсан» и «ук йок зайсан».

Зайсаны б. Комляжской волости:

1. Саазу } укту зайсан
2. Акпычай }
3. Темдек }
4. Маныш } из рода „катугас конгдош"
5. Колоджок }
6. Тадар }
7. Кыстыгаш укту-зайсан
8. Чолтый из рода „катугас конгдош"
9. Давыд (Мих. Вас. Тобоков) „ук йок"
10. Ив. Мих. Тобоков } из рода „кобурчи конгдош"
11. Вас. Мих. Тобоков }

В Комляжской волости от укту-зайсанов рода «катугас-конгдош» зайсанство перешло к роду «кобурчи конгдош» «не законным путем». Фамилия Тобоковых из рода «кобурчи конгдош» подкупила русского заседателя и отобрала зайсанство у «катугас конгдош».

Зайсаны б. Кузенской волости:

1. Чалкы } „укту зайсан"
2. Санзар }
3. Уйгучак }
4. Мокол }
5. Чичканаков Ан. } из рода „кузентонг-жарак"
6. Саблашев Макар }
7. Ескичеков Ник. }
8. 2-ой Ескичеков Ник. }
9. Маскачаков Ишпок }

Зайсаны б. Южской волости:

1. Чокон } „укту-зайсан"
2. Болый }
3. Чанчай }
4. Кыргызак }
5. Чеберек }
6. Сабак }
7. Кузунаю (Борбяков Ив.)-„ук йок"
8. Аднай (Чоконов Андр.) „укгу"
9. Манзарак (Каланаков Макар) „укту"
10. Тоттанышев Сапрок—„ук йок"

Стало быть, родовитое дворянство известно было и черневым алтайцам-тубаларам.

Зайсанское звание и власть были наследственными. В. Радлов в «Письмах из Алтая» пишет: «Зайсанское звание наследственно», и сын зайсана имеет первейшее право наследования, однако признание его в этом звании зависит от русского правительства и народа. Если он признан непригодным, то может быть избранным его ближайший родственник или демичи. При несовершеннолетии сына управление принимает мать или один из близких родственников совместно с демичи. Почти то же можно сказать о достоинстве демичи и шуленги»[78]. То же самое засвидетельствовано и Вербицким и др. авторами, посетившими Алтай[79]. В случае бездетности зайсана он мог передать свою власть и приемному

[78] Archiv für wissent. Kunde von Russland, Bd. 21, s. 188.

[79] Алтайцы. Том. губ. вед. 1864, № 31, Д. С. Алтай и его обитатели. Моск. вестник. 1860, № 23 и 24, Швецов, стр. 235 и др.

сыну. Это подтверждается преданием о зайсане Эрельдее, который получил зайсанство именно таким путем[80].

Во времена Ойротского царства к алтайцам, живущим по р. Оон (Бие), приехал китайский чиновник для сбора албана (подати). Зайсаном у алтайцев был Пуктуш из рода Тонжоан. Пуктуш встретил чиновника с почетом. Он велел заколоть лошадь и устроить для чиновника «тепщи» угощение (букв. деревянное блюдо, на котором подают вареное мясо). При «тепщи», в числе прочих, присутствовал мальчик из сеока Мундус, семи лет, по имени Эрельдей. Во время еды знатных лиц, китайского чиновника, зайсана и его помощника, Эрельдей, видя что угощение мясом подходит к концу, к удивлению всех присутствующих, смело спросил: «уч кижинин киинде итен оско неме алып тиибес-па?» — после трех человек, кроме собаки, могут ли брать (и есть мясо) и другие? Смелый вопрос понравился всем и развеселил чиновника. Чиновник обласкал мальчика и посоветовал бездетному Пуктушу усыновить Эрельдея. Пуктуш так и сделал. Он усыновил Эрельдея и сделал его своим наследником своего зайсанского достоинства. Таким путем зайсанство после смерти Пуктуша перешло от рода «тонжоан» к роду «мундус» и родословная зайсанов первой дючины представляется, по рассказам стариков, в следующем виде:

1. Пуктуш из рода „тонжоан"—(был китайским поддан.)
2. Эрельдей „мундус"—(перешел в русское подданство)
3. Адару
4. Бакай
5. Апанас
6. Корты
7. Тужен
8. Митрошко
9. Барабош
10. Темей
11. Кыпан
12. Ады ок
13. Павел
14. Сапыш

По преданию выходит, что Пуктуш был из рода «тонжоан», а не «мундус», как указано выше у Радлова и у Анохина, и что переходил в русское подданство не Пуктуш, а Эрельдей[81].

Относительно утверждения зайсана в его звании можно заметить, что русское правительство стало утверждать алтайских зайсанов только после перехода алтайцев в русское подданство. До этого процедура утверждения проделывалась китайской администрацией... Утверждение зайсана народом на выборном собрании происходило вплоть до землеустроительной реформы в Алтае (1911-13 гг.), когда был уничтожен институт зайсанов и заменен обычными волостными управлениями русского типа. По существу зайсана утверждал не народ, а зажиточная верхушка алтайцев, представлявшая «народ». Это подробнее будет показано дальше.

Теперь рассмотрим вопрос, кем и как управлял зайсан. Весьма характерным в этом отношении является то, что зайсан управлял не определенной населенной территорией, а определенной группой родов, члены

---

[80] Сказание записано А. В. Анохиным.

[81] В письме о принятии алтайцев в русское подданство, подписанном 12 алтайскими зайсанами, подписи Эрельдея нет, но есть подпись Пуктуша. См. Потанин. Дополнения к Риттеру—Землеведение Азии, стр. 367.

которых жили разбросанно по всей территории Алтая. Независимо от местопребывания алтаец, приписанный к определенному зайсанству (дючине), подчинялся только своему зайсану, которому платил ясак, обращался по судебным делам и т. д. Очевидно, это обстоятельство особенно дало повод всем исследователям говорить о родовом строе у алтайцев и судить об общественном строе алтайцев не по способу производства, а по форме административной организации. Зайсана при этом отождествляли с родовым старшиной и официально зайсан именовался по-русски «родовой староста». На деле же зайсаны ничего общего с родовыми старейшинами не имели. Это были типичные эксплоататоры-феодалы, как мы это увидим в конце настоящей главы. В организационной структуре зайсанств несомненно были элементы родового строя, сохранившихся в качестве необходимых в тех условиях пережитков, например, в организации административной единицы — зайсанства, по родовому, а не по территориальному принципу. Однако, это не дает основания говорить о родовом строе, если вкладывать в это понятие научное содержание. Не может говорить о родовом строе и то обстоятельство, что зайсаны выбирались из определенных родов. Если внимательно проштудировать старую этнографическую литературу об алтайцах, можно встретить такие указания «зайсанги вообще выбираются из богатых родов»[82]. Луценко пишет: «Вторая волость (управление в Курае) состоит из родов Ак-Кобок, Саал, Кыпчак и т. д... во главе по праву должен стоять Ак-Кобок, но в последнее время, когда звание зайсанов стало выборным, а не наследственным, по настоянию одного из алтайских заседателей назначен зайсаном «Саал». Это еще первый случай избрания зайсана не **из аристократического рода**»[83] (подчеркнуто мной. Л. П.). Стало быть зайсаны избирались из богатых, аристократических родов. С этим созвучно указание А. В. Анохина, что даже сборщики податей при зайсане «алмачи и шуленги выбирались из хорошего рода»[84]. С. П. Швецов, подтверждая, что зайсаны выбирались только «из определенных сеоков»[85] (родов), улавливает новый, чрезвычайно существенный момент, упущенный предыдущими исследователями. Он пишет: «зайсан избирался пожизненно... по возможности из одной и той же семьи». И обычное право алтайцев закрепило эту привилегию отдельных семей в роде, быть зайсанами, обычаем наследственности зайсанского звания, обычаем, которым в первую очередь имел право воспользоваться сын зайсана и затем его ближайший родственник. Стало быть, о фактическом равенстве родов и говорить не приходится. Также нельзя сказать и о равенстве семей внутри рода. Принцип родовой демократии при выборе зайсана игнорировался. Это лишний

---

[82] А. Колочев. Поездка к телеигитам на Алтай, стр. 485.

[83] Луценко. Поездка к алтайским телеигитам, стр. 16.

[84] Анохин. Архив. рукоп. 55, стр. 33.

[85] Швецов, т. I. стр 235. Выше мы видели, что представляли собой эти „определенные" сеоки, т. е. это были аристократические, богатые роды.

Рис. 10. Смычка зайсанов и баев с царскими чиновниками. Урочище Куюм.

раз показывает, что рассуждения о родовом строе у алтайцев — не научные рассуждения.

Зайсанская власть до перехода в русское подданство была почти неограниченной. Зайсан мог запороть до смерти своего подчиненного или продать в рабство. Например, «старшины алтайских инородцев» «продали в 1756 г. переводчику Девятиаровскому мальчика и девочку за 2 быка, 2 кирпича чаю, кожу красную и четверик круп». «Сержанту Ердыкееву старшины Янкаш и Дабхур подарили раненую бабу с сыном, для пропитания, в вечное услужение»[86]. Зайсан мог распоряжаться имуществом подчиненного, штрафовать и т. д.

С переходом в русское подданство власть зайсана осталась мало ограниченной. «Зайсан имеет право без суда наказать любого теленгита, начиная с наложения штрафа, кончая наложением телесного наказания до 25 ударов. Вместе с демичами... он решает все гражданские дела без ограничения суммы иска. В настоящее время его суд может быть обжалован в месячный срок заседателю (становому), но ранее он был безапелляционен»[87].

При зайсане находились помощники — демичи, по числу родов, входящих в зайсанство. Демичи управлял «арманом» — податной единицей, совпадающей с родом, и был подчинен зайсану, в ведении которого находился этот род. Демичи — это высшее административное лицо в роде, демичи управлял обычно только одним родом, когда род был достаточно

---

[86] Г. Н. Потанин. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII. столет. Чт ния в Имп. о-ве истории и древностей российских. 1868 г., кн 11-я, стр. 60.

[87] А. Колочев, стр. 485.

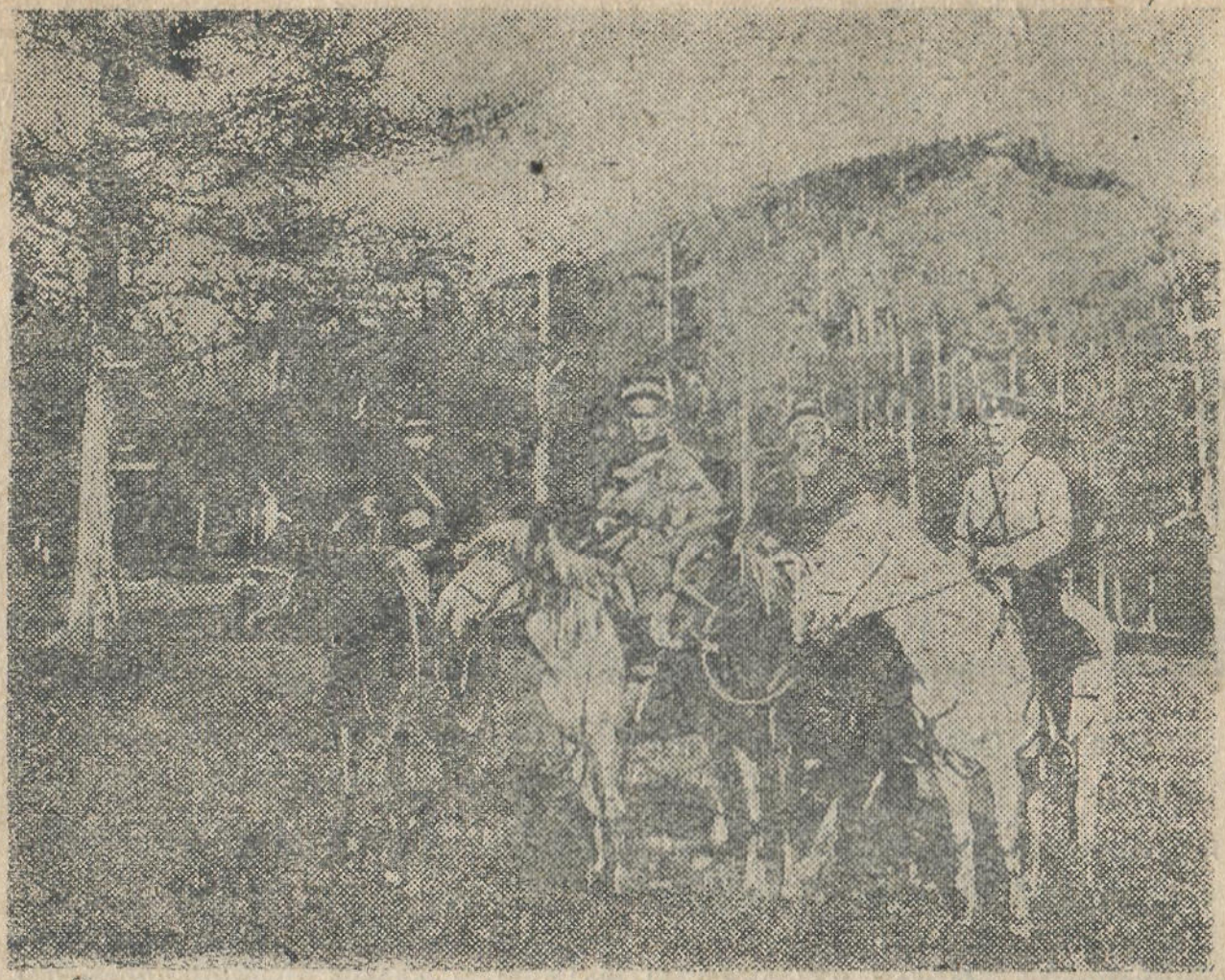

Рис. 11. Царские чиновники у алтайцев.

велик и совпадал с арманом, а иногда мелкие роды об'единялись в один арман и ими управлял один демичи. Например, в первой алтайской дючине роды «олюп» и «чапты» имели одного общего демичи. Напротив, когда род был многочисленный и члены его жили разбросанно, такой род имел несколько демичи. Сеок «юз» у тубаларов имел 5 демичи соответственно 5 подразделениям этого сеока или рода: 1) «юз» — 1 демичи, 2) «сары-юз», 3) «шангмы-юз», 4) «саргайчы-юз», 5) «тау юз». Кузенская черневая волость имела 3 демичи: 1) «тонжорак» — 1 демичи, 2) «киштындер-кузен» — 1 демичи, 3) «педибеш-кузен» — 1 демичи. В Комляжской волости сеок «ярык» имел 2 демичи соответственно подразделению сеока на два поколения: 1) «сынчи-ярык» и 2) «кара-ярык». Сеок «конгдош» имел 4 демичи и т. д.

Демичи исполнял судебные и административные функции только в пределах своего армана, нередко совпадавшего с родом или подразделением рода, и ему подвластны были только члены его армана. Главнейшей обязанностью демичи был сбор ясака и разбор мелких судебных дел в своем армане; более крупные и серьезные дела выносились на суд самого зайсана, который разбирал их в присутствии демичи заинтересованного армана. Звание демичи до особого распоряжения русской администрации

было также наследственным и переходило после смерти отца к сыну или ближайшему родственнику.

Демичи были эксплоататорами того же типа, что и зайсаны.

Из других должностных лиц зайсанского управления нужно упомянуть еще о шуленги и арбанах[88], должность которого исследователи нередко называли «полицейскою» и сравнивали ее с сотским или десятским[89].

Административная верхушка алтайцев была классовой, эксплоататорской верхушкой. Как правило, алтайские зайсаны и демичи были очень богатыми людьми, при чем значительную долю их богатства составлял скот. О размере зайсанских стад можно судить по следующему описанию Радлова, посетившего зайсана Мангдая: «Вечером были пригнаны к юрте лошади, коровы, верблюды. Во всю ширь, как мог видеть глаз, все было покрыто скотом и все-таки говорили мне, что это только половина всего скота, принадлежавшего зайсану»[90]. Стада зайсанов Манжи и Аргымая Кульджиных исчислялись десятками тысяч голов.

Из зайсанов южного Алтая особенно выделялся богатством Аргымай, поставщик лошадей императору, побывавший с целью изучения коннозаводства в Англии и неоднократно ездивший в Петербург. Аргымай владел громадными пастбищами, зимними и летними, покосами и занимался торговлей в Монголии, где держал часть своих стад.

Из зайсанов северного Алтая наиболее богатым был зайсан Михаил Васильевич Тобоков (по-алтайски «Давыд»). Он был акционером компании Зингер и имел в Улале магазин швейных машин, кроме того, был тесно связан с бийским магнатом — купцом Бодуновым. Один из сыновей Тобокова был членом Государственной думы и, благодаря высоким связям, выхлопотал отцу право открыть в Улале монопольную винную лавку. Это быстро увеличило доходы Тобокова, и он в сравнительно короткое время нажил 6 двухэтажных домов в Улале, открыл маслозаводы в Паспауле и Карасуке. Побывав в Петербурге и вкусив прелестей буржуазной, дворянской и чиновничьей культуры, Тобоков по приезде в Улалу выстроил публичный дом «на 30 девок», где мечтал иметь и русских и алтаек. Открыть этот дом Тобокову не удалось, помешала война[91]. Старший сын Тобокова, Даниил Васильевич, по слухам, в настоящее время является главным директором-распорядителем Русско-китайского банка в Тяньцзине (Китай), где, очевидно, в свое время были помещены капиталы Тобокова[92].

[88] У Чуйских теленгитов следующая должность после зайсана называлась „кунди". Кроме того у Чуйских теленгитов, на ряду с демичи существовала должность „пошко", который помогал демичи в сборах податей и судебных функциях.

[89] См. напр., Швецов. стр. 231.

[90] Briefe ams dem Altai, s. 646.

[91] В настоящее время в этом помещении в нижнем этаже—столовая горкоопита, вверху—общежитие милиции.

[92] Сведения о М. В. Тобокове мне сообщены преимущественно Иваном Николаевичем Михайловым—завед. совнартшколой в Улале.

Нет возможности, да и нужды, перечислять богатства прочих зайсанов, напр., Барабоша, торговавшего с Монголией, крестника купца миллионера Морозова, зайсана 2-й Чуйской волости Семена Юлукова и многих других. Точно так же были богачами и демичи. Д-р А. Бунге, посетивший Алтай в первой четверти XIX столетия, отмечает что встретившийся на его пути демичи Баран «был одним из богатейших калмыков в окрестности... женат на двух женах и через них находится в родстве с двумя зайсанами... он заведывал всей страной от устья Кана до ближайших русских деревень»[93]. Про бошко 2-й Чуйской волости Савву Евтиекова миссионеры писали: «Это крез Алтая, обладавший завидным богатством: бесчисленными табунами верблюдов, лошадей и рогатого скота, что добыто, по народной молве, путем насилия и грабежа[94]... Естественно, возникает вопрос, каким же путем вырастало богатство зайсана, каково происхождение этих богатств.

Ответить на эти вопросы совершенно необходимо и, кажется нет задачи более легкой, ибо фактический материал по этому поводу весьма обильный.

Будучи вассалами Джунгарии, зайсаны имели в своем распоряжении вооруженные отряды, составлявшие главную опору зайсана. Это давало возможность зайсанам наживать богатство при помощи военных нападений, сопровождавшихся грабежом скота, имущества и уводом пленных. Пленников зайсаны обращали в рабов и продавали, частично держали и при себе. Подобные набеги обогащали зайсанов и их ближайших помощников, так как львиную долю добычи они забирали себе, удачные набеги, давая временное улучшение материального положения подданных зайсана, играли реакционную роль, они укрепляли экономическую мощь и эксплоататорские возможности зайсанов и, главное, задерживали рост классовой борьбы против зайсанов.

Исторические документы изобилуют указаниями на разбой зайсанов. В 1709 г. зайсан Духар сжег близ Кузнецка 8 подгородных деревень и забрал около 2000 скота. В 1710 г. была сожжена Бикатунская крепость. Особенно прославился своими набегами на русских зайсан Омбо, впоследствии перешедший в русское подданство. Так, в 1743 г. отряд Омбо убивает 5 томских купцов, проезжавших через Алтай к Джунгарскому хану. В 1745 г. его люди сожгли крепость при Чекырском руднике и т. д.[95]. В 1763 г. «зайсан Чедак, собрав до 3000 подвластных ему людей, напал на поколения нецких двоеданцев Тау-Телеуцкой волости демичи Бютюка Кармакова, разорил юрты их, убил 27 человек, взял 17 человек в плен, кроме женщин (в числе женщин находились и жена и дети демичи Бютюка), и угнал до 1000 голов»[96]. Приблизительно

---

[93] Reise im ostlichen Theil des Altai Gebirges, s. 37-38.

[94] Отчет алт. дух. миссии за 1612 г., стр. 77.

[95] Материалы для истории Сибири. Лист к зенгорскому владельцу отправл. через Ямышев из Тобольска, от 29 апреля 1751 г.

[96] Архив Гуляева. С. И. Дела о сношениях с китайцами—колии.

в половине прошлого столетия подобными делами отличался особенно бошко 2-й Чуйской волости Савва Евтиеков. Он нажил свои огромные богатства путем вооруженных набегов на соседние племена, обитающие на китайской территории: монголов, сойотов или урянхайцев, киргиз. Однажды, потерпевшие организовали поход против Евтиекова с целью напасть и разорить его в своем гнезде в Алтае, в ущелье Карагем (верховья р. Катуни), где он жил. Однако, Савва своевременно узнал о надвигающейся опасности и устроил из своих стрелков засаду в узком, трудно проходимом ущелье. В результате половина наступающего отряда была перебита, вторая часть отступила. Некоторое время спустя, осенью, когда мужское население обычно находится на промысле белки, враги Евтиекова снова напали на Карагем, разорили живущих там алтайцев, угнали скот, но Савва от этого не пострадал, так как до его аилов они не дошли, пострадали лишь его подданные.

Все же с переходом в русское подданство и особенно с колонизацией Алтая вооруженные набеги, как источник доходов, в большинстве случаев исчезают и эксплоататорская деятельность зайсанов и демичи утончается. Официально зайсан получал жалованье из своей волости или дючины в сумме 25 руб. в год. Главный же доход его составляли сбор ясака или подати и доход от судопроизводства ввиде взяток («карын») и «подарков» («сый»).

Несомненно, наибольший доход зайсана был от сбора податей. По закону подать «калан» должны были платить мужчины от 18 до 50 лет. Зайсаны же облагали податью все мужское население от 16 до 60 лет, и этот «сельбик» (прибавок) шел в пользу зайсана, составляя один из наиболее прибыльных источников его обогащения. Далее, по словам старика Осипа Одукова, живущего в уроч. Салганду, Успенского аймака, зайсаны в списках подданных своего зайсанства показывали неверные сведения о возрасте мужского населения и на этом основании утаивали значительную часть плательщиков подати от русской администрации, а с утаенных лиц подать все же собирали и присваивали себе. С переходом от натурального ясака к денежной подати большинство алтайцев продолжало вносить зайсану подати шкурками зверей. Зайсаны реализовали шкурки в Бийске на рынке, а в казначейство вносили деньгами сумму, требуемую окладом. Это создало условия для новых способов обогащения зайсанов и демичи, которые теперь выступили в качестве посредников по ежегодному сбыту пушнины на рынок. На этих посреднических операциях зайсаны наживали большие суммы. Принимая пушнину в счет уплаты податей, по казенной цене и дешевле, зайсаны продавали эту пушнину по рыночной цене, а разницу клали себе в карман. Или, как сообщает Швецов, «меняют хорошую пушнину на худую, которую казначейство вовсе отказывается принять, они же продают ее и вносят деньгами, почему образуется недоимка; то так произведут сдачу, что приходится делать вновь сборы и т. д.»[97].

[97] Швецов, т. I, стр. 247.

Взнос податей или ясака пушниной был явно невыгоден для производителя, потому что таким образом весьма обесценивалась добытая им продукция. Но это было очень выгодно для зайсанов. Поэтому зайсаны неустанно внушали алтайцам, что взнос ясака деньгами превратит их «в русских крестьян», после чего русское правительство заставит алтайцев креститься и будет брать на войну.

Миссионер Вербицкий отмечает невыгодность для рядового производителя уплаты ясака пушниной на примере шорцев. Он пишет:

«Взнос ясака пушным зверем, вместо денег, очень невыгоден для инородческих волостей, так как волость сама покупает соболей несравненно по высшей цене, нежели за какую они принимаются в казначействе. Почему же они не прекратят взнос пушнины, когда и полицейское начальство и мы постоянно внушаем им, что этот взнос не обязателен, его можно заменить и деньгами. Это, вероятно, потому, что башлыкам и сильным людям выгоднее сбывать своих соболей в ясак за самую высокую цену, которую они слупят с волости. Да и вообще ясак собирается вовсе не по ассигновке полицейского управления, всегда предшествующей, как и выше было сказано, сбору ясака, а гораздо выше, если не вдвое, ибо к ясаку же причитается: угощение всей волости и посторонних гостей в обильном количестве вином, мясом конским и коровьим, поездка целой ватаги с ясаком, с платою каждому за себя и за лошадь, на содержание ясачников в дороге и в городе, которые, конечно, не довольствуются уже, как дома, толканом, а на волостной счет кушают мясо и попивают вино сколько душе угодно»[98].

Вербицкий справедливо указывает, что ясаку сбиралось гораздо более, чем предусматривалось окладными листами.

При незначительном денежном обращении в Алтае трудящемуся алтайцу достать денег для уплаты подати было трудно, и он платил ее зайсану или натурой или же обращался к зайсану или демичи с просьбой «выручить» его. В таких случаях зайсан или демичи, если считал просителя благонадежным («будумчулу»), вносил за него ясак деньгами и впоследствии получал долг («алым») в натуральной форме: скотом, пушниной, орехом и т. п. Кроме того должник выкуривал «благодетелю» вино.

Следующей наиболее прибыльной статьей дохода зайсана являлись взятки и подарки от суда, доходы от выдачи билетов в тайгу на право промысла (зверового или сбора кедрового ореха) русским крестьянам и доходы от выдачи «приемных приговоров» русским колонистам на право поселения среди алтайских стойбищ.

До 1896 г. промысловые угодья, преимущественно обширные кедровники, находились в ведении алтайских зайсанов, которые вскоре после появления в Алтае русских добились от местной губернской власти признания исключительного права пользования промысловыми угодьями

---

[98] Записки миссионера Кузнецкого отд. Алт. дух. миссии свящ. В. В. Вербицкого за 1874 г. Том. губ. вед. 1875, № 25.

за алтайцами. На этом основании с русских промышленников и вообще промышленников не из алтайцев зайсаны стали взыскивать за право производства промысла денежные, а иногда и натуральные сборы. Старики-тубалары рассказывали мне, что эти сборы зайсаны присваивали себе, так как контроль над ними не производился, хотя деньги должны были поступать в волость или дючину. Первоначально вместо билета на право промысла зайсан выдавал «чырту агаш» — палочку с зарубками по числу артельщиков, одну палочку на артель промышленников. Во время промысла палочка хранилась у старшего артельщика и, в случае надобности, пред'являлась как билет. Позднее палочку эту заменил «пелет» (билет), квадратный кусок бересты, на котором зайсан ставил свою печать. Наконец, берестяной билет был заменен отрывной квитационной книжкой.

В то время, когда вместо билета служила «чырту-агаш» промышленники платили зайсану «чем попало», именно, пушниной, мясом, сухарями и т. д. Когда русское правительство выдало зайсанам отрывные квитанционные книжки, тогда зайсаны стали присваивать себе деньги иным способом. Полагалось выдавать билет каждому промышленнику, взыскав за него 2 рубля. Промышляют зверя или бьют орех в Алтае всегда артелями, так как отсталая техника промысла и суровые условия тайги, полной опасностей, требуют здесь коллективного труда. Когда промышленники обращались к зайсану за билетом, он выдавал на каждую артель один билет стоимостью в 2 рубля, а деньги получал с каждого члена артели. Таким образом артель из 5 человек, уплатив зайсану 10 рублей, получала один билет, стоивший 2 рубля. Остальные 8 рублей шли в пользу зайсана. Введение квитационных книжек не уничтожило злоупотреблений зайсанов, а изменило лишь их форму.

Наживались зайсаны и от сдачи «общественной» земли в аренду русским переселенцам. На основании статьи 32-й закона Сперанского, алтайские зайсаны сдавали земли алтайцев русским крестьянам на правах аренды. По закону полагалось выдавать разрешение на аренду в форме «приемных приговоров», выдаваемых «инородческими обществами» за особую плату, которая должна была поступать в фонд общественных расходов. На деле же эти деньги присваивали зайсаны. Обычно переселенец «ставил» зайсану и «лучшим людям» угощение вином и давал зайсану взятку. После этого зайсан добивался от своих подчиненных «добровольного» приемного приговора. Новый поселенец самовольно увеличивал площадь арендуемой земли, начинал теснить алтайцев и нередко прекращал даже взнос арендной платы. Русское начальство закрепляло эту землю за поселенцем на том основании, что у алтайцев эта земля «лишняя». Как велико было «разбазаривание» земли зайсанами, показывает цифра 1908 г., когда специальное статистическое обследование установило в отношении русских крестьян-арендаторов, что 61,8 проц. земли было арендовано русскими крестьянами у зайсанов и 38,2 проц. у Кабинета[99]. Разумеется при этом, что большинство

[99] Экономические таблицы по обследованию г. Алтая летом 1908 г.

русских поселенцев вообще не арендовало землю ни у зайсанов, ни у Кабинета, захватывая ее самовольно.

Мне не известно ни одного указания ни из литературных источников, ни из рассказов стариков, ни из эпоса алтайцев о взимании зайсанами каких-либо земельных налогов или поборов с соплеменников. Однако, натуральные поборы алтайцы зайсану все же платили. Во 2-ом Чуйском зайсанстве каждый род, входящий в состав данного зайсанства, обязан был ежегодно приносить первого убитого кем-либо из членов рода зверя зайсану Юлукову. Зайсан и демичи получал в свою пользу за каждую выдаваемую замуж девушку из подвластного ему рода с жениха «коотой», натурой или в сумме 3 рублей, если жених был крещеный, или в сумме 6 рублей, если жених не был крещеным; кроме того, получал со стороны жениха угощение вином. Это по существу, такой же натуральный сбор, какой уплачивал при выходе девушки замуж, скажем, своему феодалу абхазский крестьянин[100]. Подобные факты известны и у киргиз. Манап Рыскулбек брал сбор за свадьбу[101]. Очевидно, этот вид натурального сбора, свидетельствующий о личной зависимости подчиненных зайсану или манапу, был распространен у феодалов-кочевников, феодалов-скотоводов.

О значении «коотой» как сбора говорит и само слово. «Коо» — значит взыскивать[102]. Слово «той» — свадьба, пир.

Кроме того, население обязано было давать зайсану своего рода натуральный оброк. В качестве приношений несли вино на праздник, баранов, пушнину, доставляли сено. Зайсан Семен Юлуков кормил свой скот сеном, собранным с подданных, и т. д.

Этим эксплоататорская деятельность зайсанов далеко не исчерпывалась. Зайсаны вели свое хозяйство чужим трудом. Еще из описания д-ра Бунге узнаем, что зайсан Монгол имел посевы ячменя, обрабатываемые трудом своих подданных-бедняков[103]. Более ранние известия — архивные документы, относящиеся к 1758 г., изданные Г. Н. Потаниным, свидетельствуют о том, что «у зайсанов и других калмыков (алтайцев, перешедших в русское подданство Л. П.), показано по нескольку холопей; так у семейства Омбы было 8 холопей»[104]. Зайсан Бурут, сватая дочь у зайсана Кутука, в числе калыма дал одну маленькую девочку[105]. Несомненно, алтайские зайсаны, распоряжались своими подданными как крепостными, еще держали рабов, добытых в военных экспедициях, которых они при случае продавали[106].

---

[100] А. В. Фадеев. К вопросу о феодализме в Абхазии. Сухум. 1931 г.

[101] П. Погорельский и Батраков. Экономика кочевого аула Киргистана. Москва. 1930 г.

[102] Вербицкий. Словарь алтайского наречья, стр. 142.

[103] Ук. соч. 103.

[104] Материалы по истории Сибири, стр. 93. Чтения... 1866 г. кн. 4-я.

[105] Ук. соч. стр. 105.

[106] См. у Потанина „О караванной торговле с Джунгарской Бухарией. Чтения... 1868, кн. 2-я, стр. 56-61.

Более поздние литературные источники ничего не говорят специально о зайсанских работниках, хотя отрывочные упоминания о зайсанской «прислуге» изредка встречаются и в этих источниках[107]. Только у Швецова есть одна фраза несколько в более уточненном виде. Он пишет: «по древнему обычаю, дючина дает ему (зайсану. Л. П.) каждый раз по особому приговору, одного или двух работников — ярчи[108]. В качестве примера, Швецов приводит приговор 7-й алтайской дючины, где говорится: «в 1896 г. родовому старосте Манджи Кульджину, по родовым нашим обычаям, было дано два работника «ярчи». Расспросы стариков дают возможность пополнить сведения об ярчи одним моментом, именно, ярчи выделялись для обслуживания хозяйства зайсана и демичи, арманами, по очереди. Кроме того, расспросным же путем мне удалось установить, какую «прислугу» имел зайсан. У алтайских зайсанов были особые слуги, называемые «кодечи». Они всегда и всюду сопровождали зайсана. Они привязывали и отвязывали его коня, носили за ним ташауры (кожаные бутыли) с аракой, без которой зайсан шагу не делал, служили ему на посылках. «Кодечи», жили на зайсанских харчах, ездили на хозяйских лошадях, носили одежду с плеч господина. За службу они получали мелкие подарки. Их семьи также жили при зайсанском аиле и обслуживали своим трудом зайсанское хозяйство. Помимо «кодечи», у зайсанов еще были «колтыкчи». В их обязанность входило садить и снимать с лошади зайсана, при ходьбе поддерживать его под руки, прикуривать ему трубку и т. п. «колтыкчи» тоже жили при зайсане с семьями и на том же положении, что и «кодечи».

О зайсанской прислуге я нашел несколько строк у А. В. Анохина. «Алтайские зайсаны любили помпу: так, когда зайсан ездил по Алтаю, его сопровождала большая свита, человек 15-20. При передвижении зайсана верхом никто не имел права ехать впереди его, а все ехали или рядом или позади. При остановке одни брали у него лошадь под узцы, а другие снимали его с седла под руки (это делала особая прислуга «кодечи»), а также садили на лошадь. В домашней обстановке зайсан имел обязательно прислугу «юргечи». Самодовольный, он только отдавал приказания, вел деловые разговоры с приезжавшими к нему посетителями. В доме зайсана всегда можно встретить образцовый этикет... Все окружающие относились к нему раболепно»[109].

Здесь нужно сделать все же поправку относительно «кодечи». Снимали зайсана с лошади и вели под руки «колтыкчи», а не «кодечи». Название «колтыкчи» происходит от слова «колтык» — подмышка, приставка «сь» — означает профессию. Так как эти слуги водили зайсана под руки, т. е. держали его подмышки, то отсюда они и получали название «колтыкчи».

---

[107] Напр. у Бунге, Радлова, Колочева и др.

[108] Швецов, стр. 238. „Ярчи"—букв. дровосек, от слова „яр" колоть. щепать. Вербицкий. Словарь, стр. 78.

[109] Анохин, рукопись № 55, стр. 36-37.

Анохин безусловно прав, указывая на раболепное отношение к зайсанам. Зайсаны требовали к себе именно такого отношения со стороны подчиненных им алтайцев. Зайсану целовали руку[110]. При изложении просьбы становились перед зайсаном на левое колено (на правое колено становиться неудобно, так как за правое голенище кладется трубка и кисет), подавали закуренную трубку и потом излагали просьбу. Тубалары обращались к зайсану с термином «юкоры тага». Радлов, описывая свою встречу с двоеданческим зайсаном Мангдаем, также отмечает почет, который оказывали ему подданные: «Под вечер сюда приехала кавалькада двоеданцев. Это был зайсан Мангдай со своей свитой... Зайсан молодой человек лет 20, очень богато одетый... Присутствующие двоеданцы оказывали зайсану большой почет; каждый раз, когда ему протягивали трубку, скрещивали руки на груди и сгибали колено»[111]. В другом месте Радлов пишет, что косичка зайсана (как и все некрещеные алтайцы, зайсаны носили на темени небольшую косичку) считалась почти священной. «Косичка зайсана так неприкосновенна, — пишет он, — что тот, кто стрижет голову зайсана, не смеет до нее дотронуться»[112].

Большой интерес, с точки зрения выявления зайсанского могущества и внешнего почета среди своих подданных, представляет описание поздравления зайсана Манжи, вернувшегося из Москвы, куда он ездил в дни коронации в качестве лица, возглавлявшего депутацию от алтайцев. Описание сделано миссионерами, которые утверждают, что цель депутации состояла в том, чтобы добиться, если не совершенного выдворения из Алтая русских, то по крайней мере запрещения им вновь селиться здесь, укрепления за зайсанами права выдачи билетов на промыслы: ореховый, звериный и рыбный и бесконтрольного распоряжения суммами, этим путем приобретаемыми. Манжи вернулся, окруженный ореолом славы как удостоившийся приема государя. «Достойна описания картина поздравления демичами зайсана с благополучным возвращением его из Москвы. Вот едет торжественно к стойбищу зайсана целая шеренга демичей и других почетных людей (якшиларов), на лучших конях, в пестрых костюмах, с неизбежными гостинцами, полными ташаурами вина. В 50 саженях от аила едущие останавливаются на совет: не лучше ли наперед послать одного с предуведомлением. Послапец возвращается с известием, что зайсан готов принять гостей: с радостными лицами следует кавалькада далее. Вот уже близко аил, всего 25 сажен, но тут новая остановка в виде отворившейся двери аила, из которой высовывается голова любопытного зайсана. Тут при открытой двери аила — новые сцены: всадники, спешившись и став почтительно на колени, поднимают свои ташауры над головой, потом, ставя их перед собой, поднимают руки ко лбу, затем слышатся радостные восклицания:

---

110 См. отчет Алт. дух. миссии за 1888 г., стр. 22.

111 Briefe aus dem Altai, s.644.

112 Bemerkungen eines nomadischer Altaiers. Archiv... Bd. 18, s. 553.

«достопочтимейший наш зайсан, радетель наш, удостой нас видеть твои светлые очи, слышать твои мудрые, сладкие речи, принять от нас это приношение» (разумеется ташауры). Посетители благосклонно приняты зайсаном. Пошла мена закуренных трубок, заходили по рукам винные чарки, а из уст пьяного, не столь вином, сколько гордостью, зайсана полились медоточивые речи о том, что он делал в первопрестольной столице, речи, перед которыми все бывшие в аиле превратились в слух. Рассказывал зайсан о том, как на коронации присутствовали представители разных народностей и религии и все были приняты с одинаковым почетом, рассказывал, что с таким же почетом был принят и сам он и даже удостоился личной беседы с государем императором, перед которым осмелился ходатайствовать за свой народ, чтобы ему беспрепятственно позволено было жить по старой вере и чтобы сохранены были права и привилегии, данные ему еще императрицей Екатериной II. Государь, по рассказам зайсана, дал будто бы милостивое обещание удовлетворить его ходатайство и в удостоверение выдал ему особый указ и дал подарок. «Вот этот указ», прибавил зайсан и показал гостям отпечатанное на веленевой бумаге, с золотою виньеткою меню обеда, приготовленного старшинам в Петровском дворце[113].

По сообщению И. Н. Михайлова особенным чванством и запосчивостью отличался зайсан 2-й Чуйской волости Семен Юлуков, живший в Балыктуюле (ныне Улаганский аймак). Юлуков заставлял алтайцев, не доезжая полверсты до его дома, снимать шапку и проезжать мимо зайсанского дома с обнаженной головой и обязательно шагом.

Не мало рассказов я записал у тубаларов про зайсана Чеберека, который сумел отобрать зайсанство у своего старшего брата и вскоре же сделался грозой для населения. Память об его проделках сохранилась до сего времени. Особенно плохо приходилось от него алтайцам 1-й алтайской дючины, проживающих в черни, в Южной волости, где зайсаном был Чеберек. В 1-й алтайской дючине в то время зайсаном был Кортый. Случилось так, что Чеберек сдавал в г. Бийске ясак вместе с зайсаном Кортый и зайсаном Маныш (Комляжской волости). Находясь в городе, зайсаны, по обыкновению, пьянствовали. Во время выпивки Чеберек предложил собутыльникам зайсанам, в целях наибольшего удобства управления своими подданными, заключить письменное соглашение, по которому каждый из них будет судить и разбирать дела не только своих, но и подданных зайсанов, подписавших это соглашение, однако, только тех подданных, которые живут вблизи. На это согласился зайсан Кортый, значительная часть подданных которого жила вблизи Чеберека и далеко от Кортыя. Маныш от подписи отказался. Чеберек предложил Кортыю первому поставить тамгу (вместо подписи) и печать, как более важному зайсану. Кортый так и сделал. Чеберек одобрил это, сложил бумагу и сказал: «а я со своими подданными сам справлюсь, поэтому подписывать бумагу не буду, а тебе зайсан управлять помогу» и

[113] Отчет Алт. дух. миссии за 1896 г., стр. 18-21.

с этим словами вышел. Одураченный Кортый остался с Манышем. С этого времени Чеберек стал усиленно прижимать подданных Кортыя, живущих в Черни, оправдывая свои действия письменным соглашением Кортыя на управление его подданными Чебереком. Подданные Кортыя стали осаждать жалобами своего зайсана на действия и притеснения Чеберека. Зайсан Кортый выкурил хорошее вино, выбрал хорошую лошадь в подарок Чебереку и таким путем добился уничтожения злополучного соглашения.

Рассказывают про одну особенность Чеберека, отличавшую его от других зайсанов. Чеберек одевался как трудящийся крестьянин-алтаец черневой полосы и любил ездить по аилам совершенно один и инкогнито. Узнав о такой поездке, тубалары обычно говорили: «Зайсан промышлять поехал». Это выражение имело определенный смысл. Пример может пояснить смысл и результат такой поездки. Как-то раз Чеберек, одетый в простое платье, проезжал, в сумерки, по одному аилу и услышал громкие разговоры в крайней юрте. Он остановил коня и зашел в юрту. В переднем углу сидели два приятеля-охотника и пили араку. Жена хозяина выкуривала вино. Чеберек, зайдя в юрту, сказал обычное приветствие и присел у двери, где обычно садятся только бедняки или работники. Захмелевшие приятели, заметив вошедшего человека, стали его спрашивать, кто он такой, куда едет и по какому делу. Чеберек отвечал весьма неохотно и уклончиво. На это хозяин юрты заметил: «Почему не рассказываешь о себе, куда едешь, чем занимаешься, ты должно быть нехороший человек, мошенник, оттого и молчишь».

Чеберек достал из кармана зайсанскую печать, подошел поближе к сидящим охотникам и, протягивая им печать, сказал: «Я промышленник, вот мое ружье, маленькое, а стреляет хорошо. Когда захочу, им убиваю лошадей, коров, даже деньги стреляю». Затуманенное винными парами сознание мешало охотникам сообразить, с кем они имеют дело, и они в ответ на слова Чеберека громко рассмеялись, и один из них, взяв печать в руки, уверенно заявил: «Это не ружье, а печать, но только фальшивая». Второй товарищ также, взяв печать и повертев ее в руках, даже заметил: из этой печати вышел бы недурный черешок для шила». На это Чеберек ответил: «Может быть и в самом деле печать эта фальшивая, я хорошо не знаю, такую мне русские чиновники дали, хорошо, что вы надоумили меня, ну так и оставьте ее себе». Сказав это, Чеберек вышел из юрты и уехал ночевать в ближайший аил. На следующее утро хозяйка юрты рассказала протрезвившимся приятелям о посещении их и разговоре с неизвестным человеком, у которого они взяли какую-то печать. Тогда охотники поняли, кто это был, и, взявши по лучшему коню для умилостивления зайсана, тотчас же отправились догонять «оскорбленного» зайсана. Поиздевавшись несколько часов над «провинившимися», Чеберек милостиво принял в подарок пару прекрасных лошадей и сказал, «а вчера вы мне не верили, что печать — мое ружье, лошадей стреляет».

Кроме таких «промысловых развлечений» Чеберек известен был жестокостью к своим подчиненным. Одного промышленника он запорол досмерти в тайге во время орехового промысла, придравшись к тому, что он непочтительно отозвался об его персоне. Даже своему помощнику, демичи Лепет, обвинив его в скупости, он надел на шею вынутый из кипящего котла круг колбасы из конской крови.

Нет необходимости увеличивать подобные примеры, ибо социальная фигура зайсана обрисована довольно четко уже приведенными (выше) материалами.

Из краткой характеристики условий, способов и приемов эксплоататорской деятельности зайсанов совершенно ясно вытекает, насколько выгодна и доходна была должность зайсана и демичи. Неудивительно поэтому, что после 1880 г., когда русской властью была отменена наследственность и пожизненное управление зайсанов и введена выборность зайсана и демичи сроком на 3 года, среди феодальной, а впоследствии и буржуазной верхушки алтайцев разгорается борьба за получение зайсанской должности.

Еще Радлову, посетившему Алтай в 60-х годах, были известны «подкупы чиновников с целью получения незаконно зайсанства»[114]. Например, демичи Косколок из рода Найман купил зайсанское достоинство и был зайсаном в 4-м зайсанстве (т.-е. в 4-й дючине) после зайсана Тотоку из рода Тодош[115].

Миссионеры упоминают о новокрещеном алтайце Кыркызаке Полушкине, который домогался зайсанства в Южной черневой волости и от этого довел себя «до крайнего разорения» и просил миссию принять на воспитание его пятилетнего сына, так как Кыргызак не был в состоянии его прокормить[116].

Старики-тубалары из Успенского аймака рассказывали мне, что в Комляжской черневой волости зайсанство перешло от «катугас конгдош» к «кобурчи» путем ожесточенной борьбы. В урочище Салганда жили «бойкие» люди из рода «кобурчи конгдош» по имени Иткулак, Карбыш и Боктош. Они подкупили русского заседателя и отобрали с его помощью зайсанство у «катугас конгдош». Зайсаном тогда был Кыстагаш (укту яйзанг). Кыстагаш упорно сопротивлялся и даже спрятал зайсанскую печать. Но зайсанство все же перешло к Чолтыю, которого вскоре же «побороли» Тобоковы, и зайсаном сделался «Давыд» Тобоков (Михаил Васильевич), бывший в то время бедняком и быстро разбогатевший после получения зайсанста[117].

Распоряжение русской администрации в 1880 г., отменявшее наследственность и пожизненность зайсанского звания, вызвало волну не-

---

[114] Aus Sibirien, s. 254.

[115] Ук. соч. 252.

[116] См. Дневник миссионера С. Ландышева. Душеполезное чтение. 1861 г., стр. 13.

[117] О зайсане „Давыде" или Михаиле Васильевиче Тобокове подробно сказано выше.

довольства среди алтайцев. Заинтересованные в сохранении зайсанского звания пожизненно зайсаны и демичи убеждали своих подданных, что это распоряжение русского начальства означает попытку превратить алтайцев в русских крестьян. Однако, распоряжение это осталось в силе. Во многих случаях алтайцы продолжали выбирать и переизбирать на новый срок тех же зайсанов и демичи, руководствуясь традицией, чему, разумеется, весьма способствовали моменты внеэкономического принуждения личной зависимости населения от зайсанов и активная агитация заинтересованных зайсанов и демичи, с непременной ссылкой на обычаи и веру отцов и дедов. В ряде случаев, по истечении трехлетнего срока, зайсан, желая сохранить за собой эту должность, «обрабатывал» население путем подарков и личного влияния. Если он узнавал, что у него имеется конкурент, он старался войти с ним в мирное соглашение. Он, попросту, давал своему конкуренту «карын» — взятку в 200-300 руб. в виде «отступного», при условии, что на публичных выборах соперник откажется от своей кандидатуры.

Выбирали зайсана «народом». В Комляжской волости при выборах почти каждый род выделял своего кандидата, но победа всегда оставалась за более многочисленными «конгдош». Можно подумать, что выборы эти протекали в демократичной обстановке, что враждовали и боролись из-за кандидатов только роды (сеоки). На деле же только внешняя форма выборов была демократичной. Фактически выбирали и говорили на собрании «якшилары», «лучшие люди», т. е. наиболее богатые и знатные. Простые смертные, особенно беднота, ограничивалась тем, что только слушали своих якшиларов и думали, накормят ли их мясом и угостят ли вином, так как выборы зайсанов всегда сопровождались угощением вином и мясом, приобретаемым на «общественные деньги».

Собранные материалы позволяют дать описание выборов зайсана в бывшей 1-й алтайской дючине, где зайсан избирался из сеока «Мундус».

Все население дючины извещалось о дне перевыборов зайсана. Выборы происходили под открытым небом, на правом берегу Катуни, в 1½ километрах ниже впадения р. Узнези. Народ начинал с'езжаться накануне выборов. Богачи и демичи ставили свои палатки. Бедняки и середняки устраивались под деревьями. Вечером накануне выборов в палатках демичи и баев шло обильное угощение вином, мясом, медом. Угощали всех, никому не отказывали. Богачи устраивали угощение на свой счет, а демичи — на общественные деньги. Во время вечернего и ночного угощения баи и демичи заручались согласием народа о поддержке нужного им кандидата.. На утро происходили выборы. В день выборов, до окончания выборной процедуры и прочих дел, вино не подавали. Выборы начинались рано утром. На просторной полянке расстилали токумы и кичимы[118], на которых усаживались в круг. В середине сидел старый зайсан, вокруг него демичи, потом «шеленги» или «албачи» (сборщики, податей, затем «лучшие люди» — баи, наконец, остальные. Беднота стоя

[118] Чепраки и потники.

за сзади на ногах, чтобы виднее было. Каждый демичи мог выставить кандидата в зайсаны от имени своего «армана». Обычно на самих выборах разногласий уже никаких не было, так как накануне демичи и баи договарились окончательно о кандидатуре и получали различными способами согласие народа.

Оглашался кандидат в зайсаны. Все поднимали за него руку и кричали «согласны». Зайсан вставал, кланялся и говорил: «Зачем меня выбираете, есть люди лучше и умнее меня», ему в ответ кричали: «Нет, самый лучший, самый умный из нас ты, ты зайсаном будешь». На этом же собрании выбирали демичи, шуленги и казначея. После выборов, если были заявления, происходили судебные разбирательства, проводить которые зайсан поручал демичи и потом утверждал их решение, которое могло быть обжаловано бийскому крестьянскому начальству соответственного участка, который часто присутствовал на выборах в зайсаны. По окончании всех дел, снова начиналось угощение собравшихся. «В полдень в громадных котлах начинается варка всевозможного мяса, львиная доля от которого достается сильным алтайского мира, хотя сумма расхода на харчи и раскладывается на всех поровну. К вечеру большинство напивается аракою, там и сям слышны смех, песни, крик и т. п.»[119].

Для полноты характеристики зайсанов необходимо сказать о зайсанском суде. Судебные дела зайсан вел самостоятельно в пределах своего зайсанства. Правда, после того как русская администрация стала вмешиваться в дела внутреннего управления алтайцев и ограничила власть зайсанов, решения зайсанского суда могли быть обжалованы бийскому уездному начальнику.

Для решения спорных дел между членами различных зайсанств собирались три зайсана, решения которых были обязательными по утверждению русской администрацией. Надо, впрочем, оговориться, что на заключение русской администрации посылались наиболее крупные, ответственные дела (напр., убийство, вооруженный грабеж и т. п.). «В спорах между двоеданцами и алтайцами были посредником сперва третейский суд, который назначался из зайсанов. Если не приходили к соглашению здесь, то русские подданные обращались в русский суд, китайские в китайский. Тогда процесс улаживался при посольстве в Пекине»[120]. А. Калачев упоминает о третейском суде, состоящем из шести лиц (по три от каждой стороны) под председательством зайсана[121].

Внешняя сторона зайсанского суда содержит любопытные в этнографическом отношении особенности.

Суд происходил чаще всего на открытом воздухе при стечении родственников судившихся или подсудимых и свидетелей. При разборе важных дел подсудимые и свидетели приводились к присяге. Присяга называлась «шерт-ич» (отсюда русское слово «шертовать», т. е. присягать,

---

[119] Отчет Алт. дух. миссии. 1888 г., стр. 21.
[120] Aus Sibirien, 250.
[121] Ук. соч. стр, 485.

часто встречающееся в казачьих отписках XVII века). «Шерт-ич» — значит «пить присягу». И действительно, раньше присягаемому предлагали выпить воды из черепа покойника (покойников в то время в землю не закапывали)[122]. Мне рассказывали, что тубалар Макар из рода «Кузен», живший в Очоке, избежал штрафа и необходимости жениться на обольщенной им девушке только благодаря тому, что в подтверждение своей невинности выпил присягу из черепа покойника.

Существовала и другая форма присяги — это целование кончика дула заряженного ружья. До появления ружья эту присягу приносили на луках и стрелах. В сказках алтайцев про присягу говорится: «конец ники нюхали, лезвие мечей лизали».

Допросив стороны, зайсан выносил свое решение. Первоначально у зайсанов не было писарей, и протокола судебного заседания не велось. Тогда зайсан после окончания суда просто говорил истцу и ответчику: «е, агашка тангма чапсын» — кладя отметку на дерево. Судившиеся так и поступали. Они шли к определенному дереву, затесывали его и ставили топором по кресту в знак того, что суд окончился. Такое дерево с отметками зайсанских судебных решений называлось «тангмалы каргай» (обычно это была сосна), и такое дерево нельзя было рубить. Такое дерево хорошо помнят в с. Никольском, Успенского аймака. Это село раньше так и называлось: «тангмалы каргай».

Виновного зайсан присуждал или к штрафу или к телесному наказанию. Например, за оторванную в драке косичку, которую некрещеные алтайцы заплетают на темени, зайсан присуждал виновного к штрафу в пользу потерпевшего в размере — 1 лошадь с седлом. За убитую умышленно охотничью собаку виновник обязывался отдать потерпевшему лошадь. За свою мудрость алтайские «соломоны» получали от судившихся сторон «подарки» («сый»).

Если зайсан присуждал виновного к телесному наказанию, решение зайсана приводилось в действие незамедлительно. Ответчика клали наземь, спускали с него штаны (женщин пороли в штанах), зайсан становился у головы наказываемого, одевал себе на шею зайсанский знак, наподобие медали, и об'являл наказываемому, за что он подвергается

---

[122] Старик Бардамаш Тыдыкин, живущий в урочище Сарыскыр, Куюмского сельсовета, Чемальского аймака, сообщил, что еще на его памяти алтайцы хоронили покойников в срубах и на деревьях. Бардамашу в это время было около 20 лет (теперь ему около 70 лет). Исчезновение этого обычая Бардамаш об'ясняет запрещением русских чиновников и миссионеров хоронить покойников в срубах на земле или подвешивать завернутых в бересту на деревьях. В качестве другой причины исчезновения этого обычая Бардамаш указал на развитие пчеловодства. Пчелы стали селиться в срубах покойников.

О захоронении алтайцами покойников на деревьях есть указания и в миссионерской литературе. См., например, Записки миссионера В. Вербицкого за 1863 г. в журнале „Православное обозрение" за 1864 г., стр. 152. Записки миссионера Штыгашева в отчете Алт. дух. мисс. за 1899 г., стр. 16.

наказанию. Затем отдавал приказание всыпать удары лозами. После нескольких ударов зайсан приостанавливал экзекуцию и начинал читать нравоучение, заканчивающееся угрозой новой порки, и приказывал добавить остающееся количество ударов, и виновного освобождали. Должность палача должен был исполнять каждый, кому зайсан приказывал это сделать. Отказавшийся от этой роли сам подвергался телесному наказанию.

Каким же образом можно характеризовать социальную сущность зайсанского суда. На это может быть только один ответ: суд зайсана был классовым судом. Подтвердим это фактами и такими фактами, которые бы одновременно вскрывали и классовую природу зайсанского суда. Прежде всего, провинившиеся в чем-либо бедняки нередко отдавались по решению зайсана в работники к баям. Эти факты были известны и миссионерам[123]. Нередко зайсан присуждал бедняка к штрафу, чаще к денежному, заведомо зная, что тому нечем уплатить. Бедняк, естественно, заявлял, что он уплатить штраф не может. Тогда среди баев всегда находился «благодетель», который заявлял о готовности оказать услугу уплатить за бедняка, но с условием, чтобы за это бедняк жил бы у бая в течение года или двух лет в качестве работника. Зайсан санкционировал это предложение, бедняку не оставалось ничего больше, как подчиниться. Если бедняк судился с баем, то всегда решение зайсана было в пользу бая, как человека «порядочного» и «уважаемого» в обществе. Алтайская поговорка так и гласит:

Калында айгыр мал уок то капто акча уок то
Кайдып уаргыдан, сурайыр

Если у тебя нет на руках табуна коней и в суме денег, то ты как же будешь искать суда[124].

На суде бедняк не мог сидеть рядом с баем, сидел позади и говорил после бая, при чем бай мог перебивать речь бедняка, бедняку же этого делать зайсан не позволял.

Зайсанский суд защищал интересы зайсанско-байской верхушки алтайского общества. В заключение остается дать определение социальной природы зайсана и отметить различие в этой природе, вызванное царской колониальной политикой и колонизацией края.

Некоторые исследователи называли зайсанов «старейшинами», родовыми старшинами, и в официальных русских бумагах они значились как «родовые старосты» и на медном знаке, который зайсан одевал на шею, была надпись: «родовой староста».

Можем ли мы считать зайсана или демичи за родового старейшину или родового старосту? Безусловно нет, ибо взаимоотношения зайсанов и демичи со своими подданными не могут быть рассматриваемы, как отношения старейшины рода или племени, заботящегося о своих сородичах и

---

[123] См. В. Вербицкого. „Записки миссионера Кузнец. отд. Алт. дух. миссии за 1874 г. Том. губ. вед. 1875 г., № 23.

[124] Вербицкий. Словарь, 79.

направляющего свою деятельность в интересах всего рода или племени. Алтайцы были подчинены зайсану наподобие крепостных зависимых. Зайсан имел право распорядиться их имуществом, наказать розгами, отдать в работники или подарить другому владельцу. Где же тут патриархальность настоящих родовых отношений, где «нет места для господства и угнетения» (Энгельс). В отношении алтайцев это было бы полным искажением действительности, стремлением прикрыть мягкой пеленой патриархальности классовое строение общества, эксплоатацию. На деле зайсан являлся настоящим эксплоататором-феодалом. Он был властью над жизнью и имуществом своих подданных, чинил над ними суд и расправу, при чем суд зайсана был судом классовым, защищавшим интересы эксплоататоров. Зайсаны были представителями привилегированного сословия[125]. Они освобождались от всяких платежей податей и налогов, не подлежали телесному наказанию. Алтайцы-крестьяне должны были оказывать зайсанам внешние знаки подчинения и уважения. Нельзя было обогнать едущего зайсана, перед зайсаном нужно было снимать шапку и при изложении просьбы становиться на колено и т. п.

На основе экономического и внеэкономического принуждения, на основе личной зависимости зайсан выжимал труд и продукт своих подданных.

Свою эксплоататорскую деятельность зайсан нередко облекал в «родственные» формы, и это практиковалось до самых последних дней существования зайсанов. Зайсан Юлуков под видом родственников держал более 30 батраков.

Таковы были, в общих чертах, алтайские зайсаны. По существу это были феодалы, ведущие большое скотоводческое, в основном, натуральное хозяйство, трудом своих подданных. Зайсаны были тесно связаны с «лучшими людьми» алтайского общества — баями, по существу — кочевыми помещиками. Некоторые исследователи, например, Ядринцев, представляют зайсанов в роде защитников прав алтайцев, ссылаясь на неоднократные ходатайства алтайских зайсанов перед Кабинетом о предоставлении алтайцам различных льгот и привилегий в смысле пользования землями и лесами Алтая и т. п. В действительности это не было так. Тот факт, что зайсаны в последние десятилетия прошлого и в первое десятилетие нынешнего века даже несколько раз ездили со своими жалобами на притеснения от русских в Петербург, в Кабинет царя, еще не дает права считать зайсанов настоящими защитниками алтайцев от колониального угнетения. Активность зайсанов во всевозможных ходатайствах «о сохранении прав алтайского народа» не вызывает сомнения, но она имеет другую подоплеку, нежели любовь к своему народу и желание оградить его интересы. Не из любви же к народу зайсаны затра-

---

[125] Алтайские зайсаны, очевидно, пользовались всеми привилегиями „белой кости", закрепленными в ойратских уставах, когда алтайцы входили в Ойратский союз. В этих уставах зайсаны выступают как второе привилегированное сословие (первым были „нойоны").

чивали по 20 тысяч рублей и более на адвокатов, на посылку депутаций в Петербург, чтобы сохранить за алтайцами право жить «по старому закону»[126]. Это было, прежде всего, в интересах алтайских зайсанов и баев-помещиков, которые до землеустройства в Алтае являлись фактическими владельцами и хозяевами обширных поместий. Зайсаны юридически не обладали правом земельной собственности, но у них было право на управление и владение приписанными к зайсанству алтайцами и, где бы последние ни проживали, они обязаны были во всем повиноваться только своему зайсану. Отсюда — где мои люди живут, там и мои владения. И когда на Алтае стала ощущаться некоторая земельная теснота, в позднейший период русской колонизации, зайсаны менее всего пострадали от этого, так как их громадные латифундии остались за ними, и всю тяжесть царской земельной политики на Алтае вынес на себе трудящийся алтаец.

Функции «защитников прав» алтайцев несли исключительно в интересах монопольной эксплоатации своего населения. Зайсаны, почувствовав, что русская колонизация и особенно земельная политика Кабинета, о которой будет сказано ниже, означает для них угрозу потери общественного, политического и экономического влияния на трудящихся алтайцев, означает переход эксплоатируемой массы алтайцев в руки других эксплоататоров, — серьезно встревожились и проявили величайшую активность в деле защиты прав алтайцев, о чем еще придется сказать в дальнейшем. Проявляемая зайсанами энергия в этих делах и ввела в заблуждение некоторых авторов, принявших усердие зайсанов за любовь к своему угнетенному народу. В результате авторы, не желавшие затруднить себя более углубленным анализом этого вопроса, приклеили зайсанам ярлык «защитников прав» алтайского «народа».

6. БАИ

Вторым наиболее ярким и крупным представителем эксплоататорской верхушки алтайцев являлся бай. Будучи тесно связанными общими классовыми интересами с зайсанами, алтайские баи, количественно во много раз превышавшие зайсанскую верхушку, должны быть определены, как своеобразные алтайские помещики, выросшие в условиях кочевого, скотоводческого хозяйства.

Из этих горных, кочевых помещиков наиболее колоритной фигурой являлся, так называемый «уктубай», т. е. родовитый, благородный бай. Описание системы хозяйства «укту» баев дает возможность составить специальную характеристику байского хозяйства, как хозяйства помещичьего, феодального типа.

Родовитые, богатые алтайцы сосредоточивали у себя десятки тысяч голов скота, занимал своими стадами лучшие и наиболее удобные пастбища Алтая, несмотря на то, что юридически земли Алтая считались

[126] См. Отчет Алт. лух. миссс. за 1909 г., стр. 8.

«общими». Например, прекрасные солончаковые пастбища, покрытые мелкой, но чрезвычайно питательной травкой «кодур», от которой так быстро тучнеет скот, находились в пользовании исключительно баев или зайсанов[127]. Остальным алтайцам предоставлялось пасти скот в менее удобных местах, а порой и на высокогорных местах, куда малообеспеченному скотоводу пробраться было довольно трудно, или в мелких долинах, на лесных полянках и т. п. Однако, благодаря обилию и пышности травяного покрова на Алтае, корму все же хватало, и пастбища долгое время не являлись в руках баев орудием эксплоатации.

В руках байской верхушки сосредоточивалось и большинство всего скота. Таким образом, основные условия алтайского производства — пастбища и скот, находились в руках баев и зайсанов. Основным средством закабаления крестьян-скотоводов являлся скот. Скот являлся для трудящегося алтайца основой существования. Только разводя и ухаживая за скотом, трудящийся алтаец мог вести свое существование, так как земледелие у алтайцев в Алтае сколько-либо значительной роли не имело. И скот сделался главным средством закабаления бедноты. Под гнетом эксплоатации русских и своих эксплоататоров, ведя экстенсивное натуральное хозяйство на слабо развитой технической базе, трудящиеся скотоводы-алтайцы постепенно утрачивали хозяйственную самостоятельность, разорялись и все более и более подпадали под экономическую зависимость от баев. Подсобные занятия, как, напр., охота и др. при той кабальной системе сбыта продукции, о которой говорилось выше, едва могли обеспечить трудящемуся алтайцу уплату податей и повинностей, не говоря уже о том, что охотники не выходили из долгов у скупщиков. Все это толкало трудящегося скотовода в об'ятия баев, которые охотно ссужали бедноте скот в «помощь». В результате мы имели своеобразную алтайскую, барщинную систему хозяйства. Пользуясь частично байским скотом, крестьяне-алтайцы должны были за это отрабатывать баю, ухаживать за его скотом, выполнять различные работы по его хозяйству. Прибавочный труд алтайцев-крестьян, так же как и при барщинной системе хозяйства российских помещиков, «отделялся здесь, следовательно, пространственно от необходимого» (Ленин). Крестьянин-алтаец не работал на своего бая, с той регулярностью и правильностью, как русский крестьянин на своего барина: столько то дней в неделю на себя, столько то дней на барина. Алтаец, как мы видели выше, работал на бая по указанию последнего, по его требованию в любое время и выполнял любую работу. Но сущность отношений от этого не меняется. Там и здесь средства производства, сосредоточенные в руках помещика, земля это или скот, — все равно, — служили способом обеспечения поме-

[127] Например, Кеньгинская долина. Баи об'ясняют обилие и упитанность скота в этой долине „счастьем" этой долины, которое оставил в ней конь одного мальчика-алтайца — беглеца из киргизского плена. Вырвавшись из плена, мальчик в благодарность отпустил коня на волю. Отпущенный конь „катался" в Кеньгинской долине и оставил здесь „сус"—зародыш счастья на скота.

ничьего хозяйства рабочей силой. Алтайским баям было также выгодно наделять скотом трудящихся скотоводов, как русским помещикам наделять крестьян землей, ибо целью такого наделения было не обеспечение трудящегося средствами к жизни, а обеспечение эксплоататора рабочими руками[128].

«Укту»-бай в основном вели натуральное хозяйство. Главное свое богатство они видели в скоте, особенно в лошадях. Рост богатства их выражался в увеличении поголовья скота. Торговлей они не занимались, а только от поры до времени продавали часть своего стада, увеличивающегося путем естественного прироста. Стада укту-баев были огромны. Излишки скотоводства позволяли им подкармливать ютящуюся около них бедноту и пользоваться бесплатно ее трудом. Среди алтайцев они слыли за «благодетелей», так как широко оказывали «помощь» населению в форме «полыш». Поэтому укту-баев нередко называли «полышту-бай» или «пиянду-бай» (милостивый, помогающий, добродетельный бай). Укту-бай пользовались у алтайцев большим влиянием. С ними весьма считалась и местная административная верхушка. Это были «якшилары» т. е. «лучшие люди», которые вместе с зайсанами и демичи как «влиятельные домохозяева» (Швецов) представляли «народные» с'езды «калан», где решались дела, касающиеся всех алтайцев, например, раскладка ясака и других сборов, упорядочение промыслов и т. д. В хозяйстве укту-баев мы находим все основные условия феодального барщинного хозяйства. В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» наметил как необходимые условия для существования барщинного хозяйства следующие черты. Прежде всего, «господство натурального хозяйства». Это условие мы находим целиком в хозяйстве укту-баев. Затем: «чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землей в частности, мало того, чтобы он был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки». Выше говорилось о том, как был наделен средствами производства трудящийся алтаец и каким образом алтайские баи прикрепляли производителя через систему «полыш» к своему хозяйству и обеспечивали себя рабочей силой. У алтайцев средством закрепощения бедноты являлся скот.

Третьим условием барщинной системы хозяйства В. И. Ленин считал личную зависимость крестьянина от помещика. «Если бы помещик,— писал В. И. Ленин, — не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение», как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный строй (подводимый им, как был указано выше, под категорию отработочной ренты. (Das Kapital, III, 2, 324). Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неравноправностью крестьянина». Момент личной зависимости крестьян-скотоводов от баев и зайсанов имел в об-

[128] Ленин, т. III, стр. 140.

щественной жизни алтайцев существенное значение. Бай, известный своим богатством, мог отдавать приказание простым смертным алтайцам направо и налево, и приказания эти беспрекословно исполнялись. Если бай звал на работу, то отказ мог быть сочтен за «стыд». Некоторые ехали поработать на бая, не будучи ему ничем непосредственно обязаны, а исключительно из «почтения» к сильному человеку. Бай был тесно связан с местной администрацией, он легко мог, в случае необходимости, расправиться с неугодившим ему алтайцем. Бай нередко даже разбирал различные дела между алтайцами, играя роль судьи. Баи не судили, а «мирили» людей, — как выражаются алтайцы, т. е. улаживали ссоры мирным способом, и очень не любили, если после байского «примирения» бедняк все же обращался в суд. Таких строптивых баи бойкотировали, публично ругали на пиршествах и даже прогоняли с некоторых празднеств (например, со свадьбы). Случалось, что бай «присуждал» наказания бедноте. Общественное положение бая хорошо выражает поговорка: «тубалардын кемези бай болзо оккош болып-ят» — если кто у тубаларов богат, тот живет у них как начальник.

Наконец, четвертым «условием и следствием описываемой системы хозяйства было крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой». Это условие и следствие у алтайцев было также налицо. Рутинность, отсталость техники алтайского хозяйства напоминает ранние стадии развития человеческого труда, и даже хозяйства укту-баев и зайсанов, в свое время, поражали исследователей своей примитивностью, своей первобытчиной.

Итак, в хозяйстве укту-баев мы находим все необходимые условия для существования феодальной системы хозяйства.

7. КРЕСТЬЯНСТВО

Угнетенным классом алтайского общества являлись крестьяне-скотоводы и охотники. Трудящиеся алтайцы вели мелкое, натуральное скотоводческое и охотничье хозяйство. Крайне отсталая техника, описанная выше, делала хозяйство алтайца весьма неустойчивым. Всякие стихийные бедствия, как-то гололедица, эпизоотия, затянувшаяся весна, недород зверя — массами разоряли скотоводов и охотников. Постоянный гнет двойной эксплоатации заставлял трудящегося алтайца отдавать зайсанско-байской верхушке и русским эксплоататорам не только прибавочный, но и необходимый труд и продукт. Выше мы видели, каким путем алтаец-производитель попадает в зависимость от эксплоататора.

Процесс воспроизводства хозяйства трудящегося алтайца возобновлялся из года в год в сокращенных размерах. «В 1835 г. бийский исправник доносил, что инородцы Кокшинского улуса и Смоленской волости... так бедны, что почти не в силах снискивать пропитания». Кузнецкий исправник писал, что «некоторые из инородцев не желают учреждать у себя вз-

Рис. 12. Жилище—„Аланчик"

лостных управлений **по совершенной бедности,** другие по бедности, происшедшей от неурожая в прошлых годах хлеба и уплачивания более восьми лет податей и повинностей за умершие и престарелые души»[129].

Ясачная правительственная комиссия, работавшая в Сибири в 1830-х годах, констатирует, что бедность «более и более увеличивается от усиленных земскою полициею сборов». В. Радлов, посетив Алтай в 70-х годах и сравнивая свои впечатления с впечатлениями, полученными в 60-х годах, отмечает «страшную бедность» (Schreckliche Armut) алтайцев, которую он об'ясняет преимущественно тем, что русские торговцы высосали Алтай[130].

Вся тяжесть налогового пресса колониальной царской политики, грабежа торгово-ростовщического капитала, эксплоатации зайсанско-байской верхушкой ложилась на плечи трудовой части алтайцев - крестьян. Вот почему забитый и угнетенный алтаец - крестьянин, находившийся в личной зависимости от зайсанов, демичи и баев, пас скот круглый год на подножном корму, рвал траву руками, ковырял землю мотыкой, охотился за зверем с самодельной деревянной ловушкой, луком и допотопным ружьем. Вот почему, одевался в лохмотья, питался корнями с'едобных рас-

[129] Шашков, стр. 582.
[130] Aus Sibirien, s. 284-285.

тений, жил в дырявом корьевом шалаше и верил во всевозможных духов, населяющих буквально весь мир и определяющих каждый поступок человека.

Как ни первобытно, как ни просто устройство бедняцкого алтайского жилища, все же оказывается к 1897 г., по данным обследования экспедиции Швецова, 5,1 проц. алтайских хозяйств не были в состоянии иметь и такого жилища, настолько потрясающа была их бедность. Жилище бедняка представляло собой конический шалаш из жердей («аланчык»), покрытый корой лиственницы или березы. Посредине жилья разводился огонь, около которого ютились обитатели аланчика. У теленгитов такой шалаш покрывался шкурами зверей или драной кошмой и назывался «сельты». Тубалары-бедняки строили себе балаган из жердей и досок, поставленных стоймя, укрывали кое-как корой и почти круглый год зябли у костра. И все же, несмотря на убогость и простоту устройства, значительная часть населения не имела и такого жилья и скиталась по байским юртам, живя в услужении. Нечего говорить, что сооружение более сложного жилья, как «агаш айыл» — деревянной шести- или восьмиугольной юрты, срубленной из бревен, или хорошо утепленной кошемной «кереге» или избы русского типа, являлось недоступным для бедняцкой части алтайцев. Зато многие баи и зайсаны имели крестовые русские дома, порой двухэтажные и крытые железом, в которых они жили зимой. Летом же они жили в просторных, легких кошемных «кереге» или больших, хорошо убранных, застланных кошмой, шкурами зверей «агаш айыл». Если жилище бая отличалось пышностью убранства и обилием кожаных сум, наполненных добром, преимущественно шелковыми шубами на дорогом меху, и другой одеждой, то в жилище бедняка «развешанное мясо издохшего коня или

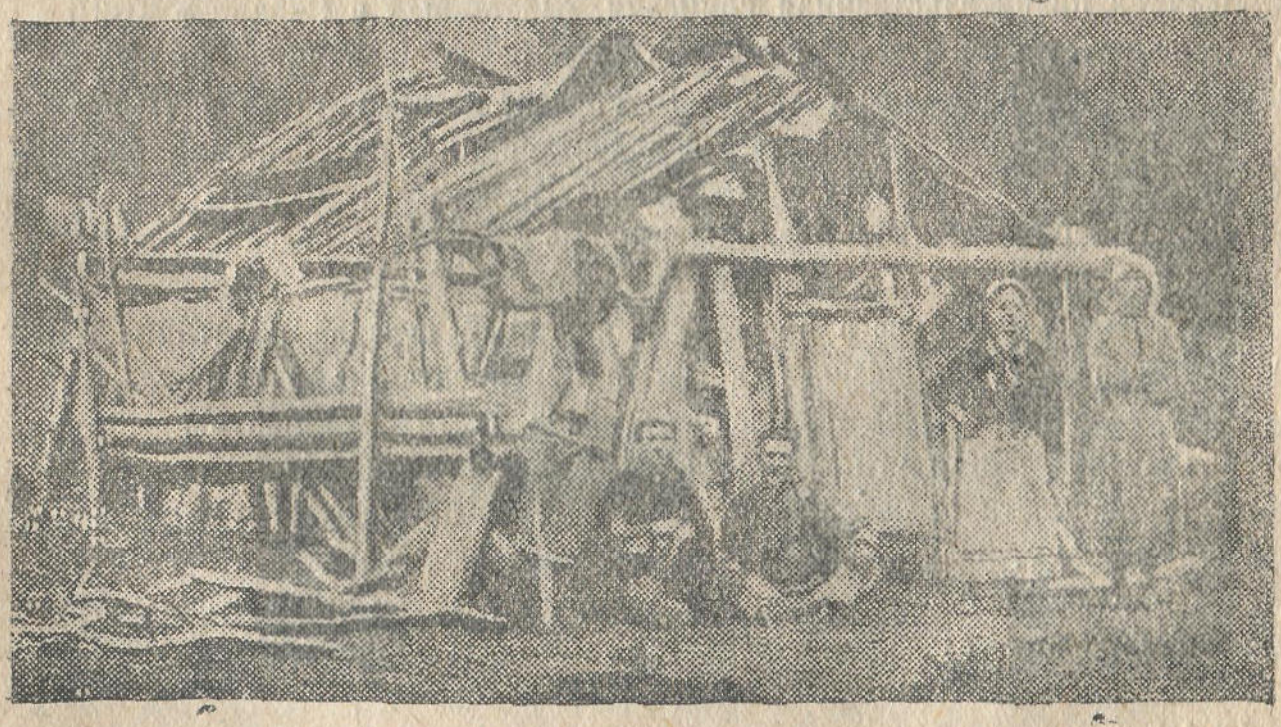

Рис. 13. Бедняцкое жилище—балаган.

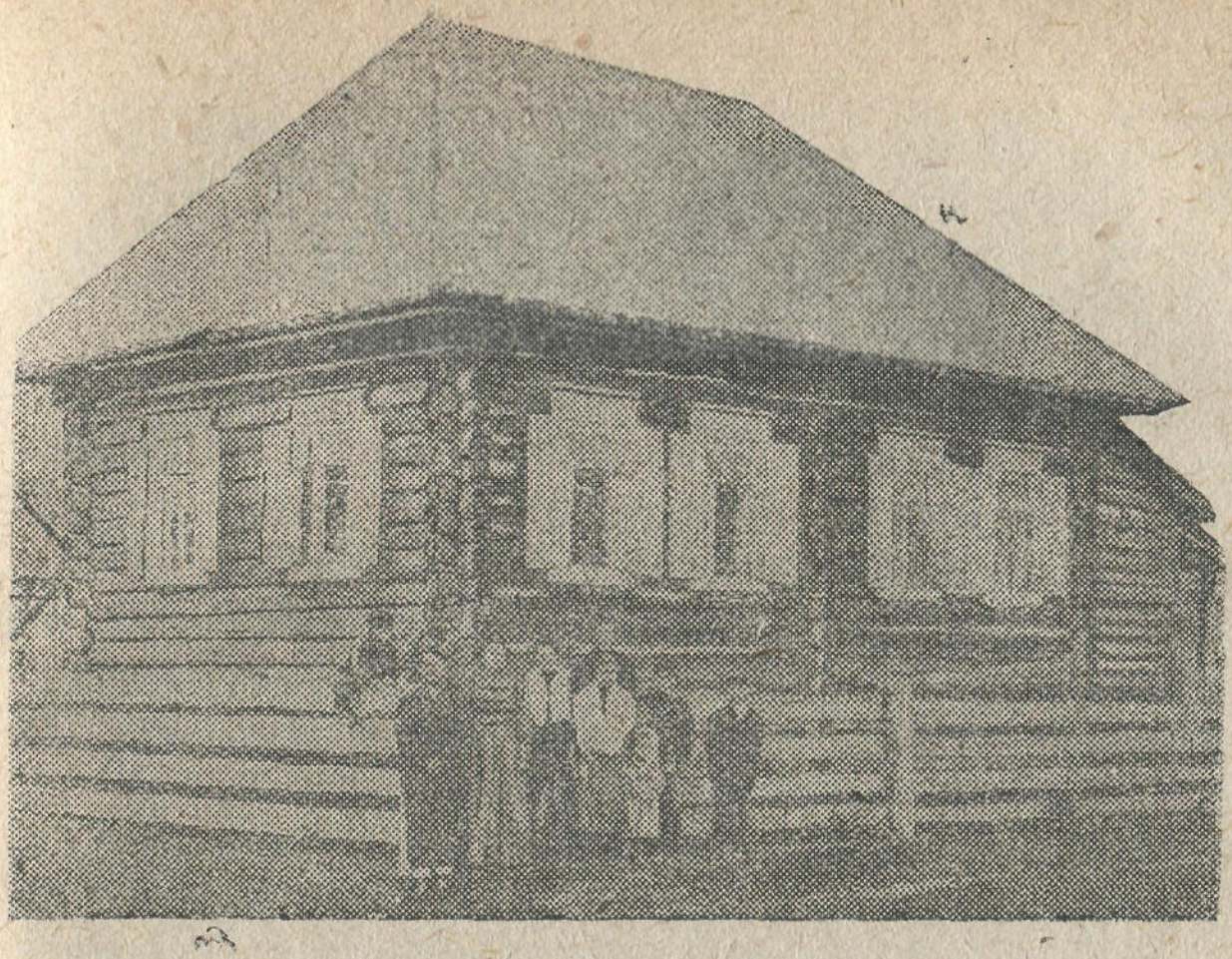

Рис. 14. Дом бая—шорца.

убитого зверя бывает в полном соответствии с посудой, которую никогда не моют, и с кожаными продымленными мешками, где помещаются на 6-8 кв. аршинах и люди и животные (телята, ягнята, собаки и кошки), где при 30-40° мороза нет ни печки, ни камина, и дым от разложенного посредине огня (особенно при ветре) выедает глаза, где мороз и жар, сходясь вместе, производят на голову самое вредное влияние[131]. Горный инженер Ковригин, посетивший в 1856 г. юрты бедняков-алтайцев на р. Абае, кратко, но достаточно ясно рисует бытовое положение их: «юрты состоят из жердей, обложенных снаружи берестой и древесной корой. Утвари почти нет. Одежды их состоят из очень грязных и изношенных меховых халатов»[132].

Можно ли удивляться большому проценту детской смертности у алтайцев, широкому распространению глазных болезней и пр., при таких жилищных условиях.

Если обратимся к рассмотрению питания бедняцкой, да и середняцкой части крестьянства у алтайцев, то и здесь дело обстоит не лучше, так как классовое неравенство породило большие отличия в питании бедноты и байства, которые никак нельзя упускать из вида, как это делали буржуазные исследователи, описывавшие пищу алтайцев вообще. Впрочем, некоторые авторы, по научной добросовестности, не могли обойти различия

[131] Извлечение из писем миссионера С. Ландышева. М. 1847.
[132] Риттер. Землеведение Азии. Дополнение Потанина, стр. 297.

Рис. 15. Кошемная юрта „кереге".

в питании бедняцких и байских слоев, зато постарались смазать это различие и сказать о нем «поделикатнее» и по возможности даже оправдать его. Например, Радлов пишет: «Богатые и бедные имеют совершенно ту же самую пищу, разница заключается только в величине котлов и в количестве пищи. Бедный ест как-раз то, что имеет: обычно это очень мало, и он умер бы с голоду, если б богатый не имел такого избытка пищи, что летом он охотно оказывает свое полное гостеприимство каждому, находящемуся в юрте![133]. Радлов умалчивает, что гостеприимство бая основывалось на принципе подкармливания бедноты в целях ее эксплоатации. Радлову хочется подчеркнуть только, что пища богача **не отличается** от пищи бедняка, оба едят одни и те же продукты питания, одни и те же блюда, разница только «в величине котлов и в количестве пищи», совсем «маленькая» разница. Но если бы попросить Радлова договорить до конца об этой «несущественной» разнице, он должен был бы признать, например, то, что бай ежедневно ел мясо, хлеб, пил вдоволь кумыса или чегеня, а бедняк совершенно не видел хлеба, пробовал мясо несколько раз в год, главным образом на празднествах, и то обгладывая кости после баев, как пишет сам же Радлов[134]. Получается совсем иная картина.

Попытаемся подробно осветить вопрос питания трудящихся алтайцев, особенно бедноты. Воспользуемся для этого, прежде всего, немногими, но

[133] Aus, Sibirien. s. 298.
[134] Aus, Sibîrien. s. 303.

достаточно убедительными литературными данными. Миссионер С. Лапдышев сообщает: «бедные питались травяными кореньями кандыка и сараны, листьями дикого ревеня, наваром перегодовавших под снегом листьев травы бадана, вместо чая с молоком или с солью, много раз перевариваемыми костями животных, употребляемых в пищу богатыми, и лакомились иногда полусгнившим мясом издохшего скота, или убитых ими нечистых и отвратительных зверьков всякого рода»[135]. Ковригин указывает: «Пища их состоит из собираемых ими кореньев»[136]. Вербицкий пишет: «люди бедные в летнее время питаются одними только кореньями и травами: кандыком, сараною, корнем Paeonia anomala, борщевников Heracleum травой кежуне (вроде дягиля) и колбою Allium ursinum»[137].

То же самое он говорит и о шорцах[138]. Хлеб и мясо были наименее доступными продуктами питания для бедноты. Хлеб был недоступен вследствие дороговизны и слабого развития земледелия на Алтае. Мясо — за отсутствием достаточного количества скота. Бедняк иногда добывал мясо диких зверей в том случае, если он имел возможность охотиться, или же довольствовался об'едками байского стола. Когда бай колол скотину, то его соседи-бедняки могли пользоваться кровью убитого животного. «Точно также, — пишет Радлов, — бедняки пытаются уловить те части внутренностей, которыми брезгуют богачи. Но из-за этой добычи им приходится бороться с собаками, которые проникают со всех сторон... к месту убиения»[139].

В скотоводческих районах помимо кореньев с'едобных растений, запасаемых впрок, беднота еще питалась толканом из ячменя и сырчиком («курут»), приготовляемым из сквашенного вареного молока. Посевы ячменя были настолько незначительны, что собранный урожай не обеспечивал питание семьи бедного человека и на полгода. Сырчик делали летом, когда доили взятых в «полыш» байских коров, и копили запасы на зиму. Для этого сливали молоко в кожаный мешок («аркыт») или деревянную высокую кадку (сарсак), заквашивали его бараньим желудком и лошадиной копчиковой костью. Скисшее молоко («чеген») наливали в чугунный чашеобразный котел, выкуривали из него вино («аракы»). Выкурив вино, сливали содержимое котла в мешок, отжимали сыворотку и из творога делали сыр («курут»), который коптили на дыму или сушили на солнце. Сыворотку также употребляли в пищу. С одной коровы в период удоя получали около 50 сырчиков. Это могло прокормить семью в 3-4 человека в течение одного месяца не более. Стало-быть, и аренда молочного скота не могла в полной мере обеспечить питание маломощного алтайца. Поэтому ему приходилось не быть брезгливым и употреблять в пищу все, что попадает. Не брезговали мясом даже таких животных, как хорек, колонок.

---

[135] Извлечение из писем М. 1847.
[136] Ук. Соч. 297.
[137] Алтайские инородцы, стр. 15.
[138] Записки миссионера Кузнецкого отдела Алт. миссии за 1863 г. Православное обозрение . 1864 г.
[139] Aus Sibirien, s. 302.

Местами охотились не только на зверьков, но и их «кладовые» — корней. Например, алтайцы Улаганского района практиковали ограбление мышиных нор с целью приобретения корней с'едобных растений, заготовленных мышами на зиму. Корни ели по большей части разваренными в воде. Заготавливали на зиму мучнистые корни кандыка (Erythonium sibirica).

Копание и заготовка корней составляло женскую работу.

Несмотря на все ухищрения, малосостоятельный алтаец вечно жил впроголодь. Еще в более худшем положении находилось питание трудящихся алтайцев в таежных районах Алтая, где скотоводство не было развито. Звериной промысел, являющийся главным источником существования обитающих здесь племен, никогда в полной мере не обеспечивал их пропитания. Удача и неудача идут в охоте рядом. Недород или перекочевка зверя, неблагоприятная погода чувствительно отражаются на результатах охоты и на питании охотников. Периодические голодовки в этом районе—издавна обычное явление. О них повествуют многочисленные предания, начинающиеся так: «был сильный голод, люди бежали в степь» и т. д. Они засвидетельствованы и старинными исследователями: Георги, Палласом и др. Естественно, алтайцы вынуждены были использовать для питания все, что только может дать тайга. Прежде всего, они с древних времен обратились к растительной пище: с'едобным корням различных растений (кандык, сарана, пион и др.), ягодам, кедровым орехам, даже к пихтовой заболони — «карыншу» (должно быть, от глагола «кыр» — скоблить). Приведу в подтверждение сказанного ряд ссылок на прежних исследователей. Например, про население, обитающее по верховьям р. Томи, Георги пишет: «Питаются по большей части от звериного промысла и дикими растениями. Земли же совсем не пашут и потому хлеба не едят»[140]. Далее сообщает он о телеутах: «Язычники едят медведей, сурков, мышей, свиней, хищных птиц и всяких почти животных»[141] или о населении живущем по р. Мрассе и Кондоме: «Кроме хищных зверей едят они и падальщину»[142]. О питании телеутов сообщает еще Григорий Спасский: «Во время промысла питаются они мясом всех добытых зверей, кроме горностая, коего по причине противного запаха почитают нечистым»[143]. Про «кузнецких инородцев» (шорцев) читаем: «в пище неразборчивы, хлеба употребляют мало и довольствуются летом рыбой, а зимой звериным и лошадиным мясом, не гнушаются и падалью. Питаются также и кореньями травы, называемой «кандык»[144]. Паллас отмечает, что «самые крупные и хорошие коренья добывают татары, на Мрассе и Кондоме живущие, и отправляют даже до Абакану»[145]. У алтайцев в пищу шли следующие растения: кандык — «пес» (Erythonium sibirica), «саргай»

[140] „Описание... народов", ч. II, стр. 164.
[141] Ук. соч. 159.
[142] ibid. 162.
[143] „Сибирский вестник", издан. Григорием Спасским за 1821 г. СПБ, стр. 13.
[144] „Кузнецкие инородцы". Журн. мин. внутр. дел. 1858 г., №5, стр. 4.
[145] П. Паллас. „Путешествие по разным местам Российского государства". СПБ. 1786 г., ч. III, стр. 489.

— сарана (Lilium Martagon), «колпа», черемша или колба (Allium victoriolis, d.), «кобирген» Allium schoenoprasum, слизун — «монгыр» (Allium nutens); «кой монгыр» — овечий слизун (Allium schatratum), «ускун» (Allium sativum), «чейне» — пион (Paeonia anomala), «елик-палтырган», «аю-палтырган» — дягиль (Angelica silvestris, «суу палтырган» — борщенник Heracleum Sibirica, корни ревеня (Rheum Riaponticum) и др.

Не случайно месяц май у алтайцев называется «месай», т. е. месяц кандыка. Это показывает, насколько велико было значение корней в питании населения, а одно из подразделений сеока «юз» у тубаларов носит название «саргайчы юз», что значит «саранщики», т. е. собиратели сараны («саргай»).

Описанные бытовые условия малоимущих алтайцев или совершенных бедняков старые исследователи любили смаковать, выпячивая экзотику «первобытчины», и всегда умалчивали при этом, в каких слоях населения эта «экзотика» сохраняется. Все особенности отсталой техники и быта приписывались алтайской «культуре», отсюда и разговоры о первобытности алтайцев, о младенческом состоянии их общественного развития, о родовом строе. Благодаря тому, что прибавочный продукт вывозился из Алтая русскими торговцами и проедался зайсанско-байской верхушкой, производительные силы крестьянского хозяйства алтайцев не развивались, а удерживались на очень низком уровне, способы ведения хозяйства у крестьян-алтайцев напоминали хозяйство первобытных собирателей. Буржуазные ученые пытались об'яснить это неспособностью алтайцев к усвоению более высокой культуры, и низкий уровень производительных сил алтайцев приписывался национальной алтайской культуре. Игнорирование классового подхода к изучаемой действительности при исследовательской работе исключало возможность научного анализа особенностей культуры алтайцев и причин этих особенностей. Получалось, что особенности культуры алтайцев: первобытность техники, жилища, примитивность питания, одежды и т. д. являются расовыми особенностями алтайцев. Вместо того, чтобы доказать, что алтайцы сохранили древние и отсталые приемы хозяйствования, форму жилища, одежды до XX века включительно потому, что многовековой гнет двойной эксплоатации трудящихся алтайцев, колониальная политика царизма, задержала их развитие, вместо того, чтобы все эти особенности — особенности малоимущих слоев алтайцев — об'яснить тяжелым экономическим и общественным положением угнетенных слоев алтайского общества, писал о «праазиатской» или «древнетурецкой» культуре алтайцев. Теперь когда Октябрьская революция уничтожила в корне причины их тяжелого экономического и политического положения, освободила их от ига своих и русских эксплоататоров, дала им возможность выделиться в самостоятельную автономную область и оказала им, в лице союзного пролетариата, конкретную и реальную помощь, культура алтайцев изменилась до неузнаваемости, и в 10 лет трудящиеся алтайцы сделали такой прыжок, который

оставляет далеко позади путь, пройденный во многие сотни веков. От свивания сена в жгуты алтайцы перешли к силосованию зеленых кормов, от мотыки к трактору, от устной передачи новостей[146] — к радио и телефону; из среды трудового крестьянства алтайцев имеются свои инженеры, врачи, агрономы, художники и т. д. Об этом будет подробно рассказываться во второй части книги, здесь же это необходимо для того, чтобы показать, что «экзотика», «первобытность», как «национальная особенность» алтайской культуры, есть миф, выдуманный буржуазными учеными в целях оправдания колониального угнетения алтайцев.

Обратимся к вопросу об общественном положении крестьянства у алтайцев (судить об этом можно в значительной степени и по предыдущему изложению).

Каждый трудящийся алтаец был зависим от своего зайсана, к которому он навсегда был приписан. Личная зависимость производителя-алтайца не ограничивалась только зайсаном или демичи. Производитель зависел и от помещика укту-бая, и от торговца, и даже от самого мелкого чиновника. Всем им трудящийся алтаец отдавал прибавочный труд и продукт. Крестьянин-алтаец был обязан отрабатывать зайсану «барщину», вспомним «ярчи», платить натуральный «оброк», вспомним различные натуральные приношения зайсанам — «подарки» и взятки («сый» и «карын»). Укту-баю крестьянин должен был отрабатывать за «полыш» скотом. Русскому царю нужно было платить ясак и различные трудовые повинности. У русского торговца крестьянин не вылезал из долга. Картина угнетения крестьян-алтайцев довольно ясна. Отсюда не трудно об'яснить и бесправное, забитое положение алтайского крестьянина. Любой русский чиновник и даже торговец мог наказать алтайца. Зайсан мог запороть розгами досмерти. Бай мог также судить и наказывать. Трудящийся не мог изложить просьбы зайсану иначе как с обнаженной головой и преклонив левое колено, не мог обогнать на лошади зайсана или богатого человека. Зайсану целовали руку. В юрте, где находился зайсан или бай, простой смертный алтаец не садился в передний угол («торь»), где сидела сиятельная персона, а помещался у дверей юрты, налево от входа. На суде, на выборах зайсана, на свадебном пиршестве бедняк-алтаец находился в задних рядах, стоя (чтобы виднее было). Бай не находил нужным обратиться к бедняку по имени, а говорил: «ей кем» (смысл: Эй, как тебя.). На различных праздниках (которые досужие ученые не прочь рассматривать как «родовые» праздники), устраиваемых обычно зайсанско-байской верхушкой, общественное положение бедняка рисуется особенно четко. Естественно было бы ожидать, если это «родовые» празднества, то все члены данного рода равны и одинаково имеют право на соответствующий прием и угощение. На деле же это было далеко не так. В. Радлов, описывая один из таких праздников, должен был отметить особое положение бедных гостей (armen göste), для которых пищу варили в особых котлах: голову, часть внутренностей и ноги убитой

[146] Т. н. „не табыш"— что нового?

скотины, мясо же шло в пищу знатным гостям. Приведу несколько выписок: «Гости теснятся в юрту и располагаются строго по рангу и по почету, бедные, голяки сидят на корточках около дверей юрты»... «Когда все гости снабжены, бросают куски мяса к двери; ждущие там голодные бедняки жадно их ловят, но должны зачастую перебивать их у проникающих между ними собак». «Когда знатные с'ели лучшее мясо, бросают кости бедным, которые ножом и зубами удаляют все с'едобное, при чем со всех сторон скребут и разламывают кости; только когда ничего с'едобного больше не остается, бросают собакам, которые у самой юрты заняты раздроблением костей»[147]. Дикая сцена дележа об'едков от знатных гостей между бедняками и собаками ярко рисует общественно-бытовое положение бедноты. Кажется, это настолько ясно, что не может быть двух мнений. Однако, Радлов, желая избежать необходимости надлежащего вывода по поводу резкого различия общественного положения бедноты и баев, несколькими страницами дальше с изумительным хладнокровием пишет следующие строки: «Каждый бедняк, который **присоединяется** к семье богатого, держит себя как член последней. Он скорее умер бы с голоду, чем подчинился бы желанию богатого соседа, выраженному в тоне приказания. Такая уверенность каждого члена племени привела к действительно идеальным племенным отношениям. Весь народ представляет как бы одну семью, где в нужде один помогает другому. Господствует такое гостеприимство, которое нельзя представить себе при других обстоятельствах»[148]. Последние строки звучат особенно фальшиво при сопоставлении с описанием, сделанным выше самим же Радловым. Оно дает ясное представление о том, какие отношения Радлов возводит в идеал. Не отрицая факта расслоения алтайцев на бедняков и богачей, Радлов старается прикрыть отношения господства и подчинения отношениями взаимной помощи, подобно тому, как, признавая факт закрепощения баями бедняков, он для закрепощения употребляет глагол anschliessen (примыкать, присоединять). Глагол anschliessen дает повод истолковать отношения между баем и бедняком таким образом, что бедняк «присоединяется» или «примыкает» (anschliesst) к хозяйству бая как бы ради взаимного удовольствия. Бай радушно оказывает приют бедняку, а бедняк столь же радушно стремится помочь «истомившемуся» от работы и хозяйственных забот баю. Все в порядке. В обществе царят «идеальные племенные отношения».

Угнетенное и приниженное положение в обществе алтайской бедноты об'ясняется неравномерным, антагонистическим распределением у алтайцев средств производства, которыми, главным образом, владели баи, зайсаны, демичи и русские эксплоататоры. Отсюда тяжелое экономическое положение бедноты и ее общественно-бытовое бесправие. Чтобы удержать такой порядок, при котором основные средства производства сосредоточивались бы в немногих руках, и чтобы иметь возможность эксплоатировать

---

147 Aus Sibirien, s. 302-303.
148 Aus Sibirien, s. 312. Подчеркнуто мною. Л. П.

бедноту, байско-зайсанская верхушка, естественно, должна была постоянно укреплять свое господство не только по линии экономической, накопляя богатства, по линии политической, укрепляя связь с русской или китайской администрацией (смотря по обстоятельствам), но и по линии идеологической, по линии укрепления общественно-бытового влияния на трудящихся алтайцев. И в этом отношении господствующая верхушка весьма искусно пользовалась старыми родовыми обычаями и религиозными предрассудками, обратившимися в их руках в мощное орудие экономического и идеологического порабощения трудящихся алтайцев. Вспомни хотя бы тот же «полыш», что означает буквально «помощь», и, очевидно, когда-то был действительно помощью. Или вспомним отношения «тен-улеш», что значит равная доля. Несомненно эта форма отношений и название остались со времени коллективного производства у алтайцев, когда каждый участвующий в той или иной общей работе получал и равную долю. Еще до последних дней трудящиеся охотники-алтайцы выходят на промысел артелями с общим запасом с'естного, живут в тайге одним станом, вместе промышляют и поровну делят между собой добычу, наделяя паем и того, кто несет только заботы по присмотру за станом (обычно старики), и это уравнительное распределение добычи называется также «тен улешь», что, собственно, и соответствует настоящему смыслу этих отношений. Но вспомним, как этими отношениями тен-улешь пользуется «таныш», когда он посылает бедняков-охотников в тайгу на промысел зверя, снабжая производителя ружьем, лошадью, припасами, и за это забирает от них пушнину. Здесь форма отношений сохранилась старая, но содержание ее изменилось. Из отношений уравнительного распределения, вытекающего из коллективного способа производства, «тен-улешь» превратились в отработку на эксплоататора бая. То же самое можно сказать и про отношения «одуш кун», распространенные среди трудящихся алтайцев, как заимообразная помощь, как «заемный день», оплачиваемый работой же; в руках байской феодальной верхушки «одуш-кун» обратился фактически в форму эксплоатации Бедноте постоянно внушалась необходимость повиновения начальству, зайсану, демичи и баю. Богачи выставлялись воплощением добродетели, их эксплоататорская деятельность толковалась в назидательной форме привилегированной верхушкой и шаманами как помощь соплеменникам, родственникам и т. д. Известные широкой эксплоатацией баи, эксплоатирующие население путем сдачи в аренду средств производства и кабальными долговыми сделками, назывались «полыштубай», «пиянду-бай» — помогающий бай или «кол тутпас бай» — раздающий бай (буквально не задерживающий в руках). Закабаленным скотоводам и охотникам внушалась необходимость выполнения долговых обязательств, иначе бай мог обратиться к шаману и послать на должника злых духов, которые постепенно могут «с'есть» всю семью («титу-ятет»). «Благодетельные» баи редко прибегали к угрозе шаманом и гораздо чаще к угрозе упрочить за должником славу «яман кижи», т. е. худого человека, после чего возникала опасность подвергнуться бойкоту в родных стойбищах, и тогда оставался один выход: креститься и поступить в бат-

раки к русским зажиточным крестьянам. Однако, против крещения вели сильнейшую агитацию некрещеные баи и зайсаны, которые клеймили новокрещеную бедноту (а крестилась, как узнаем дальше, преимущественно беднота), как вероотступников, как изменников не только своей вере, но и своему народу, стралающему от русского гнета. С «вероотступниками» при случае расправлялись довольно круто и решительно. Их, как увидим дальше, пытали, били до полусмерти, увозили в самые глухие места Алтая и держали там на положении пленных рабов. Зайсаны и баи и их пособники шаманы долгое время призывали сохранять непоколебимыми устои шаманской религии. Эта религия учила о беспомощности, о бессилии человека перед многочисленными сонмами злых и добрых духов, которыми населен нижний, верхний и средний мир. Каждое явление, каждый результат человеческой деятельности толковался как проявление активного вмешательства в жизнь человека воли духов. Особенно грозен был живущий в подземном мире, во дворце из черной грязи, всесильный Эрлик — с челюстями, подобными двум большим лодкам. Косматый, с развевающейся черной бородой и закинутыми за уши усами, он раз'езжал по своему подземному миру на черном быке и пил по утрам из дымящегося озера человеческую кровь. Эрлик — центральная и наиболее грозная фигура подземного мира, постоянно угрожающая благополучию алтайца и требующая через шаманов все новых и новых жертв скотом. А сколько насчитывалось еще других подобных персонажей шаманского мира — трудно подсчитать. Чего стоили алтайцам одни только сыновья Эрлика, деятельность которых алтайцы сравнивали с деятельностью русской администрации и называли их «ошкошло станобой пристап» — «подобными становому приставу». Населенными духами являлись и небо, и земля, и вода, и горы, и тайга. Обращаясь к горам с жертвой, алтаец просил у них благополучия в своей жизни:

Кулер Ту (гора) моя, которую не может обойти солнце.

Алтын-ту (гора) моя, которую не может обойти месяц.

Дающая милость на перегонный скот.

Будет ли так, чтобы в пуповину нашу грязь не попадала (т. е. чтобы мы не ходили раздетыми. Л. П.).

Будет ли так, чтобы на ресницах наших не было слез. Все духи злые и добрые, большие и мелкие требовали от человека бесчисленных жертв. Достаточно указать, что даже если алтаец и жил благополучно, он все же ежегодно, а в иных случаях раз в три года должен был приносит в жертву молодую (3-4 лет) лошадь светлой масти. А если происходили несчастья: болезнь членов семьи, урон скота, неудача на промысле, в таком случае по повелению шамана жертва приносилась одна за другой, до тех пор, пока не наступал благополучный исход моления или пока трудящийся не разорялся окончательно. А разорения эти случались несравненно чаще ,нежели счастливый исход, и имели место вплоть до 1930 г., когда эксплоататорская деятельность шаманов была уже подрезана в корне. Газета «Кызыл ойрот», выходящая в Ойротии, в свое время буквально пест-

рела заметками о разоблачении деятельности шаманов и разорительных последствий шаманских камланий. Приведу для примера только одну выписку: «В Сайдысе Майминского аймака, — пишет корреспондент-алтаец, — есть 2 гражданина, которые на камлании прикончили весь скот. Один из них, Эдоков Макар, заболел и в течение двух лет все брал шамана, в жертву принес 12 голов скота, 25 кадок браги, около 30 пудов хлеба отдал. Второй, Дедеев Гавриил, всю скотину принес в жертву и впоследствии умер. Наши товарищи алтайцы так и разоряются»[149].

Разоряя трудящегося алтайца требованиями жертвоприношений, отводя внимание трудящихся алтайцев от об'яснения их угнетенного положения в сторону идеологических тупиков (вроде: вся жизнь и деятельность человека зависит от духов, и человек сам бессилен во всем), шаманская религия в лице ее идеологов шаманов и некрещеных баев и зайсанов оправдывала и антагонистическое распределение жизненных благ среди алтайцев. По толкованию этих идеологов, богатство человека зависит также от воли духов и стоит в прямой зависимости от количества приносимых жертв. Например, зародыши на скот находятся на втором небе по дороге к Ульгеню на березе «бай кайынг» (богатая береза). Шаман сдувает их при жертвоприношении лошади Ульгеню, принося благо хозяину. Чем чаще приносить жертвы, тем больше можно получить зародышей на скот. Отсюда вывод, что богатым может быть только богатый, а перспектива разбогатеть для бедняка не существует. Только богатый может приносить обильные жертвы скотом, брагой, вином и получать взамен от духов зародыши на всякое благополучие: на скот, на хорошие пастбища и т. д.

Шаманская религия у алтайцев была обращена на службу зайсанско-байской верхушке. Деятельность шаманов безусловно являлась также эксплоататорской деятельностью. Разоряя трудящихся требованиями кровавых жертвоприношений скотом, шаманы на этом весьма наживались, получая львиную долю мяса жертвенного животного и плату за камлание натурой. Алтайскими трудящимися деятельность шамана оценена в известной поговорке: «мал уру ит семис, кижи уру камсемис» — скот болеет — собака жиреет, человек болеет — шаман жиреет.

Таково было, в общих чертах, положение крестьянской бедноты у алтайцев. Возникает вопрос: вели ли трудящиеся алтайцы борьбу со своими эксплоататорами и в каких формах. Ответить на этот вопрос относительно раннего периода русского подданства трудно за совершенным отсутствием материала. Гнет двойной эксплоатации, слабость мелких раздробленных производителей, ведущих натуральное хозяйство на примитивной технической основе, невероятная культурная и политическая отсталость, всячески поддерживаемая эксплоататорами в своих целях, тормозили рост классового сознания бедноты у алтайцев. Слабость и обособленность раз'единенных мелких производителей-скотоводов и охотни-

---

[149] См. такие примеры в моей работе: „Поездка в колхозы Чемальского аймака Ойр. авт. области". Ленинград 1932. Изд. Ак. н., стр. 46.

ков, закрепощенных экономически и идеологически, отодвигали и тормозили развитие классовой борьбы, которая достигла известного развития и оформления (в виде национально-освободительного движения трудящихся скотоводов) только в начале XX века. Однако, это не значит, что трудящиеся алтайцы совершенно не сознавали классового неравенства и не отдавали себе отчета в деятельности эксплоататоров. Ряд пословиц и поговорок с достаточной определенностью выявляет отношение трудящихся алтайцев к эксплоататорам. Например: «Кому назначено умереть, того кам (шаман. Л. П.) не отнимет, кому с голоду умереть, того и богач не спасет», «сытый голодного не разумеет (букв. не знает Л. П.), богатый бедного не разумеет» или еще «кто борется с морозом, тот будет без уха, кто борется с начальством, тот будет без головы»[150].

У Вербицкого записан любопытный в этом отношении факт: «Бедный инородец улуса Кузедеевского Михаил, еще юноша, — пишет Вербицкий, — пришел ко мне испросить благословения на добычу зверя. Он и товарищ его, расставляя ловушки для белок (кулемки), заметили берлогу медведя. Бедняки рады были бы вступить в борьбу со зверем без посторонней помощи: ясак их был бы обеспечен, но у обоих у них было только одно ружье и то попорченное. Делать нечего, пригласили к себе в товарищи, с правом равной доли, еще двоих, с винтовками, а сами пошли с одними топорами указывать берлогу. При этом случае Михаил заметил: **«Вот так-то все от нас к богатым переходит».** «Зато бедным умирать легче, ответил я ему»[151]. Здесь весьма характерны слова охотника Михаила, в которых классовое сознание бедняка чувствуется довольно отчетливо. Разумеется, миссионеры не замедлили «успокоить» это чувство у бедняка, пытаясь доказать даже преимущественное положение бедняков перед богатыми, только не на этом, а **«на том» свете.** Тем не менее недовольство крестьян-алтайцев против эксплоататоров было и росло. Но оно долгое время ловко отводилось баями и зайсанами в сторону национального антагонизма, и бедственное положение алтайцев-крестьян об'яснялось исключительно русским господством в крае.

8. ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ У АЛТАЙЦЕВ

Из предшествующего изложения с полной очевидностью вытекает, что общество у алтайцев было классовым. Это общество было основано на частной собственности с антагонистическим распределением средств производства, благодаря которому сравнительно небольшая группа зайсанов, демичи и баев сосредоточивала в своих руках большую часть скота, и земли по сравнению с подавляющим количеством трудящихся алтайцев. Такое антагонистическое распределение основных средств производства у алтайцев могло существовать и существовало только лишь потому,

---

[150] Вербицкий. Алт. инородцы, стр. 191-193 и т. д.
[151] Записки за 1861 г.(подчеркнуто мной Л. П.)

что класс крупных собственников скота, зайсанов и баев, сосредоточивал в своих руках все средства угнетения и насилия экономического и внеэкономического порядка. Другими словами, этот класс крупных собственников скота имел аппарат административного управления в виде зайсаната с его судом. Зайсанат, в основном, был тесно связан и подчинен русскому самодержавно-крепостническому государственному аппарату.

Установив классовое строение общества у алтайцев, мы должны определить, к какой общественно-экономической формации следует отнести это общество. Ответ на этот вопрос заключался во всем предшествующем изложении, где были раскрыты производственные отношения у алтайцев и формы эксплоатации, входящие, разумеется, в характеристику производственных отношений. Остается яснее сформулировать. Маркс писал: «Та специфическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, определяет отношения господства и подчинения... Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественно-производственной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя»[152].

На основании этого, единственно научного критерия для различения классовых формаций мы можем сказать, что алтайцы находились на стадии **феодализма, так прибавочный продукт из непосредственных производителей-алтайцев высасывался в виде докапиталистической ренты в двух формах.** Во-первых, в виде **отработочной ренты на основе частной собственности зайсанов и баев на скот и землю и в форме ренты продуктами,** «ясак» — русскому царю на **основе частной собственности последнего на земли, занятые кочевьями алтайцев.** Отработанная рента (работа на зайсанов: «ярчи», «полиш» ортокто, айбыкун и т. д.), аналогична русской барщине, не только в своеобразной форме, выросшей в условиях кочевого скотоводческого хозяйства. Подобно тому, как в земледельческом хозяйстве крестьянин за право пользования помещичьей землей обрабатывал землю и для помещика своим инвентарем, так и в скотоводческом хозяйстве крестьянин-алтаец за право пользования байским скотом или его продуктами работал на бая (пас скот, заготовлял сено) также со своим инвентарем, хотя скудным и крайне примитивным (лошадь, седло, аркан, нож для срезывания травы и т. п.). Разница заключается в том, что в условиях феодализма, выросшего на базе земледелия, основным средством производства является земля, которая была распределена таким образом, что она в большей массе составляла собственность помещиков, а крестьяне должны были брать ее у помещика в пользование и за это платить ему ренту трудом или продуктами. В условиях же феодализма, выросшего у алтайцев на базе кочевого скотоводства, при наличии огромного количества свободных земель, основным средством производства был скот, который распределялся так, что баи и зайсаны были

[152] Капитал, т. III.

собственниками табунов, исчислявшихся тысячами и десятками тысяч голов, а крестьяне-скотоводы имели у себя такое количество скота, которое не позволяло прокормить семью и заставляло крестьян брать скот в пользование у бая и платит ему за скот, как собственнику главного средства производства, ренту отработками.

Таким образом, основная форма эксплоатации крестьянина-алтайца выражалась в форме натуральной ренты, уплачиваемой собственнику скота в виде отработки и собственнику земли в виде ясака — натурального налога. Эта форма эксплоатации характерна как-раз для феодализма. Экономическая зависимость при феодализме выражается в форме ренты, «как нормальной формы прибавочной стоимости и неоплачиваемого прибавочного труда, который приходится доставлять собственнику условий производства»[153].. (Маркс). При этом, согласно указанию Маркса, «в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена» непосредственным производителям может противостоять государство, в таком случае «рента и налог совпадают или, точнее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой фермы земельной ренты».

Мы должны также обратить внимание на роль внеэкономического принуждения, столь характерного для феодальных отношений. Ведь для того, чтобы заставить трудящегося, имеющего свое хозяйство, алтайца работать на зайсана (ярчи) или платить натуральный налог русскому царю, необходимо было и алтайскому зайсану и русскому царю иметь власть над личностью алтайца-производителя, необходимо было «внеэкономическое принуждение», как называл это Маркс. И Маркс и Ленин указывали, что «формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неравноправностью крестьянина»[154]. У алтайцев это достигалось прежде всего тем, что еще задолго до перехода в русское подданство они закреплялись, приписывались к определенному зайсану, от которого они не могли никуда уйти. Об этом говорят некоторые статьи Ойротского статута взысканий. Например, статья 140 запрещает жителям переходить из аймака в аймак. Беглеца возвращали к старшинам аймака и заставляли платить штраф 9 скотин. Следующая статья сулит вознаграждение лицу, доставившему беглого в свой аймак, в размере одной лошади и баранов из расчета по одному барану с каждого жителя данного аймака[155]. Русское правительство узаконило крепостную зависимость алтайцев от зайсанов, сохранив приписку к зайсанам определенных родов, и, кроме того, закрепило к определенной территории, названной «калмыцкими стойбищами», за пределы которой алтайцы не могли выходить, и передало эту территорию в частную собственность царствующего императора. Таким образом алтайцы были крепостными в двойном смысле. С одной стороны, они были крепостными русского царя-помещика, которому пла-

---

[153] Подчеркнуто мной Л. П.

[154] Ленин. Развитие капитализма в России, т. III, стр. 140. Маркс, Капитал, т. III, стр. 569.

[155] Статьи привожу по списку Палласа в его Samlungen..

тили ренту продуктами — ясак. С другой стороны, они были крепостными своих зайсанов. Зайсан мог распоряжаться имуществом и трудом своих приписных алтайцев по его усмотрению. Он судил их, налагал на них натуральные штрафы, присуждая к порке розгами, заставлял работать на себя и т. д.

Приписка алтайцев к определенным зайсанам без права перехода от одного зайсана к другому, прикрепление алтайцев к царской или кабинетской земле и натуральный налог — ясак, который с них брали за пользование этой землей, — **были главными формами внеэкономического принуждения у алтайцев.** Все это, несомненно, характеризует общественные отношения алтайцев, как отношения феодальные.

Однако, феодализм у алтайцев имел свои особенности, которые необходимо подчеркнуть.

Основной особенностью феодализма у алтайцев было то обстоятельство, что феодализм этот вырос в условиях кочевого скотоводческого хозяйства. При наличии огромных земельных пространств в Алтае, пригодных для скотоводства, при редком населении и необходимости постоянного передвижения со стадами, у алтайцев не развилась форма частного пользования землей, закрепления земельных участков за отдельными хозяйствами, а напротив, долгое время сохранялась общинная форма землепользования, при чем суверенным земельным собственником являлся Джунгарский хан или — впоследствии — русский император. Общинная система землепользования весьма устраивала зайсанов и баев при тех условиях, когда всеми общественными порядками заведывали они, и эта система землепользования не исключала для них возможности распоряжаться землями по своему усмотрению. Напротив, для зайсанов и баев общинное землепользование являлось формой частной собственности. И даже в период усиленной русской земельной колонизации на Алтае, когда у зайсанско-байской верхушки стала быстро развиваться форма частного землепользования с наследственной передачей пастбищных угодий потомству, все же алтайские зайсаны в своих ходатайствах перед Кабинетом царя постоянно возражали против неоднократно предполагавшегося землеустройства с отведением подушного надела на хозяйство и всегда, ссылаясь на «древние обычаи», настаивали на сохранении за алтайцами права пользования обширными землями Алтая в общинной форме, ибо это было им выгодно.

Наличие в Алтае большого количества земель, пригодных для скотоводства, долгое время отодвигало на задний план вопрос землепользования. **Общественные отношения внутри алтайского общества были завязаны не столько вокруг землепользования, сколько вокруг частной собственности на скот.** Не случайно, что среди алтайцев **не развились земельные поборы** с населения за право пасти скот на землях, занятых тем или иным зайсаном, как это было, например, у киргизов[156]. Зато выросли и развились различные формы эксплоатации на основе частной

---

[156] См. Погорельский и Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана.

собственности на скот. Крупная частная собственность на землю внутри алтайского общества была облечена в форму обширного землепользования и маскировались ею. Суверенным собственником земли являлось русское государство, точнее глава государства, что совершенно не меняет сущности отношения производителей к средствам производства. И отрицать феодализм у алтайцев на том основании, что внутри алтайского общества не получила юридического оформления собственность на землю, нельзя. Это значит ничего не понимать в учении Маркса об общественно-экономических формациях. Маркс выводил феодализм, как и всякую общественно-экономическую формацию, из отношения людей к средствам производства. Он писал в томе II Капитала: «Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения один от другого, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры»[157].

Далее, для классового общества, каким и является феоализм, Маркс оставил единственно научный критерий для определения формаций — это форма эксплоатации. Эти положения исключают всякую возможность для утверждения, что феодализм выростает **только** на основе земельного хозяйства, на базе крупной земельной собственности. **У алтайцев феодализм рос как-раз на основе не земледельческого хозяйства, а кочевого скотоводческого хозяйства.** И главным средством производства, находившимся в частной собственности самих алтайцев, был скот, а не земля. **Скот был основным средством производства** (при наличии земельного простора), **и скот являлся материальной основой для эксплоатации производителя.** Антагонистическое распределение скота в обществе вызывало борьбу за скот, и классовые интересы у алтайцев сталкивались из-за частной собственности на скот. Даже после Октябрьской революции стержнем, вокруг которого происходила классовая борьба в алтайском аиле и колхозе, являлся скот.

Следует указать еще на одну особенность феодализма у алтайцев. Я имею в виду, как бы относительную «недоразвитость» феодального строя у алтайцев: например, барщина и оброк не выступают в таком ярком виде, как у земледельческого крестьянства России и т. п. Вот эта-то, условно говоря, «недоразвитость», по сравнению, скажем, с русским феодализмом, и составляет также особенность феодализма у алтайцев. Эта особенность или своеобразие об'ясняется, прежде всего, слабостью развития производительных сил у алтайцев. Слабое разделение общественного труда, при котором ремесло еще не отделилось от сельского хозяйства, почти полное отсутствие плужного земледелия, отсутствие городов, крайне отсталая техника земледельского хозяйства, — все это создало своеобразные особенности феодализма у алтайцев. Колониальная политика царизма всячески душила, тормозила развитие производительных

[157] Капитал, т. II.

сил и создавала застойные отношения. Последнему обстоятельству способствовало еще и окраинное положение Алтая, его удаленность от крупных экономических центров, отсутствие удобных путей сообщения и т. д.

Наконец, можно указать еще на одну особенность. Феодальные отношения у алтайцев нередко были облачены в родовой костюм. Последнее обстоятельство дало возможность многим исследователям приписать алтайцам родовой строй. Однако, было бы глубокой ошибкой полагать, что феодализм у алтайцев был в чистом виде. Это противоречило бы основному принципу марксистского учения о социально-экономических формациях. В чистом виде феодализм у алтайцев быть не мог. При господстве феодального способа производства здесь были и остатки предыдущих стадий общественно-экономического развития. Сюда прежде всего должны быть отнесены остатки родовой эпохи. Сохранились, почти до наших дней, некоторые признаки, пережитки, которые с несомненностью указывают о прохождении алтайцами стадии родового общества. Об этом необходимо, хотя бы кратко, сказать. Прежде всего, до сего времени алтайцы помнят свои родовые названия. Это, так называемые, «сеоки» алтайцев. Сеок — буквально значит «кость». Наиболее полный список сеоков приведен в исследовании Швецова,[158] и здесь нет нужды его повторять, хотя к нему можно было бы сделать некоторые дополнения и уточнения, но это, не столь существенно. Помня свой сеок, алтайцы обычно рассказывают о происхождении его, чаще в легендарной форме. Например, сеок «Иркит» произошел от дерева «ыргай»[159]. Сеок «Кара-телес» — от медведя. Некоторые сеоки у тубаларов считают свое происхождение от пня, из земной трещины и т. п. Есть и другие об'яснения происхождения сеоков. Так, сеок «Юз» отделился от сеока «Конгдош». Случилось это так. Одна девушка из сеока «Конгдош» родила ребенка, отца которого она назвать затруднилась. Ребенку присвоили имя сеока матери, т. е. «Конгдош». От этого мальчика пошло потомство, которое, достигнув сотни человек, с согласия сеока «Конгдош», выделилось в особый сеок, который назвали «Юз» (буквально — сто). «Юз» были приписаны к другому зайсану, нежели «Конгдош». Про сеок «Ялан» рассказывают, что люди его пришли в алтайские горы из степи, во время голода. Пришельцев стали называть «яландан кельген» (буквально — пришедшие из степей). Постепенно и они стали называть себя сокращенно «Ялан». В степи же себя этот сеок называл «Погул». Существуют также об'яснения названий многих сеоков. Например, название сеока «Саргайчы юз» означает «саранщики юзы», т. е. люди сеока занимались копанием корней сараны, которыми они и питались. Есть «Сыгынчи-юз», что значит — охотники за маралами. Назбание сеока «Палан-конгдош» произошло от того, что часть «конгдошей» во время одного сильного голода питались калиной («палан»). Про сеок «Кобурчи конгдош» говорят, «что люди этого сеока специализировались на обжигании угля, который они употребляли для плавки железной руды («кобурчи» — уголь-

158 Швецов, т. I.

159 Потанин. Очерки Сев. зап. Монголии, ч. IV, стр. 7.

щик). Однако, далеко не всегда название сеока указывает на занятие людей данного сеока. Например, сеок «Киис пюрюк конгдош» назвали так потому, что люди этого сеока носили кошемные шапки (киис пюрюк). Многие сеоки имеют непереводимые, в данное время, названия, другие, как например «Найман», «Кыпчак» и т. д., дают повод считать их осколками некогда крупных племенных об'единений, хорошо известных в истории Азии. По мере численного разрастания сеока известно много случаев дробления разросшегося сеока на ряд мелких, отражающих в названии связь с распавшимся сеоком. Для примера можно сослаться на сеок «Юз», который теперь насчитывает пять сеоков: 1) «Юз», 2) «Тау юзтар («Горные юз»), 3) «Сары юз» («Желтые юз»), 4) «Шанмы юз» и 5) «Сыргайчи юз». Сеок «Кузен» разделился на три сеока, сеок «Конгдош» — на четыре и т. д.

Весьма характерно, что, сохраняя названия сеоков, люди этого сеока не живут вместе, а селятся разбросанно[160]. Последнее обстоятельство свидетельствует об отсутствии хозяйственных связей по линии сеока. Однако, чувство родственной связи еще не изгладилось. Это проявляется в том, что люди одного сеока, где бы они ни встретились, называют друг друга «карындаш», т.-е. «единоутробный» (от «карын» — утроба), а главное, почти до последних дней лица, принадлежащие к одному и тому же сеоку, немогут вступать между собой в брак. Как известно, экзогамия (запрет браков между членами одного рода) составляет существенный признак родовой организации. Он позволяет утверждать, что алтайцы в эпоху группового брака, слабые следы которого еще можно уловить в Алтае, расчленялись на ряд кровно родственных групп по материнской линии, между которыми браки воспрещались. Запрет этот сохранился до нашего времени. Однако, это пережиток довольно ранней стадии родового общества, но не больше, и на основании экзогамии говорить о родовом строе у алтайцев не приходится. Экзогамия может служить одним из определяющих признаков рода на очень ранней ступени развития общества, когда развитие человеческого труда находится еще в пеленках. Утверждать же родовой строй у алтайцев, как общественный строй, базирующийся на первобытно-коммунистическом способе производства, на основании признака экзогамии, по меньшей мере нелепо. Надо учитывать, что степень развития производительности труда у алтайцев уже давно достигла такой ступени, на которой не только осуществилась возможность получения и присвоения прибавочного продукта, но осуществилась возможность и использования чужой рабочей силы, осуществилась возможность эксплоатации человека человеком. С переходом к скотоводству, по мере роста стад, у алтайцев уже давно возник новый, обильный источник материального благосостояния. Вместо полуголодного охотника, скитающегося по тайге в поисках зверя пешком или на лыжах, с луком, с примитивными деревянными ловушками, уже давно появился скотовод, который при сравнительно меньшей затрате труда получал богатый источник существования в виде стад скота, доставляющих ему молочную и мясную пищу, позволяющих ему иметь излишки

[160] Это отмечали и Потанин и Швецов.

этой пищи и обменивать ее более отсталым охотничьим племенам. Рост производительности труда породил и новые производственные отношения. Семья, в собственности которой находились стада, не размножалась так быстро, как стадо, и для обслуживания стад появилась потребность в чужой рабочей силе. Нельзя также забывать и того, что общество алтайцев уж давно покоилось на основе частной собственности, как это было показано в первых главах. Поэтому экзогамию у алтайцев следует воспринимать, как долго сохранившийся пережиток родовой организации, которую некогда имели алтайцы. Такими же пережитками родового строя мы должны признать у алтайцев и следы группового брака в обычае, по которому алтаец, женившийся на старшей сестре, может взять себе в жены всех сестер своей жены, младше ее по возрасту. В обычаях, определяющих взаимоотношения племянника и дяди по матери, нельзя не видеть следы матернитета. Дядя по матери («тай») у алтайцев считается наиболее близкой родней. Он порой заменяет утраченного отца. Он обязан оказывать племяннику материальную помощь, например, при женитьбе, при упадке хозяйства племянника; для этого племяннику требовалось только высидеть вино и поехать к дяде, и обычай не позволяет дяде отказать племяннику в просимом. Все это, несомненно, пережитки далеко оставшейся позади стадии общественного развития алтайцев. Но не они, не эти пережитки определяли перед Октябрем весь уклад общественной, экономической жизни, не эти пережитки определяли общественные отношения алтайцев. Нельзя забывать, что основной хозяйственной единицей, основной хозяйственной ячейкой у алтайцев являлась патриархальная семья, а не род что беспредельно господствовала в обществе частная собственность, а не общинная; что даже в тех случаях, когда казалось, существовала форма общинной собственности, например, на пастбища, она по существу являлась оболочкой, под которой зайсан или бай прятал частную собственность, как это показано выше. Преобладающей, да не только преобладающей, а исключительной формой брака была моногамная семья, с главенством отца, со счетом родства и с наследованием имущества по отцовской линии, хотя обычай еще допускал женитьбу на младших сестрах жены, обязывал дядю по матери оказывать материальную помощь племяннику и т. д.

Указанным пережитки родового строя у алтайцев безусловно не исчерпываются. Для примера достаточно сослаться на административное устройство алтайцев, где зайсанства были сформированы долгое время не по территориальному признаку, а по родовому. Каждое зайсанство включало в себя определенное количество определенных сеоков. Однако, этот пережиток вытекает из условий кочевой жизни алтайцев, когда при большой подвижности населения территориальный принцип не мог иметь места до известного времени. Разве не является пережитком воззрений родовой эпохи и то обстоятельство, что до последнего времени некоторые бедняки-алтайцы искренне считали зайсана или бая родовым «благодетелем», защитником их интересов. Разумеется, этому пережитку алтайцы прежде всего обязаны самим зайсанам, и баям, которые в защиту своих эксплоататореких интере-

сов прививали, укрепляли, поддерживали такие воззрения. Здесь весьма полезно привести слова Энгельса, который писал по этому поводу: «Что хорошо для господствующего класса, должно быть добром и для всего общества, с которым господствующий класс себя отождествляет. Поэтому, чем дальше идет вперед цивилизация, тем больше она вынуждается покрывать плащем любви необходимо порождаемые ею отрицательные явления, прикрашивать их или лживо отрицать, одним словом — вводить в практику условное лицемерие, неизвестное ни прежним формам общества, ни даже первым ступеням цивилизации и приводящее, наконец, к утверждению: эксплоатация угнетенного класса производится эксплоатирующим классом единственно и исключительно в интересах самого эксплоатируемого класса, и если последний этого не понимает, но даже начинает возмущаться, то это самая постыдная неблагодарность по отношению к благодетелям эксплоататорам»[161].

Я не имею возможности задержаться на пережитках родового строя у алтайцев, проявляющихся в религиозных обычаях и обрядах алтайцев, например, родовой характер некоторых молений, родовые божества, почитаемые определенными сеоками, те или иные горы, свидетельствующие о том, что почитаться стала определенная территория, раньше принадлежавшая тому или иному сеоку[162]. Несомненно в религии, более чем в какой-либо другой области, мы найдем сохранившиеся родовые пережитки. Не случайно по этому поводу П. Лафарг сказал: «религия подчас является богатейшим музеем древних обычаев»[163]. Я укажу еще на один, весьма существенный пережиток, сохранившийся у охотничьих племен Алтая, который является отзвуком первобытно - коммунистических отношений у алтайцев. Я имею в виду обычай «учам бер» у тубаларов. Согласно этому обычаю охотники-тубалары наделяют равным паем всякого человека, случайно присутствующего при убиении зверя, хотя, и не принимавшего участия в охоте. Точно также охотники наделяют полным и равным паем добычи всех участников промысла, хотя среди последних нередко бывают старики и подростки, не участвующие непосредственно в промысле, а лишь несущие некоторую работу по присмотру за станом в тайге.

Тем не менее, все эти пережитки не могут опровергнуть ни классового характера общества у алтайцев, ни феодальных отношений, как господствующего типа производственных отношений в эпоху русской колонизации. Господство частной собственности на основные средства производства, зайсанско-байская эксплоатация производителя-алтайца этим не уничтожаются. Общественное положение алтайцев измерялось богатством его стад и было прямо пропорционально этому богатству. Публичная власть была от-

---

[161] Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1932 г., стр. 180.

[162] Например, гора Чайтыган почитается особенно сеоком „Чапты" По выяснении оказалось, что Чайтыган в свое время являлся промысловой территорией этого сеока.

[163] „Очерки первобытной культуры". Москва-Ленинград. 1928 г., стр. 293.

делена от алтайского народа и сосредотачивалась у зайсана, в руках которого находились все средства принуждения, обращаемые им против своих соплеменников. Власть зайсана была пожизненной и наследственной, — это показывает глубокое отличие его власти от власти родового старейшины, могущего быть в любое время смещанным и не пользующимся средствами принуждения. Хотя и здесь зайсан должен был отдавать дань родовым традициям, которые он так охотно поддерживал, и проходить чисто формальную, почти ритуальную процедуру утверждения «народом», хотя утверждение это больше всего зависело от джунгарской, китайской, а затем и русской администрации. Наконец, зайсанский суд, защищавший интересы эксплоататорской верхушки, налоги, собираемые зайсаном, палочка «кере агаш» — долговая расписка алтайского бая, — неизвестные родовому строю, делают положение о родовом строе у алтайцев глубоко противоречащим действительности.

В задачу моего краткого очерка не входит подробное рассмотрение пережитков родового строя у алтайцев — это составит предмет специальной работы[164], мне хотелось кратко указать еще на одно обстоятельство, упускаемое из виду обычно всеми исследователями, именно — на следы существования у алтайцев рабства. У меня недостаточно материала для решения вопроса — переживали ли алтайцы рабовладельческую формацию, но элементы рабства у алтайцев были довольно ясно выражены еще при переходе в русское подданство.

Известно, что в Джунгарии, в состав которой входили и алтайцы, рабство играло значительную роль. Ремесленники в джунгарских городах были рабы, среди которых, между прочим, не мало было и русских военнопленных. Например, «Ефим Вяземский в Еркене плавил серебряную руду... Иван Михайлов плавил в Урге медную руду и лил пушки»[165].

Большое значение в Джунгарии имела работорговля, происходившая в половине XVIII столетия на Иртыше у озера Ямыш, где была построена русскими Ямышевская крепость. В работорговле большое участие принимали джунгары, бахарцы, входившие тогда также в состав Джунгарии, русские и казаки («киргизы»). Казакская степь в это время была большим рынком рабов. Когда в пятидесятых годах XVIII столетия в Джунгарском ханстве начались политические междоусобия, казаки совершали набеги на Джунгарию, проникали в глубь Алтая (до рр. Чуи и Катуни), брали алтайцев в плен и уводили в свои степи в качестве рабов. Эти рабы из алтайцев были известны у казаков под названием «теленгут». Название алтайского племени «теленгит» обратилось в нарицательное название для раба. И до самой Октябрьской революции крепостные казакских монапов, потомки рабов из алтайцев, носили название «теленгут».

У алтайцев сохранилось много преданий о набегах казаков на Алтай, и в этих сказаниях особенно часто фигурирует казакский полководец Коч-

---

[164] Такая работа, под названием: „Докапиталистические пережитки у саяно-алтайских народов", приготовлена к печати С. А. Токоревым.

[165] Материалы для Истории Сибири в чтениях... за 1867 г., кн. 1-я, стр. 153.

корбай, славившийся жестокостью и смелостью, воевавший с алтайским зайсаном Эрельдеем. По рассказам алтайцев, казаки вели пленных пешком, во время ночлега закатывали в войлок, концы которого завязывали, и затем ставили караульных. Алтаец Суртаяк, имевший при себе небольшой нож, ночью прорезал кошму и счастливо убежал. Его потомство живет теперь на р. Ише в деревне Суртаевской.

Значительную часть пленных алтайцев киргизы продавали в Ямышевской и Семипалатинской крепостях, где их выменивали на товары русские купцы, называя «калмычатами». «Купленных детей русские купцы отвозили целыми партиями для перепродажи на Ирбитскую ярмарку»[166].

Помимо купцов, алтайцев охотно покупали русские чиновники, которые таким образом обзаводились собственной дворней. В 1757 г. был издан даже специальный сенатский указ, разрешавший чиновникам крепостей выменивать «калмычат». Отменено рабство алтайцев и других племен, находящихся во владении у русских, только в 1825 г. особым указом, но фактически оно продолжало существовать гораздо позднее[167]. Алтайцы не являлись только об'ектами для работорговли. Есть совершенно точное указание на существование рабов и у самих алтайцев. Рабовладельцами являлись преимущественно зайсаны и демичи, добывавшие рабов путем военных операций и торговавшие рабами. Имели рабов и богатые алтайцы. Имеются указания, что алтайские зайсаны и баи не только торговали рабами, но и держали их в холопах, т.-е. держали их для потребностей хозяйства. В «Материалах для истории Сибири» говорится: «У зайсанов и других калмык показано по нескольку холопей; так у семейства Омбы было 8 холопей»[168]. В другом документе указывается «зайсан Бурут имел в холопстве мужчину Аширa и бабу Даулат, которые были признаны русскими, в детстве взятыми в плен, во время нашествия Духара»[169].

Нередко зайсаны и демичи «дарили», т.-е. давали в виде взятки русским чиновникам рабов. В 1756 г. демичи зайсана Булжугай подарили капитану Траунбергу «в вечное услужение... мальчика и девку». Зайсан Бату Менко «подарил поручику Степанову калмычонка». Капитан Долгов получил в подарок мальчика, Сержант Ердыкеев «раненую бабу с сыном». Регистратор Девятигравский — «бабу с двумя малолетними сыновьями»[170] и т. д.

Все эти данные позволяют констатировать наличие элементов рабства и работорговли у алтайцев во второй половине XVIII столетия, но не являются достаточными для суждения о том — проходили ли алтайцы в своем историческом развитии рабовладельческую стадию. Дополнительные исследования по архивным документам, древним литературным источникам о

---

166 Историч. очерк Зап. Сибири в царств. императора Александра II. Памятная книжка Зап. Сибири. 1882 г.

167 См. Шашалов. Рабство в Сибири.

168 Чтения... 1866 г., кн. 4-я, стр. 93. Под калмыками имеются в виду „алтайские калмыки".

169 Чтения... 1867 г., кн. 2-я, стр. 280.

170 idid, стр. 158, 159.

Джунгарии, наконец, эпос алтайцев могли бы пролить свет на этот существенный вопрос, в решении которого, мне кажется, смог бы сыграть известную роль и археологический материал. Но такое исследование не может войти в пределы моего краткого очерка.

9. НАЧАЛО КОЛОНИЗАЦИИ и АЛТАЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ

В первой половине XVIII века, когда алтайцы входили в состав Джунгарии, русские поселения едва достигали подошвы Алтая, примыкая к горам вдоль больших рек: Иртыша, Чарыша, Бии, Томи.

Пограничными русскими пунктами были на реке Томи — Кузнецкий острог (основан в 1618 г.), на реке Бие — деревня Иконникова, близ слияния Бии с Катунью, на реке Чарыше, — деревни демидовских крестьян Харлова и Кабонья[171], на реке Иртыше — Усть-Каменногорская крепость. Между этими пунктами и реками в 1755 г. был выстроен сплошной ряд форпостов, крепостей, редутов, острогов, маяков, представлявших собой две линии, называвшиеся Кузнецкой и Колывано-воскресенской казачьими линиями. Кузнецкая линия соединяла Кузнецк с Колывано-вознесенским заводом, построенным А. Н. Демидовым в 1726 г., сначала на реке Локтевке, но через год перенесенным на реку Белую. Вторая линия соединяла Колывано-воскресенский завод с Иртышом. Кузнецкая линия состояла из 9 крепостей и 53 редутов. Часть Кузнецкой линии, примыкающая к Колывано - воскресенскому заводу в шестидесятых годах XVIII столетия, была усилена новыми укреплениями, идущими от Бийска (основанного в 1710 г.), и переименована в Бийскую казачью линию.

Южнее русских пограничных линий кочевали алтайцы. Постепенно русское население стало переходить пограничные казачьи линии и селиться на привольных местах алтайских кочевий. Первоначально заселение кочевий производилось беглыми заводскими и государственными крестьянами. Какие же причины побуждали этих крестьян к бегству за пограничную линию? Причины, заставлявшие крестьян спасаться бегством, таились в невыносимо тяжелых условиях, в какие были поставлены сибирские крестьяне к половине XVIII века и позже. Развивающаяся горнозаводская промышленность в Алтайском округе требовала большого количества дешевой рабочей силы. Государственные крестьяне, жившие в этом крае, не имели никакой нужды пойти работать на заводы (где, кстати сказать, оплата труда была крайне низкой) так как крестьяне, благодаря малой населенности Сибири, имели много земли, которая вполне обеспечивала им существование. Еще больше земли имели русские казаки, обрабатывавшие свои поля при помощи наемного труда. Поэтому, чтобы обеспечить государственные заводы достаточной рабочей силой, нужны были принудительные меры, ну-

[171] Демидов был крупный горнозаводчик, имевший свои собственные заводы на Урале и в Сибири, обслуживаемые трудом крепостных, прикрепленных к заводам крестьян. В 1747 г. по указу императрицы Анны заводы Демидова были взяты в казну.

жно было внеэкономическое принуждение. Появились царские указы, приписывающие государственных крестьян целыми селениями и волостями к определенным заводам, с обязательством выполнять на этих заводах различные работы по указанию заводского начальства. Совершилось прикрепление государственных крестьян к заводам. По существу царские указы вводили для значительной части сибирских государственных крестьян настоящее крепостное право, только в особой форме. Крестьян прикрепляли не к земле, а к заводам и распоряжались крестьянами не помещики, а заводское казенное начальство. Крестьяне должны были отрабатывать заводскую «барщину», отнимавшую у них почти все рабочее время. При таких условиях у крестьянина нехватало времени заниматься своим хозяйством, отчего хозяйство приписных крестьян пришло в страшный упадок, что резко снизило жизненный уровень приписных крестьян. Заработная плата за заводские работы крестьянам на руки не выдавалась, а перечислялась заводом в казну, в счет уплаты податей[172]. Тяжелое материальное и правовое положение и невыносимо тяжелые условия военнозаводского режима заставляли приписных или, как их еще называли, горнозаводских крестьян бежать за пограничную линию, в Алтайские горы.

Появившись в новых местах, беглые колонисты быстро ориентировались и вскоре же начали захватывать большие участки земли, образуя целые селения. Местами процесс захвата земель у алтайцев горнозаводскими крестьянами развивался и расширялся настолько быстро, что в 1814 г. начальник Томской губернии счел необходимым обратиться к генерал-губернатору Западной Сибири с указанием на тяжелое положение некоторых «ясачных инородцев», явившееся результатом колонизации. Он писал: «Оные ясачные, у коих отобраны земли горными крестьянами, требуют особое внимание, ибо нельзя без сожаления смотреть, видя, какую бедность терпят кочующие кумандинцы, к которым с 1801 г. по 1802 г. внедряются крестьяне и захватывают их земли. Теперь много кочует семейств без всяких юрт, в полушалашах, при разложенном огне, полунагие и питаются по большей части кореньями сараны».

К 1825 г. к югу от Колывано-воскресенской линии уже было образовано 21 русское селение, составившее целую Алтайскую волость.

С этого времени русскому начальству начинают поступать от алтайских зайсанов многочисленные жалобы на земельные захваты со стороны русского населения. В 1828 г. кочевавшие за Бийской пограничной линией алтайские зайсаны: Бакай Бекитов, Кыстай Казаков, Найманак Кучугешев, Мотрей Битюгин, Кучугет Тетухин, Селтуй Анюков, Юдакин Кускулев вместе с демичами и «лучшими людьми» — подали жалобу сенатору Безродному и князю Куракину, командированным в 1827 г. для ревизии Западной Сибири, на происходящие заселения русских в пределах их кочевий и стеснения их крестьянами в пастбищах и звериных промыслах «отчего они с нуждой могли внести в казну ясак за минувший 1827 г., по-

[172] Только после царствования Екатерины II крестьяне стали получать заработную плату на руки.

чему просят об избавлении их от такого стеснения (со стороны) крестьян и воспрещении последним заселения в местах инородцам принадлежащих»[173]. В 1832 г. зайсаны 1, 2, 5, 6 и 7-ой дючин просили ясачную комиссию избавить их от притеснения заводских крестьян. Ясачная комиссия расследовала эту жалобу и нашла, что просьба калмыков (алтайцев Л. П.) вполне справедлива. Крестьяне заводского ведомства и люди других сословий самовольно селились на их землях. Некоторые из этих колонистов имели там только временные заведения для хлебопашества, пчеловодства и скотоводства, другие — заводили целые деревни. Соседство тех и других с калмыками губительно действовало на промышленность последних. Колонисты вылавливали в инородческих угодьях зверей, рыбу, предупреждали калмыков в сборе ягод, орехов и дикого меда. Мало этого, колонисты разоряли инородцев своим воровством и грабежами. Так, например, в сентябре 1829 г. один калмык был ограблен на 1800 рублей и затем убит. Ясачная комиссия нашла, что «выманивать у калмыков добычу разными средствами за бесценок сделалось уже обыкновенным между поселенцами. Но есть еще другие средства отнимать у них собственность, — это штрафы за потоптанные калмыцкими стадами посевы крестьян... Известно, что скотоводство у калмыков весьма обширно и пастбища их не могут быть определены в точности, ибо стада, их, в течение всего года, оставаясь на подножном корму, необходимо должны постоянно переходить на новые, изобильные кормом места. Следовательно, подобные заведения крестьян на калмыцких землях есть не что иное, как новые верные средства к насильственным поборам с этих беззащитных дикарей»[174].

Жалобы алтайских зайсанов не имели благоприятных результатов. Сибирское начальство, почувствовав в жалобах зайсанов предупреждение, что захват земель может повлечь за собой неисправный и уменьшенный взнос ясака, дало распоряжение о запрещении дальнейшего заселения калмыцких стойбищ. Однако вольная колонизация на Алтай продолжалась, несмотря на запрещение. Сколько-либо организованных форм эта колонизация не приобрела, хотя зачатки такой организации можно усмотреть в создании на Алтае духовной миссии в 1828-30 годах. Алтай в то время был мало известен даже самой сибирской администрации. Долгое время русское крепостническое правительство не имело стремления заселять Алтай русским населением, хотя отдельные голоса в пользу этого и раздавались (из Алтайской духовной миссии, из Томского губернского управления). Правительство довольствовалось тем, что земли этих входили в состав Российской империи и усиленно выкачивало от «инородцев» пушнину в виде ясака. Здесь весьма кстати вспомнить слова В. И. Ленина, писавшего, что «крепостническая политика состоит в стеснении переселения, в бюрократической опеке вся-

---

[173] Запрос общего управления Томской губ. канцелярии Колывано-воскресенского горного начальства от 22 марта 1828 г. за № 712, последовавший вследствие указанной жалобы. Архивн. дело управл. Алт. округа № 3993. Рукопись Гуляева и Семьянова.

[174] Шашков. Сибирские инородцы в XIX столетии, стр. 604.

кого передвижения населения»[175]. Это и понятно. Крестьянское население России в то время было прикована крепостным правом к помещикам и не могло переселяться в Сибирь, в частности в Алтай как это случилось после отмены крепостного права. Сибирские крестьяне были прикреплены целыми волостями и уездами к заводам. Поэтому большого наплыва переселенцев на Алтай, как было позднее, особенно после аграрных движений 1905 г., по условиям того времени, не было, и сибирскому начальству не приходилось заниматься вопросами переселенческого движения на Алтай до семидесятых годов. До этого заселение Алтая происходило в случайном, неорганизованном порядке, за исключением колонизационной деятельности Алтайской духовной миссии.

Учреждена Алтайская миссия была в 1828 г. Практическую деятельность развернула в 1830 г., по приезде в город Бийск потом в село Майму основателя миссии архимандрита Макария (Глухарева). Задача миссии состояла в распространении и укреплении христианства среди алтайцев в целях скорейшего их ассимилирования и слияния с русской народностью. Миссионерские проповеди известны были алтайцам еще в XVIII веке, но указами от 1789 и 1799 г. миссионерские должности были упразднены, и алтайцы, обращенные в христианство до образования Алтайской духовной миссии, возвратились к шаманству, за исключением немногих семей, успевших обрусеть (в селе Майме, Березовке, Тарханском и 4 семейства в Улале).[176].

В деле развития миссионерства на Алтае выдающуюся роль сыграл основатель Алтайской духовной миссии архимандрит Макарий (Глухарев). Макарий был незаурядной фигурой. Прекрасно образованный, талантливый, владевший многими языками[177], будучи хорошо связан с высокопоставленными особами Петербурга и купечеством Москвы, Макарий начертал и начал проводить буржуазную программу деятельности миссии, опередив на много общественно-политический уровень своего времени. Развернуть свою деятельность по программе Макария Алтайская миссия смогла только в начале нашего столетия.

Макарий, прежде всего, сделал миссионерскую деятельность постоянной, систематической, упорной, «ибо в нашей службе — писал он, — делание без хранения оказывается тщетным и суетным»[178]. Получив при отправлении на Алтай допотопную, тощую миссионерскую инструкцию, изданную Синодом в 1769 г., Макарий сам создал методику миссионерского дела на Алтае, которая нашла свое применение впоследствие и в других местах. Макарий впервые начал применять положение 1826 г. о новокре-

---

[175] Ленинский сборник, XIX, стр. 465.

[176] Письма архимандрита Макария Глухарева. Казань, 1905, стр. 15.

[177] Макарий знал даже древнееврейский язык. Он был первым, кто перевел библию с древнееврейского на русский язык. Он изучал философию и филолога Гердера, ботаников Линнея и Декандоля, астронома Гершеля и др.

[178] Письма, стр. 535.

щеных, дающее им на первое время освобождение от всяких податей и повинностей.

Какова же была буржуазная программа христианизации Алтая, начертанная и частично осуществлявшаяся Макарием?

Ее главная особенность заключалась в методе обращения некрещеных в православие и целевой установке: не только окрестить «инородца» и сделать его «истинно русским» сыном царя небесного и земного, но и сделать его оседлым, грамотным и заставить его перейти к более культурному и рентабельному, капиталистическому способу ведения хозяйства. Эта программа требовала от миссионера образования, широкого кругозора, непременного знания языка алтайцев, основ естественных наук и медицины и основательного знакомства с сельским капиталистическим хозяйством. Макарий выписывал в миссию книги по сельскому хозяйству русские и иностранные, семена растений, лекарственных трав, сельскохозяйственные орудия и т. п. Макарий впервые стал переводить на алтайский язык молитвы и богослужение. Макарий же впервые в истории миссионерства организовал работу с новокрещеными женщинами, создав для этого при миссии штат женщин «помощниц миссии», на обязанности которых возлагал обучение новокрещеных алтаек уходу за ребятами, шитью, приготовлению хлеба, заставлял своих помощниц изучать медицину, в частности акушерство, чтобы практиковать среди алтайцев медицинскую помощь.

Планы Макария простирались до создания реформы миссионерского дела во всероссийском масштабе. Он предлагал учредить миссионерский институт. Его проекты дошли до царя, но синод провалил все проекты Макария, к которому относился не совсем дружелюбно за его упорные споры с Синодом из-за издания библии на русском языке, перевод которой, впервые на русском языке, сделал Макарий. Синод был против допущения в народные массы полной противоречивых и нескладных легенд библии и предпочитал пользоваться авторитетом библии без доступа к ее содержанию со стороны верующих. Кроме того, имя Макария неоднократно было скомпрометировано им лично. Он был известен, как человек, зараженный духом глубокого мистицизма. Никто иной, как Макарий, имел общение с лютеранским пастором Дитрихом, французским аббатом Отран. Под влиянием этого общения Макарий мечтал о соединении церквей православной, римско-католической и лютеранской. Это Макарий однажды молился вместе с сектантами квакерами. Это Макарий пытался привлечь к миссионерскому делу на Алтае сосланных в Сибирь декабристов[179].

Все это вызывало настороженное отношение к нему высшего духовного начальства, а, главное, совершенно не соответствовало духу времени беспросветно-темной, крепостнической России. Особенно это должно было пугать и раздражать, едва образованное, закоснелое в невежестве и умствен-

---

[179] Макарий был знаком с тобольскими декабристами М. А. фон-Визиным, П. С. Бобрищевым-Пушкиным, П. Н. Свистуновым. См. Письма, стр. 40.

ной лени, но властное духовное начальство. Смелые проекты Макария были похоронены.

Чтобы покончить с деятельностью Макария, добавлю несколько слов о методах крещения алтайцев, разработанных им и применявшихся на практике и в дальнейшей деятельности миссии, почти до Октябрьской революции.

Дело начиналось обычно с индивидуальной обработки намеченного к крещению алтайца. Добившись всевозможными путями (от уговоров до угроз) согласия на крещение, кандидата в христианство подвергали оглашению, крестили, составляли письменное обязательство верности новокрещенного христианству и заставляли крестившегося приложить руку к этому документу. Не трудно представить психологическое воздействие бумажного документа на неграмотного, отсталого алтайца, который с трепетом прикладывал руку к обязательству, рисуя себе возможные последствия нарушения этого обязательства в виде заключения в русскую тюрьму, наказывания розгами и т. п. Мало того, для постоянного наблюдения над каждым новокрещеным Макарий ввел институт крестных отцов. Крестный отец был ответственен за религизное мировоззрение крестника и был обязан следить за ним, обращаясь, в случае необходимости укрепления влияния, к миссионерам. Далее новокрещенного заставляли селиться оседло среди крещеных, давали ему некоторые льготы по платежам ясака, небольшую материальную помощь для обзаведения хозяйством и прочно прикрепляли к лону церкви. Противодействующим и тормозящим миссионерскую деятельность некрещеным алтайцам Макарий грозил губернаторским предписанием об оказании Макарию помощи «гражданскими чинами». Вид только одной печати уже производил впечатление на алтайцев, и они уступали Макарию.

Каково же было отношение алтайцев к миссионерской проповеди? Среди разных социальных групп алтайцев отношение к христианизации и руссификации было различно. Если возьмем отношение рядовых крестьян-алтайцев, то его не трудно выявить и определить из записок и дневников самих миссионеров. Вот обычная картинка в описаниях миссионеров: «калмыки (т.-е. алтайцы. Л. П.) здесь так дики, что не желали иметь с нами никакого дела, все разбежались от нас в разные стороны, оставляя пустые юрты, с приставленными к дверям лесинами, в знак того, что никого в юрте нет. На берегу Катуни мы увидели человек около пяти калмыков, удивших рыбу, пошли к ним, но они до того засуетились и с такой поспешностью побросались в лодку, что один не успел захватить и уды; переплыли реку и скрылись в лесу»[180]. Миссионер Ландышев описывает другой факт. Некрещеная жена зайсана об'явила, чтобы я поучил вере христовой и детей ее и надел на них кресты. Но они как звери разбежались из юрты, и хотя удалось ей поймать одного, но и этот вырвался от нее, искусав ей руки, и отправился на лыжах за своими братьями[181]. Более яркий слу-

[180] Из путевых записок Вербицкого за 1854 г.
[181] Из писем Ландышева. Москва. 1847 г., стр. 15.

чай отношения к крещению приводит в своих записках за 1860 и 1861 гг. миссионер И. Смольников. Миссионер Смарагд привез в Кебезенский миссионерский стан молодую девушку, тайком от родственников убежавшую креститься. Родители погнались за ней. Когда они приехали в Кебезень, им сказали: «Торты уже окрещена». Услыхав это, «мать Торты повесилась на березе, саженях в 20 от церкви под яром»... Муж ее, старик Апанас, узнавши, что жену нашли удавленной, взял жердь и бросился на народ, обступивший его жену. Народ обратился в бегство, а старик бросился на отца Смарагда, но последний успел выхватить жердь из рук старика. Тогда Апанас схватил отца Смарагда за шею, разорвал на нем подрясник и рубашку, и оба они скатились с отвесного яра, сажен в 10 вышины, в реку Кебезень, но к счастью ни тот, ни другой опасно не ушибся»[182]. Миссионер Вербицкий рассказывает из своей практики, что при проповеди не успевшие разбежаться алтайцы затыкали пальцами уши[183]. Исследователь В. И. Верещагин пишет: «Мне лично пришлось убедиться в том, что инородцы Чулышманской долины с нескрываемой ненавистью относятся к тамошнему монастырю»[184]. Поэтому помимо проповеди и убеждения миссионеры для обращения алтайцев в христианство прибегали часто к помощи русской администраци. Тот же Верещагин пишет про рощу в селении Онгудай, «в которой секли инородцев для обращения их в христианство» (стр. 20.).

Несколько иным было отношение к крещению у беднейших слоев алтайцев, которые в крещении видели спасение от голодной смерти. Сами миссионеры вынуждены были оттенить это обстоятельство. «Переход в христианство начался с бедных, бесприютных, загнанных»—пишется в одном из отчетов миссии[185].

Крестились добровольно, первоначально исключительно разорившиеся бедняки и калеки: «слепая вдова Южской волости Домна, с тремя малолетними дочерями (2-11 лет), не имеющая ничего, кроме кое-как связанных грязных овчинных лоскутьев, напоминающих, что и они когда-то давно имели шубы». Нищий «по имени и состоянию» Тербезен. Слепая вдова Чуньдужек с 4 детьми «У них нет ни одежды, ни обуви, они прикрыты кой-какими лохмотьями». «Сирота девица Кол (21 г.) и сестра ее Илябас (13 л.), «15-летняя девица Эркэ, владеющая только одной ногой». «Слепая Кереспесь Якушева, с тремя сиротами, малолетними детьми, в ужасной нищете, нигде не находившая пристанища, между некрещеными, погибавшая от холода и голода»[186]. Подобный список новокрещеных можно бесконечно удлинить. Материальное положение новокрещеных отлично сознавали миссионеры. «Наши новокрещеные очень бедны, — писал иеромонах Дометиан, — и без материальной помощи миссии обойтись не могут;

---

[182] Душеполезное чтение, 1862, июль.
[183] Из путевых записок за 1854 г.
[184] От Барнаула до Монголии. Алт. сборник, т. IX, 1908 г., стр. 18.
[185] Отчет Алт. дух. миссии за 1888 г., стр. 29.
[186] См. Миссионерские записки в журнале „Душеполезное чтение" за 1860—61, 64, 65, 67 г.г.

у кебезенцев в настоящее время у всех будет не более 20 лошадей и 30 коров. Спрашивается, на чем инородцу ехать за орехами или на промысел за белкой, — нет лошади, нет и хлеба, так обыкновенно бывает у нас»[187].

Неудивительно поэтому, что решившиеся принять христианство алтайцы бедняки прежде всего были озабочены получить материальную обеспеченность. Многие из них требовали сначала материальное пособие, а потом за это давали обещание креститься. Естественно, это несколько шокировало миссионеров. «Излишние пособия — заявлялось печатно — возбуждают в новокрещеных излишние надежды на даровой кусок хлеба. Надежда, если она находит себе удовлетворение со стороны миссии, ведет новокрещеного к тому вредному убеждению, что Миссия обязана ссужать его всеми вещами, необходимыми для его безбедного существования»[188].

Крестившаяся беднота рассматривала крещение, как продажу себя русским и потому требовала платы за крещение. Бывали случаи, когда приведенный в отчаяние бедняк ходил по селу и продавал своих детей и, не найдя покупателей, отдавал детей в миссию[189].

Можно категорически утверждать, что не столько «красноречивые» проповеди миссионеров и христианская концепция привлекла к крещению алтайскую бедноту, сколько тяжелое материальное положение, чего не могли утаить и миссионерские записки и отчеты. Посмотрим теперь, какое отношение встречала Алтайская духовная миссия среди зайсанско-байской эксплоататорской верхушки. Исследование выявляет двоякое отношение этой части алтайцев к миссии. С одной стороны, у миссионеров есть не мало указаний, что все «лучшие люди», т.е-. богачи, башлыки, зайсаны непременно крестятся и, крестившись, сами призывают к этому своих соплеменников. Крестившиеся зайсаны содействовали миссии в построении церквей. Зайсан Баробош выстроил церковь в теперешнем селе Александровке и насильно заставил окреститься живущих вблизи своих подданых. Зайсан Комлянской волости М. В. Тобоков выстроил на свои средства церковь в селе Паспауле и в селе Карасуке. Улаганский богач алтаец Белей построил «великолепный храм на устье реки Башкаус» и был представлен миссией к серебряной медали для ношения на шее. Сын Белея Константин выстроил молитвенный дом на реке Сартан (приток Башкауса). Крещеный торговец Семен Тантыбар, будучи на Каракеме по торговым делам, убедил 30 человек бывших двоеданцев принять православие. По выражению миссионеров Тантыбар «к земной торговле присовокупил небесную куплю». Николай Токочаков, бай и торговец, будучи некрещеным, выстроил храм в Бешпельтире (1-я дючина). Жена зайсана Баробоша после смерти мужа строит церковь в селе Бирюле. Вдова убитого телеута, торговца, и бая, строит церковь в Черном Ануе и в селе Ильинском. Бай-ростовщик Тыдыков Павел жертвует на постройку церкви около 1000 рублей и т. д.

[187] Записки Кебезенского миссионера за 1864 г. Душеспас. чтение, 1865.

[188] И. Солодчин. Алтайская миссия. Домашняя беседа, 1868, стр. 910-911.

[189] Записки миссионера Дометиана за 1864 г. Душеспасит. чтение. Октябрь, 1865 г.

С другой стороны, у миссионеров же встречаем много жалоб на алтайских зайсанов и богачей, как «исконных врагов христианства», которые жестокими пытками и преследованиями своих подданых заставляли их отбрасывать всякую мысль о крещении, которые «кощунствовали над святыми иконами, угрожали разорению церкви, разлучали супругов, отбирали у мужей жен, крестившихся лишали общественных должностей, отбирали у них имущество; жестоко наказывали розгами (иногда до 100 ударов) и нагайками, морили голодом, подвергали пыткам до уродования рук и ног: бывали случаи убийства новокрещеных и захвата их имущества; взыскивали с новокрещеных лишние подати» и т. д.[190].

Необходимо выяснить, в чем заключались причины такого двоякого отношения зайсанско-байской верхушки к духовной миссии, почему миссия «только в лице крещеных зайсанов и находит себе поддержку и, напротив, некрещеные власти служат главными камнями преткновения на пути ее благотворительной деятельности на Алтае»[191]; почему одни зайсаны и баи крестились, другие, напротив, всячески противодействовали крещению себя и своих соплеменников. В чем тут дело?

Сама миссия стояла на верном пути к об'яснению различного отношения со стороны зайсанско-байской ворхушки, и указывала, что «алтайские калмыки (т.-е. «алтайцы», «теленгиты». Л. П.), в отличие от алтайцев северного Алтая (шорцы, кумандинцы, тубалары) оказывают самое упорное сопротивление христианизации. Причиной этого миссионеры считали «скорее экономическое положение, чем племенное различие». «Западный Алтай, — пишут они, — находится в вековой зависимости немногих богатых родовичей, которые, видя в христианстве опасного врага их исконному преобладанию над остальным населением, всегда упорно противодействовали проповеди евангелия»[192].

Миссионеры, конечно, правы. Не в племенном различии заключались причины отношения тех или иных алтайцев к христианизации. Дело в том, что феодальная зайсанско-байская верхушка жила преимущественно в южном и западном скотоводческом Алтае, где сосредоточивалось 6 алтайских дючин из семи и две «чуйские волости», населенные теленгитами. Население именно этих административных единиц и фигурирует у миссионеров под названием «алтайских калмыков». И в этих-то районах миссионерская проповедь была наименее успешной. Алтайские баи и зайсаны прекрасно сознавали, что христианизация их подданных означает фактически потерю крестившихся подданных. Крещение в сильной степени ослабляло зависимость алтайцев от зайсанов, крещеные алтайцы становились зависимыми в большей степени от миссионеров и русской администрации, чем от зайсанов. Таким образом, становится понятным противодействие алтайских некрещеных зайсанов и баев обращению в православие своих соплеменников, ибо крещение означало потерю возможности монопольно эк-

---

[190] Отчет Алт. дух. миссии за 1884 г.
[191] Отчет за 1888 г. стр. 23.
[192] Отчет Алт. дух. миссии за 1909 г., стр. 37-38.

эксплоатировать трудящихся алтайцев. Крещение несло руссификацию. Руссификация означала переход монополии эксплоатации алтайцев к русским эксплоататорам и подрывала политическую и экономическую мощь зайсанско-байской верхушки. Вот почему алтайские зайсаны и баи так долго и упорно сопротивлялись христианизации. Это была борьба феодальной верхушки против опасности потерять политическое, экономическое и бытовое влияние на алтайцев, потерять условия преимущественной их эксплоатации. Зайсаны указанных районов Алтая ориентировались на укрепление связей с китайским правительством, с китайским торговым капиталом, конкурировавшим в Монголии, и частично в Алтае, с русским торговым капиталом. В скотоводческих районах Алтая, как увидим дальше, вырос национальный алтайский капитал на базе товарного скотоводства, путем перерастания феодального байства в буржуазное. И южный алтайский национальный капитал вплоть до революции упорно противопоставлял себя русскому торговому капиталу, конкурировал с ним и поэтому активно боролся против всего русского и в особенности против христианизации.

Не так обстояло дело в северных, таежных районах Алтая, где байство выросло на иной производственной основе и являлось крестником русского торгового капитала. Байство северных районов Алтая выросло на базе посреднических, торгово - ростовщических операций, забрав в свои руки сбыт продуктов таежного хозяйства: пушнины и ореха. Почти все без исключения баи таежных районов северного Алтая, развертывая свои посреднические операции, находились на положении приказчиков, агентов русских купцов, всецело зависимых от своих патронов, и лишь немногие из них вели крупные самостоятельные торговые операции, например Тобоков М. В. Но и Тобоков был тесно связан с фирмой бийского купца Бодунова, от которого Тобоков во многих отношениях все же являлся зависимым.

Вот эта-то тесная связь с русским торговым капиталом баев и зайсанов, также занимавшихся торговлей, связь, от которой зависело существование многих таежных или черневых баев, и была причиной того, что зайсаны и баи черневых районов не только не сопротивлялись христианизации, а напротив крестились сами и всячески способствовали миссионерам обращать в православие и соплеменников. Строили церкви и жертвовали деньги на постройку церквей, главным образом, зайсаны и баи северного таежного Алтая, как правило все торговцы-скупщики. Баи и зайсаны северного Алтая находили более выгодным не противопоставлять себя русскому торговому капиталу, русской администрации, церкви, а быть в союзе с ними, чтобы обеспечить себе возможность эксплоатации соплеменников.

Вот в каком виде представляется отношение различных социально-экономических групп населения алтайцев к деятельности миссии.

В свою очередь и сама Алтайская миссия неодинаково относилась к различным социально - экономическим группам алтайцев. Малоимущих, особенно молодых, новокрещеных алтайцев миссионеры отдавали «для обуче-

ния правилам христианской жизни и домохозяйству»[193] зажиточным оседлым «инородцам», т.-е. фактически в батраки. Миссионеры всячески вмешивались в дела и семейную жизнь крестьян-алтайцев, стараясь забрать влияние в свои руки. Миссионер Матвей Бенедиктов в селе Чепош даже судил алтайцев, вмешивался в семейные дела и виновных, с его точки зрения, заставлял отбивать поклоны в церкви, в количестве от 50 до 300, в зависимости от «проступка». Провинившийся отбивал поклоны в присутствии псаломщика, на обязанности которого лежал счет отбиваемых поклонов. Степан Тозыков, например, отбил 50 поклонов за то, что вез сено в воскресенье и попался на глаза миссионеру. В миссионерских селениях миссионеры были полными хозяевами, и даже крещеный алтаец не мог поселиться в том или ином миссионерском селении без согласия миссионера. Зато к зайсано-байской верхушке миссионеры относились по-иному. Миссия всячески добивалась, чтобы зайсаны, башлыки, демичи были бы из крещеных алтайцев. Миссия выхлопотала у томских губернаторов, Ломачевского в 1897 г. и Гондатти в 1900-х годах, распоряжение о выборности в зайсаны и помощников из крещеных зажиточных алтайцев. На сопротивляющихся крещению зайсанов и влиятельных богачей миссия писала доносы уездному и губернскому начальству и стремилась укротить непокорных при помощи высшей администрации. Например, зайсан Барабош в свое время слыл у миссии, как жестокий активный противник и гонитель православия. Однако, после поездки, по вызову губернатора, в город Томск, он вернулся «убежденным» христианином и усердным ревнителем православия и заставлял подчиненное ему население креститься, прибегая для этого к мерам физических угроз и воздействий.

Каковы же были и в чем выражались результаты деятельности миссии, в задачу которой входило и просвещение алтайцев.

К 1900-м годам из 30000 населения Горн. Алтая миссия окрестила 9991 ч. алтайцев за 70 лет своей деятельности. Она выстроила 40 церквей, молитвенных домов и 30 школ с охватом 600 учащихся обоего пола[194]. Несмотря на то, что за последнее время работы начальником миссии был митрополит Макарий 2-й, который с шестидесятых годов был прочно связан с широко известным Н. И. Ильинским, жившим в Казани, проводил в работе среди алтайцев систему Н. И. Ильинского[195], рекомендовавшего осуществлять привлечение к церкви «инородцев» через богослужение и школу на родном языке и создавать кадры миссионеров и учителей из среды «инородцев»; невзирая на более утонченные приемы проповеди, например, сопровождение проповеди световыми картинами, что привлекало массу алтайцев, или организация дружинной проповеди, производившейся дружинной «бригадой» миссионеров с торжественным богослужением, хоровым пением, световыми картинами из священного быта, — цель миссионеров осуществлялась медленно и с большими трудностями.

[193] Записки миссионера о. Смарагда за 1865 г.
[194] Швецов, т. I. Таблицы. Приложение II и III.
[195] П. В. Знаменский. Несколько материалов для истории Алт. дух. миссии и участия в ее делах Н. И. Ильинского. Казань, 1901.

Алтайцев снабжали большим количеством книжек, написанных на алтайском языке, но русской транскрипцией. Эти книги были исключительно духовного агитационного содержания, так как «другой род литературы вызывает у политиков инородческого вопроса только улыбку. Зачем, говорят, искусственно вызывать явления, в которых эти люди не нуждаются, не имеют понятия и без них могут прожить спокойно» писал безымянный автор в сибирском журнале. Инородческий вопрос. Восточное обозрение 1884 г. № 33.

Однако, все эти разносторонние меры и приемы миссии не дали прочных результатов, особенно в районах, удаленных от русского населения. И когда в 1904-5 году в Алтае вспыхнуло национальное освободительное движение крестьян-алтайцев, вылившееся в религиозную форму — бурханизм, крещеные алтайцы массами стали отходить от чуждого и навязанного им православия. И начальник миссии епископ бийский Макарий, вместе с бийским исправником Тукмачевым приехал в Алтайские горы усмирять «бунтовщиков». Он отслужил молебен в селе Усть-Кане на церковной площади для войска Тукмачева ,«осенил их крестом», окропив святой водой и благословив убивать «заблудших меньших братьев», которых он не мог завлечь в лоно церкви христовой.

10. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

После шестидесятых годов прошлого столетия определяющим моментом в общественной жизни алтайцев являлись земельные отношения, порождаемые русской колонизацией. Поэтому будет правильно рассмотрение периода земельной колонизации начать с характеристики этой колонизации и отношений, вызванных ею.

В начале 60-х годов развивает свою колонизационную деятельность Алтайская духовная миссия. Это выражается прежде всего в организации монастырей, сопровождающейся захватами больших территорий земли у алтайцев. Механика организации монастырей была довольно несложной — это видно из следующих примеров. Под влиянием миссионеров крещеная девица Анна Чевалкова, с девятью другими новокрещеными девушками, возбудила хадатайство об организации Улалинского монастыря. Улалинское сельское общество под воздействием миссионеров дало приговор, от 13 января 1861 г., что оно уступает «добровольно» для устройства монастырской обители земли: для огорода, хлебопашества, сенокошения. Миссия направляет прошение Чевалковой епископу томскому, который ходатайствует об этом перед Алтайским горным управлением. Последнее отводит площадь под просимый монастырь, размером около 7000 десятин. Наконец захват этих лучших в долине реки Маймы земель и оттеснение с них кочующих алтайцев утверждается «Высочайше» (7 февраля 1863 г.). Император отдавал эти земли монастырю в безоброчное пользование на условиях: 1) земли принадлежат горнозаводскому округу и уступаются времен-

йо; 2) если монастырь закроется, земли поступают обратно; 3) если в недрах этих земель откроются металлы или минералы, добыча которых представит выгоду для Кабинета, земли у монастырской общины будут отобраны и монастырю будут предоставлены другие свободные земли[196]. Второй пример — организация Чулышманского монастыря. Этот монастырь возник по инициативе барнаульского купца Малькова, который в ноябре 1862 г. возбудил «ходатайство пред центральной правительственной властью об уступке под монастырь «пустолежащих» земель близ Телецкого озера»[197]. Эти «пустолежащие» земли были уступлены под монастырь на том же основании, как и Улалинскому монастырю, так как организация его была признана желательной в целях распространения «христианства и цивилизации». «Из имеющегося в чертежной Управления Алтайского округа плана усматривается, что участок под монастырь отведен на реке Чулышмане в 36 верстах от устья». «Площадь его равняется 3858 десятин 576 кв. саж. Из коих удобной — 3000 десятины 214 кв. саж.»[198].

Купец Мальков присвоил деньги, собранные им с разрешения Синода путем пожертвования на постройку монастыря, и выстроил только одну церковь, но землю монастырю все-таки дали[199]. Единственно плодородные и лучшие земли всего бассейна Чулышмана оказались у монастыря, как **«пустолежащие»**. Но пустота эта опровергается свидетельствами путешественников, указывающих на плотную населенность Чулышманской долины алтайцами[200]. Стало быть монастырь приобрел землю захватным путем, хотя оформил захват юридическими актами. На этом не кончилась предприимчивость Чулышманского монастыря. Монастырь захватил всю Чулышманскую долину, долину Башкаус и поставил перед живущими там алтайцами необходимость выбора или убираться из долины, или платить монастырю аренду. Алтайцы были вынуждены остаться, так как выселиться из Чулышманской долины можно было ближе всего только в долину реки Чуи, известную бедностью пастбищ и удобных земель. Монастырь построил свое благополучие на арендной плате, приспособив последнюю к местным условиям. За право поставить юрту в этих долинах алтаец должен был платить монастырю 1 руб. в год; за право посеять ячмень — рубль за пуд засеянных семян; за пастьбу скота: крупного 20 коп. с головы, мелкого — 5 коп.; за копну накошенного сена — 10 коп.; за право пользования лесом—1 руб. в год. Если алтаец занимался хлебопашеством, он платил монастырю $^1/_{10}$ урожая под видом «руги». Чулышманский монастырь и по внешнему виду напоминал помещичью усадьбу.

---

196 Дело управл. Алт. окр. № 1345. Рукопись Гуляева и Семьянова.

197 Гуляев и Семьянов.

198 Рукопись Гуляева и Семьянова. Архивное дело Управ. Алт. окр. № 1352.

199 Как открывался и организовывался монастырь. См. Сборник сведений о православн. миссиях, кн. II, Москва 1872 г. Стр. 377 и дальше и отч. Алт. дух. миссии за 1911 г.

200 Bunge, Reise im ostlichen Theil des Altai Gebirges, s. 159-161. Helmersen, Reise nach dem Altai, Beitr zuz kenntn. d. Reiches etc. XIV, 1848 s. 77, 79. Radloff. Aus Sibirien, s. 97-98.

Вначале монастырь жил исключительно земельной рентой. Но к началу нашего столетия он имел около 40 десятин искусственно орошенной пашни, обрабатываемой сельскохозяйственными машинами, маслодельный завод, мельницу, берущую с населения за помол по 5 коп. с пуда, пасеку и т. д. Все же и теперь земельная рента была существенным источником дохода монастыря. По существу монастырь являлся сначала помещичьей, потом капиталистической организацией, широко применяющей наемный труд. В 1909 г. из 30 человек, составляющих население монастыря, «братии» было только 5 человек, остальные же были работники и прислуга.

Кроме организации монастырей миссия производила устройство оседлых поселений среди кочующих алтайцев, которые заселяла только православными русскими крестьянами. Миссионеры заявляли, что переселенцы должны быть «непременно провославные, а не раскольники или сектанты. Полного обрусения инородцев Алтая можно достигнуть только через православное русское крестьянство»[201]. «Инородческие окраины, — писали миссионеры, — смежные с чужеземными государствами, должны быть заселяемы только православными, которые одни могут ассимилировать инородческий элемент русскому и образовать твердый государственный оплот против чужеземных народностей»[202].

Возникнув среди кочевий алтайцев, миссионерские селения захватывали лучшие земли и оттесняли алтайцев. Чиновник Алтайского округа Н.Овчинников дает следующую характеристику русским колонистам миссионерских участков: «Русское население современных миссионерских поселений далеко **не представляет собой лучших элементов и, напротив, выделяет из своей среды разнообразные типы хищников,** от которых прежде всего приходится терпеть новокрещеному алтайцу». «На практике миссионерские селения в их русской христианской части являются такими же очагами земельных захватов, хищничества и ненависти между русскими колонизаторами и кочевыми аборигенами, как и все другие русские поселения в районе кочевий»[203].

О методах и приемах захватов земли у алтайцев русскими переселенцами писали довольно подробно старые исследователи Алтая, иногда миссионеры[204]. Вот некоторые извлечения из их описаний. С. П. Швецов пишет: «Практикуемый переселенцами при захвате прием весьма прост: приезжают с сохами и опахивают кругом калмыцкую юрту, сенокосы выкашивают, остожья ломают. Обитавшему в такой юрте калмыку ничего более не остается, как перенести свое жилище выше, куда переселенцы еще не дошли со своими запашками»[205]. Не менее возмутительные факты захвата и произвола приводят и миссионеры.

«В Урсульском отделении (Алт. миссии. Л. П.) есть новая русская де

---

[201] Природа и население Алтая. Том. епарх. ведом. 1891 № 4, стр. 6.
[202] Отчет Алт. дух. миссии за 1895 г., стр. 20.
[203] К вопросу о поземельном устройстве в Алт. округе, стр. 20 и стр.53.
[204] О земельных захватах много сведений у Швецова в работе „Переселенческие поселки, образованные в 1878 г." Горный Алтай, его население, т. III. в I. Барнаул, 1900.
[205] Швецов. Горный Алтай, т. I. стр. 188.

ревня — Туякта, состоящая десятков из трех семейств, выходцев не из дальних зауральских стран России, но из окрестностей самого Алтая. Не успели новые жители устроиться, как открыли у себя три кабака, при помощи которых и стали обирать падких до вина алтайцев. Деньги, шкуры, скот, арканы, узды — все тащит теперь калмык, в «новую деревню», чтобы добыть вина. Многие, пропившие свое, тащут и чужое, отсюда: воровство, драки, увечья, тяжбы. Но этого мало. Новодеревенцы надумали захватить у калмыков (т.-е. алтайцев. Л. П.) табуны скота даром, под предлогом потравы хлеба, нарочно посеяв его среди самого густого калмыцкого населения (на реке Шебелик); при этом на некоторых нивах, подавших повод к захвату скота, был хлеб только воображаемый: нивы были вспаханы и заборонены, но для избежания лишнего расхода зерном не засеяны»[206].

Приемы захвата земли и имущества алтайцев отличались большим разнообразием в зависимости от изобретательности русских колонистов. Но было бы ошибочно считать, что все русские одинаково занимались экспроприацией земли и имущества у алтайцев. Русских колонистов-крестьян следует рассматривать диференцированно, учитывая классовые различия. И тогда выясняется, что колонистами - экспроприаторами, колонистами эксплоататорами алтайцев являлось русское кулачество. Русские переселенцы из России, каковыми являлись преимущественно маломощные и бедняки-крестьяне, не могли, как об этом будет сказано, дальше, вследствие экономической необеспеченности, уживаться в горах Алтая и селились, главным образом, в степных предгорных районах, нанимаясь первоначально в батраки к зажиточным сибирякам — «старожилам». Напротив, экономически сильные элементы русского крестьянства предгорий Алтая охотно селились в горы, где устраивали заимки, т.-е. кулацкие хутора.

Широко пользуясь грубым насилием, безнаказанным грабежом и эксплоатацией алтайцев, они укрепляли свое хозяйство, начинали заниматься торговлей и быстро богатели. Не случайно поэтому один из старых исследователей подчеркнул рост и эксплоататорскую деятельность русского кулачества в Северном Алтае. Посетив одну из самых пышных и красивых долин северного Алтая, именно—долину реки Лебедь (правый приток Бии), он писал потом в путевых заметках: «Вся лучшая нижняя часть течения с богатейшими кормами, со всеми удобствами для поселения деревень, развития земледельческой культуры и пчеловодства, захвачена русскими купеческими заимками. Таким образом, лебединские татары, прижатые с двух сторон (в верхнем течении находится прииск. Л. П) такой силой, бросают свои старые гнезда и разбредаются по притокам и тесным лощинам, думая там укрыться от нашествия цивилизованного мира, от его обид и притеснений. Большего промаха, кажется, нельзя было сделать, запустив в самое сердце **инородческого населения русских пауков**, которые платят в Горное управление 40 коп. за десятину земли под пасеку, а между тем держат много скота, выкашивают тысячи копен сена, которое продают, спаивают инородцев, приглашая по **доброй воле**, конечно, к себе на помочи для уборки се-

[206] Природа и население Алтая, стр. 4-5.

на. Мало этого, они травят своим скотом поставленное сено инородцев, распоряжаются их землями по собственному усмотрению, бьют их в случае неповиновения нагайками, твердо зная, что кроткий и темный инородец уступит, от всего отступится и уйдет в тайгу. Эти пауки за 40 коп. мнимых барышей горному управлению нанимают десятки рабочих и отправляют их рубить кедры для добычи ореха. В глазах инородцев это самое тяжкое преступление; он понимает, что ореховый промысел, доставляющий ему наибольший заработок, только и может существовать при условии крайней бережливости, а раз дерево срублено, оно погибло для него навсегда. По Лебеди до 45 таких заимок, из владельцев которых более всего гремят между инородцами имена: Казанцевых, Тришкина, Андрея Гурьянова, Михаила Жидова, Бутиных, Китова и др. Не мудрено, что наши инородцы вымирают, а кулачество становится все более бесшабашным[207].

Из этого видно, что несла алтайцам кулацкая и миссионерская колонизация. Алтайская духовная миссия, заботясь о превращении Алтая в «истинно русский край», заботилась прежде всего о захвате лучших долин Алтая под нужды миссии и миссионерские поселения. Миссионерский восьмиконечный деревянный крест, воздвигнутый в долине, являлся и символом и средством колонизации. Алтайцам запрещалось, на расстоянии 5 верст по радиусу от креста производить шаманские моления, и это вынуждало шаманистское население уходить выше и глубже в горы, оставляя миссионерам лучшие долины. Крест для алтайцев являлся орудием устрашения, своего рода пугалом, и русские сельские старосты, добиваясь выполнения своих решений, нередко грозили некрещеным алтайцам становлением креста в их местности и привозом священника[208]. Насилиями, земельными захватами и искусственным переводом на оседлость Алтайская миссия в большинстве случаев не только не способствовала руссификации края, но, напротив, ее деятельность вызывала чувство национальной ненависти угнетенных алтайцев ко всему русскому, чувство, которое умело поддерживалось и разжигалось зайсанско - байской верхушкой. Это должны были признать и буржуазные исследователи. Ядринцев считал, что миссионеры искусственно переводят крещеных алтайцев на оседлость, а «лучшие земли инородцев монополизируют для своих целей». Он указывал, что такая деятельность миссии не способствует «завоеванию культуры и оседлости». В этом отношении он возлагал надежды на «плотную массу крестьянства»[209]. Эти же причины еще несколько раньше Ядринцева дали повод Г. Н. Потанину заявить: «ни купец, ни миссионер не послужили к распространению в Алтае оседлости и культуры, и решение этой задачи следует ожидать от разрешения селиться в Алтае крестьянам»[210].

---

[207] А. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны. Сибирская газета, 1881 г.№ 39.

[208] Это видно из протоколов решений родового старосты (зайсана) 1-й Алт. дючины. Хранятся в Барнаульском архиве. Фонд 5. См. протокол № 20. за 1902 г.

[209] Сибирские инородцы.

[210] Дополнения к землеведению Азии К. Риттера, стр. 391, СПБ. 1877.

Миссионерская колонизация — это лишь прелюдия к так называемой свободной массовой колонизации, которая началась в Алтайском округе с 1865 г., когда вышло санкционированное царем Положение комитета министров, разрешавшее переселение в Алтайский округ крестьянам внутренних губерний. По этому положению переселенцам разрешалось причисляться к существующим обществам с согласия старожил и образовывать особые селения на «пустолежащих землях». Переселенцы наделялись 15 десятинами земли на одну мужскую годную душу и должны были платить Кабинету оброк по 6 рублей с ревизской души в год[211]. Как велик был наплыв переселенцев в алтайский округ, видно из следующей таблицы[212].

в 1884 г.—11,905 душ.	в 1888 г.—18,031 душ.	в 1892 г.—39,565 душ
в 1885 г.—17,054 „	в 1889 г.—17,248 „	в 1893 г.—43,392 „
в 1886 г.—16,276 „	в 1890 г.—31,345 „	в 1894 г.—31,758 „
в 1887 г.—15,970 „	в 1891 г.—28,557 „	

Цифры эти, очевидно, несколько преуменьшены, так как часть переселенцев ускользала от регистрации. Таблица относится ко всему Алтайскому округу в целом без выделения горной части округа.

Начало плановой колонизации для Горного Алтая относится к 1873 г. Томский губернатор Супруненко, под влиянием многочисленных прошений крестьян о разрешении им селиться в долине реки Катуни, лично отправился в Алтай посмотреть просимые под заселения земли и был «поражен роскошной растительностью в долинах речных систем Песчаной, Ануя, и Семы». Губернатор немедленно же наметил к заселению 26 пунктов по теперешнему Чуйскому и Уйманскому трактам, которые должны были сделать русских окончательными хозяевами края и связать город Бийск с китайским городом Кобдо[213]. Супруненко обратился с ходатайством к генерал-губернатору Западной Сибири, ссылаясь на статьи 1242 и 1243 IX т. законов, запрещающих русским селиться среди кочевий инородцев, и высказал «оригинальное соображение, что упомянутые статьи закона «как бы имеют целью сохранение инородцев в первобытном состоянии, между тем как надлежало бы стремиться к переводу их от кочевой к оседлой жизни и к развитию у них культуры, с распространением между ними христианства». На основании этих соображений губернатор Супруненко просил разрешить колонизацию намеченных им пунктов. К мнению Супруненко присоединилось Алтайское горное управление и Томский губернский совет. Совет Главного управления Западной Сибири направил этот проект к министру двора с присоединением своего согласия, так как видел в колонизации средство обеспечить южную границу. Министр двора, рассмотрев это остроумное «обоснование» захватнической политики, распорядился выработать правила заселения стойбищ русским населением. Правила эти были выработаны, одобрены и введены сначала, в виде «опыта», на 3 года в 1879 г. Однако вскоре

---

211 Краткий очерк Алт. округа. СПБ. 1896, составил М. И. Струков.

212 Там же, 31.

213 Отчет начальника Алт. окр. Михайлова о поездке на Алтай в 1910 г. Барнаул. 1911.

же они получили более длительный срок действия. Обойдя «неудобства» закона, царские колонизаторы пробили брешь к «законному» захвату земель, занятых алтайцами. Заселение Алтая с изданием правил 1879 г. пошло быстрее. Это мероприятие встречало поддержку со стороны начальства пограничной линии, заботящегося об укреплении границ. Тем не менее, из намеченных губернатором Супруненко к заселению 26 было заселено лишь 11 селений. Произошло это по двум причинам. Во-первых, далеко не все из намеченных пунктов оказались пригодными для земледельческого хозяйства по климатическим и прочим условиям, и удобной земли оказалось далеко недостаточно для возникновения крупных поселений, как это предполагалось вначале. Во-вторых, колонисты были переселенцами из внутренних губерний России, по преимуществу маломощные середняки и бедняки, которые, переселяясь в Сибирь, как правило, должны были пройти «искус нужды и батрачества» в среднем от 2 до 5 лет у «старожилов». чтобы стать самостоятельными хозяевами. Поэтому в горной части Алтая, особенно еще в неосвоенных местах, где переселенцы сажались на девственную почву, маломощные хозяйства оказывались не в состоянии приспособиться к местным условиям и выселялись в степь. Это подметил и С. Швецов, который, оценивая колонизацию 1870-х годов, писал: «Нельзя было и ожидать, чтобы опыт колонизации переселенцами из Европейской России таких районов горного Алтая, как долина Чуи, мог дать в сколько-нибудь близком времени благоприятные результаты»[214]. Швецов также склонен об'яснить это той особенностью переселенцев из России, что они «в силу своей малокультурности и материальной необеспеченности, невольно должны пасовать перед всем, что ново и незнакомо». Швецов «более надежным элементом для колонизации юго-востока Алтая» считал старожилов предгорий Алтая и частично самого Алтая (например Алтайская, Верхбухтерминская и проч. волости), так как «свою способность колонизовать Горный Алтай даже в его малодоступных частях жители этих волостей доказали» (стр. 53); они «как колонизаторы новой горной страны, легко одержат победу там, где исконный пахарь внутренних губерний неминуемо погибнет» (стр. 53). Другими словами, Швецов предлагал кулацкую колонизацию, как наиболее испытанную, так как по социальному составу старожильческое население Сибири почти сплошь являлось кулацким. Старожилы вели свое хозяйство наемным трудом, спекулировали приемными приговорами для новоселов, беря за приговор с новосела-переселенца до 100 рублей с души. В результате кулацкого взвинчивания цены на землю переселенцы из России оказывались не в состоянии селиться в старожильческих селениях на лучших освоенных землях и селились на пустые худшие участки, где в возникших переселенческих селениях удобной земли местами приходилось только до двух десятин на душу, в то время как старожильческие селения имели удобной земли до 200 десятин на душу. Наплыв переселенцев из России, преимущественно крестьянских маломощных и бед-

[214] Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая. Барнаул. 1898 г., стр. 53.

няцких слоев, создал в Алтайском округе дешевые рабочие руки, чем быстро воспользовалось старожильческое население округа, широко применяя наемный труд[215]. Если в 1884 г. из всей массы переселенцев оказалось не в состоянии купить приемные приговора 16 проц., то в 1890 г. благодаря взвинчиванию цен не в состоянии оказались купить приемные приговора почти 76 проц. переселенцев[216].

В Алтайском округе с этого времени начинают усиленно развиваться капиталистические отношения. Кулацкая старожильческая часть населения стремится к захвату новых земель, проникает в алтайские горы, захватывает лучшие места, устраивая заимки, и использует алтайцев, как источник первоначального накопления. Старожилы прославились грубыми насилиями над алтайцами и выделяли из своей среды стаи мелких и крупных торговцев, обиравших и грабивших стойбища алтайцев. Вскоре же русское кулачество стало пользоваться еще более дешевым наемным трудом, чем труд российского переселенца, трудом алтайца, получаемым почти бесплатно, путем кабальной сделки, путем спаивания, как мы видели выше. «Старожилы» являлись пионерами буржуазной земельной колонизации Алтая.

В ответ на земельные притеснения алтайцы подавали протесты и жалобы русскому начальству. Особенно беспокоились по этому поводу «сиятельные» зайсаны и баи — скотоводы. В 1885 г. несколько алтайских зайсанов отправились в Петербург, чтобы лично изложить и подать свои жалобы в канцелярию «Кабинета его величества». К тому времени алтайцы были окружены плотной стеной русского населения, численностью около 50000 человек, активно наступавших на земли алтайцев. Кабинет обнадежил зайсанов намерением улучшить положение своих «верноподанных».

В 1897 г. на основании циркуляра министерства внутренних дел (от 6 марта) издается распоряжение Кабинета, которое, как бы в подтверждение обещаний, данных алтайским зайсанам, запрещало переселение в Алтайский округ и приостанавливало отводы свободных земель под переселенческие участки. На деле же это было далеко не так. «Мера эта, — читаем в официальном издании Управления Алтайского округа, — вызывалась желанием сохранить запас земель для предстоящего земельного надела крестьян»[217]. Распоряжение Кабинета оказалось нереальным. Сдержать переселенческую волну из России было невозможно. Разоренные и полуголодные крестьяне из России, не будучи в состоянии купить приемные приговора у «старожилов» Алтайского округа, стали сплошь и рядом селиться самовольно без приговоров, вступая в конфликты со старожильческим населением. Эти явления стали носить массовый характер, и в 1896 г. правительство вынуждено было издать новый закон, цель которого состояла в том, чтобы санкционировать и закрепить положение де-

---

[215] Краткий очерк Алт. округа, стр. 35.
[216] Краткий очерк Алтайского округа, стр. 34.
[217] Переселение в Алт. округ. Барнаул, 1912, стр. 2.

сятков тысяч крестьян-переселенцев в Алтайский округ и тем самым избежать дальнейшего обострения отношений между «старожилами» и переселенцами, точнее: между сибирским старожильческим кулачеством и переселившимся из России маломощным и беднейшим крестьянством. Выброшенные помещичьими притеснениями, малоземельем в Сибирь, в Алтайский округ, переселенцы внутренних губерний представляли собой потенциально революционную силу. Земельные конфликты переселенцев со старожильческим кулачеством могли вылиться в революционные выступления, чего смертельно боялся царизм.

Закон 1896 г. имел мало отношения непосредственно к алтайцам, поскольку он санкционировал земельное устройство переселенцев, населяющих преимущественно степную часть Алтайского округа. Но вскоре последовало издание закона от 31 мая 1899 г., которое глубоко взволновало алтайцев, особенно зайсанско-байскую верхушку.

Закон 1899 г. обязывал к землеустройству как русские поселения в Горном Алтае, так и «инородцев, которые не принадлежат к числу бродячих». Алтайцы, отнесенные к разряду «кочевых инородцев», подпадали под действие закона о землеустройстве и должны были получить 18-десятинный надел на душу, наравне с русскими. Землеустройство алтайцев по закону 1899 г. должно было освободить, по подсчету начальника Алтайского округа, свыше 6 миллионов десятин земли[218], которая могла бы быть использованной Кабинетом для сдачи в аренду и принести Кабинету огромные доходы.

Однако закон 1899 г. встретил сильное противодействие не только со стороны алтайских зайсанов, снарядивших депутацию в столицу, но и сибирской областнической печати и некоторых либеральных, народнически настроенных чиновников Алтайского округа, ибо грабительская сущность его ничем не была прикрыта. Стоит ли говорить уже о том, насколько это противоречило «монаршим» заверениям о «высочайших заботах и попечений о верноподданных» алтайцах. Соединенными усилиями алтайских зайсанов и баев, народничествующих чиновников и областнической прессы действие закона о землеустройстве для алтайцев было отстрочено. Основанием для отстрочки послужила оговорка, имевшаяся в законе в отношении «кочевых инородцев». Смысл оговорки сводился к тому, что по условиям быта предполагаемых к землеустройству кочевых инородцев действие этого закона может быть приостановлено на известное время распоряжением министра Двора (примечание к ст. 112 книги VI Полож. кр. сиб., изд. 1902 г.). Протесты алтайцев, подхваченные областнической печатью, поддержало и Томское губернское управление, котроое нашло, что 80 проц. кочевников Горного Алтая не созрело для землеустройства[219].

В результате появились Правила 1904 г., приостанавливавшие при-

---

[218] Отчет Михайлова, стр. 223.
[219] Ук. соч., 83.

менение закона 1899 г. к алтайцам в виду опасения ломки быта, могущей последовать после преждевременного землеустройства.

Правила 1904 г. отсрочили землеустройство алтайцев всего на несколько лет. В 1906 г. издается высочайший указ, предписывающий к передаче на арендных условиях всех свободных и могущих быть свободными земель Алтайского округа, в казну для переселенческого фонда. Легко понять, какие причины вызвали этот указ. Революция 1905 г., сопровождаемая аграрным движением, остро ставила вопрос перед царизмом о «крестьянской опасности».

Царское правительство пыталось смягчить назревшие противоречия аграрных отношений во внутренних губерниях России путем разгрузки этих губерний от крестьян, путем переселения маломощной и беднейшей части крестьянства в Сибирь. «При наличии свободных окраин капитализм разрешает частично и временно свои противоречия путем заселения этих окраин»,—указывал В. И. Ленин[220]. Поэтому после 1905 г. переселенческий вопрос приобретает для царского правительства особую актуальность. Переселенческое дело становится плановой задачей особой организации — Переселенческого управления. Кабинет решается «уступить» казне свободные земли Алтайского округа, уступить, разумеется, не даром и не отказываясь от них совершенно. Высочайше утвержденная Мемория Совета министров 18 апреля 1906 г. характеризует причину необходимости землеустройства и передачи кабинетских земель: «В настоящее время одной из главнейших забот правительства является устройство **безземельных и малоземельных крестьян Европейской России, и поэтому представляются особенно своевременными меры для скорейшего определения могущего быть им представленного земельного фонда.** В Алтайском округе, земли которого издавна считаются крестьянами за наиболее пригодные для водворения, одним из препятствий для отвода земель под новых выходцев из Европейской России является неустроенное положение ранее прибывших в округ самовольных переселенцев»[221] (подчеркнуто мной. Л. П.).

Число неустроенных «самовольных переселенцев» со времени устройства их на основании закона от 27 апреля 1896 г., к 1906 г. достигало 200000 душ. Это заставило Кабинет поспешить с передачей земель в переселенческий фонд. Передавая земли, Кабинет оставлял за собой «Право на недра означенных земель» (пункт I Указа), «ценные защитные и водоохранные лесные дачи, земли и леса, отведенные или необходимые для отвода кабинетских и частным горнозаводским предприятиям, фабрикам, заводам и другим промышленным заведениям, а также для разработки ископаемых, для сельскохозяйственных училищ, церквей, школ, опытных и показательных учреждений; земли, предназначенные под лесоразведения, земли, занятые ценными сооружениями и т. п.» (пункт 3). Пункт 7 Указа гласил: «За передаваемые в казну переселенческие участки зем-

---

220 Развитие капитализма в России. Сочинения, т. III, 465.

221 Переселение в Алт. округ, стр. 5.

ли Алтайского округа государственное казначейство обязано уплачивать Кабинету вознаграждение в размере двадцати двух копеек с десятины удобной земли, ежегодно в течение 49 лет».

Условия передачи земли и переселенческий фонд делали Кабинет особенно заинтересованным в землеустройстве и по экономическим соображениям. По предварительным соображениям Кабинета, землеустройство алтайцев обещало высвободить свыше шести миллионов десятин земли. Это давало огромный доход Кабинету, ради которого он не мог не поступиться интересами «диких кочевников». И царь сдал казне значительную часть своего обширного поместья. Участь алтайцев в земельном отношении была решена.

В 1907 г. начальник Алтайского округа, ссылаясь на Указ 1906 г., настаивал перед Томским губернским управлением на скорейшем проведении в жизнь землеустройства у алтайцев. Аргументируя данными алтайской статистико - экономической и этнографической экспедиции 1897 г., руководимой С. П. Швецовым, начальник округа указывал, что алтайцы ведут оседлый образ жизни и поэтому могут быть устроены по закону 1899 г. Оседлость у алтайцев утверждалась с целью опровергнуть Правила 1904 г.

Общее присутствие Томского губернского управления соглашалось с начальником округа, что провести землеустройство у алтайцев было бы хорошо, но напоминало, что если провести его по закону 1899 г., то 80 проц. алтайцев пострадают от этого, ибо они находятся на низкой ступени развития и ведут кочевой образ жизни[222]. Смысл ответа был таков: придумайте что-нибудь другое, так как Правила 1904 г. затрудняют проведение закона 1899 года.

Так как после 1906 г. переселенческое дело находилось в ведении переселенческой организации Главного управления землеустройства и земледелия, то переселенческая организация в 1908 г. организовала статистико - экономическую экспедицию на Алтай, под руководством Безуглова, с целью выяснить, как можно устроить в земельном отношении алтайцев и сколько и каких земель можно получить после землеустройства. В этом же году от алтайцев выехала в Петербург депутация, чтобы оградить свои кочевья от грабежа, именуемого официально «землеустройством». Депутация представляла 1, 5, 6, и 7-ю дючины и черневые волости алтайцев. Совещание при Кабинете вынесло решение в соответствии с некоторыми просьбами депутации, именно: 1) образование оброчных статей в Алтае должно быть приостановлено; 2) защита кочевий возлагается на местную губернскую администрацию.

Очередное обещание Кабинета также оказалось не выполненным. В 1910 г. начальником Алтайского округа В. П. Михайловым была совершена поездка в Горный Алтай по поручению управляющего Кабинетом. Михайлов должен был ознакомиться с положением и жизнью Горного Ал-

---

[222] Отчет нач. алт. округа В. П. Михайлова по ознакомлению с Гори. Алтаем в лето 1910 г., стр. 82-83.

тая на месте, высказать затем свои соображения и определенный взгляд на поставленные вопросы о землеустройстве инородцев, колонизации края и хозяйственого использования земель, лесов и недр и наметить программу деятельности Кабинета его величества в Горном Алтае»[223].

Другими словами, в целях развития арендного хозяйства Кабинета, Михайлову нужно было доказать: 1) что алтайцы ведут оседлый образ жизни; 2) что по условиям жизни они подходят под действие закона 1889 г. Михайлов эту задачу выполнил и представил специальный отчет управляющему Кабинета[224].

С 1911 по 1913 год у алтайцев было произведено землеустройство. Сущности и характера землеустройства у алтайцев еще придется коснуться в дальнейшем. Также придется остановиться и на разборе отчета Михайлова — этого яркого документа экономической политики Кабинета. Теперь же следует дать общую краткую оценку царской земельной политике у алтайцев. **Царская земельная политика несла алтайцам нищету и разорение,** ибо при их способе производства необходимо было иметь много свободной земли, чтобы вести сносное существование. В основе русской колонизации, миссионерской или вольной или правительственной, — безразлично, лежал земельный захват, наглый грабеж.

На кого же в основном ложилась вся тяжесть, весь гнет царской земельной политики? Все ли алтайцы одинаково страдали от этого? Безусловно не все.

Лучшие и наиболее обширные пастбища Алтая были заняты захватным путем баями и зайсанами и русскими скупщиками, закупавшими гурты скота Алтая и в Монголии и откармливающими их в течение лета в Алтайских горах. Алтайский бай Аргымай Кульджин, будучи зайсаном, имел стадо около 25000 голов скота. Миссионеры насчитывали у него 26 заимок, разбросанных по Алтаю, где в зимнее время стояло на каждой заимке в среднем по 300 голов скота. Заимки Аргымая были огорожены. В городьбе он пас скот только зимой и весной, а летом его многочисленные табуны паслись на незагороженных местах, вытравляя лучшие пастбища. «Часто бывает так, — писали миссионеры, — что в пору глубокой зимы и сильных морозов Аргымай получал хорошие деньги от приезжих томских и других купцов за сытых и видных своих быков, а в это время у соседей-бедняков бывает «кодуртки»[225] истощение скота, когда скот не может подняться сам и его подымают, чтобы он мог есть и не сдох бы с голоду»[226].

Захваченные и огороженные заимки Аргымая безусловно были неприкосновенны для других. Разумеется, Аргымай не был единственным алтайским баем, обеспечившим себя пастбищами путем захвата. Таков был и Кайтык, который имел только одних лошадей 80 табунов, ежегодно

---

223 Михайлов,—предисловие.
224 См. отчет, предисловие.
225 Кодуртка—значит поднимание.
226 Отчет Алт. дух. миссии.

продавал до 500 быков и до 600 коров раздавал бедноте в «доение», в «полыш». Так же поступали и Пашка и Ярой, скот которых исчислялся от 15 до 25000 голов, и многие другие. Приняв во внимание, что большинство скота у алтайских баев и зиму и лето пребывало на подножном корму, можно составить приблизительное представление о размерах пастбищ, захваченых в пользование баями.

Стало быть фактически пользование лучшими пастбищами у алтайцев было сосредоточено в руках баев и особенно зайсанов, являвшихся фактическими распорядителями земель. Выше было показано, как алтайские зайсаны распоряжались землями и промысловыми угодьями до землеустроительной реформы в Алтае.

Несомненно землеустройство несло зайсанам и баям угрозу потери обширнейших территорий, которыми они владели единолично. Однако, несомненно, также и то, что зайсанско-байская верхушка алтайцев даже в процессе работ по землеустройству уже обеспечивала за собой лучшие и просторные пастбища. Только в 1931-32 г. стало известно на фактах, что зайсанско - байская верхушка широко использовала при производстве землеустроительных работ систему подкупов землемеров. Вот почему советские землемеры облзу, работающие по землеустройству Ойроти, сплошь и рядом встречались с такими фактами, когда пышные и обширные луга лучших долин Алтая оказывались нанесенными на старые карты, как «камень», «неудобные земли» и т. п.

Кроме того, как только свершилось землеустройство, зайсаны и баи стали сосредоточивать в своих руках душевые наделы соплеменников, пуская в ход меры экономического и внеэкономического принуждения. **Земельные притеснения непосредственно ощущали на себе только трудящиеся алтайцы — мелкие скотоводы, охотники.** Именно они выносили на своих плечах тяжесть царской земельной политики. Зайсаны и баи умели обеспечить себя пастбищами на лучших землях даже в условиях колониального режима, путем угнетения и стеснения своих же алтайцев.

11. ТОРГОВО-РОСТОВЩИЧЕСКАЯ ЭКСПЛОАТАЦИЯ

До перехода алтайцев в русское подданство у алтайцев преобладал натуральный обмен. Алтайцы из Канских волостей, подчиненных тогда Джунгарии, ездили «в ясашные Ея Императорского Величества Кондомские волости, для смены тулупов и войлоков на котлы и железные абылы, чем землю копают»[227]. Из показания урянхайца Чеобу Хорина от марта 1760 г. мы знаем, что урянхайцы, кочевавшие летом по реке Ябогану и Кану (во главе с зайсаном Долдоем), а зимой близ озера Кеньги,

[227] Рапорт воеводе Шапошникову казаков Широхова и Пойлова, 1745 г. Материалы по истории Сибири Г. Н. Потанина. Чтения в импер. о-ве Истории и древн. российских, кн. 4-я 1866, стр. 85.

производили обмен с подвластными зайсану Кувшину. Подданные Кувшина привозили хлеб, табак, серу горючую, селитру и железо и брали у них соболей, лисиц, лосины и пр. При чем Чеобу говорил, что из выменянной серы и селитры урянхайцы сами делают порох, а пули куют из железа[228]. Из рапорта Кузнецкого воеводы Шапочникова от июля 1745 г. узнаем: «Из Кумандинской де волости прибыли в Итиберскую волость Зенгорские калмыки (очевидно, алтайцы. Л. П.), которые де вышли в Кумандинскую в 24-х человек, а в Итиберскую волость вышли они для торгу, а товару де при них войлока, да лосины, да лошади, а меняют, де они на козлины, да на железо»[229].

Отсутствие сколько-либо развитой мелкой домашней промышленности, особенно ткацкой, с другой стороны, излишки продукта у зайсанско-байской феодальной верхушки вызывали у алтайцев потребность в регулярном обмене еще до перехода в русское подданство.

Следующий любопытный документ подтверждает назревшую потребность алтайских феодалов связаться с рынком.

«Драгун Давыдов, посланный в Зенгорию, об'явил, что на него среди степи напали калмыки (алтайцы. Л. П.), вознамеривались зарезать ножом и, помав его за волосы, два человека таскали его на лошадях по степи и при том де об'явили, что он ездит к ним для обману, а **товаров никаких не привозит**; а зайсан их говорил: **«Хотя бы на какое-нибудь место около Бикатунской крепости позволили приезжать с товаром, быками, коровами и овцами»**; в Семипалатинскую (крепость. Л. П.) де ездить невозможно, за высокими горами. Особливо двоеданцы просят об этом; они ясак платят, а для покупки первых потребностей в крепости не допускаются. Все они просят об учреждении торжка при горах Кеспы и Тут-дже-де-бы (? Л. П.), в 30 верстах от крепости Бикатунской, между Бией и Катуньей»[230] (подчеркнуто мной. Л. П.).

Русские торговцы стали ездить в Алтайские горы в последние десятилетия XVIII века. Вначале русские купцы посещали алтайские стойбища наездами, но исключительная выгодность торговых операций с алтайцами, сводившихся к самым примитивным приемам обмана и обсчета, принудила торговцев к устройству складов товаров и заимок для пастьбы выменянного скота внутри Алтайских гор. Первая русская купеческая заимка была устроена на реке Семе, где впоследствии образовалось большое торговое село Шебалино[231].

Первоначально радиус поездок торговцев был не велик, но вскоре же, благодаря наплыву новых торговцев и по мере выкачивания сырья из ближних алтайских стойбищ, в сферу влияния русских скупщиков втягивались новые все более отдаленные районы. Русские купцы стали ездить в долину реки Чуи, где у них товары разбирались двоеданцами и монголами — солдатами с пограничных пикетов. Один из старых русских

---

228 Указ. соч. 113, 114.

229 Там же.

230 Рапорт Крафта, сентябрь 1750 г. Потанин, чтения, кн. 4-я, стр. 85.

231 Радлов. Торговые сношения России с западн. Монголией и их будущность. Записки ИРГ о-ва по отд. статистики, т. II, СПБ. 1871,

торговцев рассказывал Радлову, что на реке Чуе они продавали свои товары в Красной Горы (выше впадения в Чую реки Чеган-Узуна), где «товары их обыкновенно разменивались в несколько дней, и, что они в течение 10 лет далее Красной Горы никогда не ездили»[232]. Двоеданцы покупали товары у русских на скот и сурковые шкуры и везли их за границу в монгольские стойбища. Посредническая торговля двоеданцев, дававшая им большие доходы, через некоторое время почти потеряла для них значение, так как русские торговцы около 30-х годов прошлого столетия проникли в Чуйскую степь, где на берегах Чуи устроили избушки-склады товаров — в местности, называемой теперь Кош-Агач. Посредничество двоеданцев было отстранено, и русские купцы начинают проникать в монгольские стойбища. Впрочем, вначале торговля велась на пограничных китайских пикетах. Между лавками русских купцов на реке Чуе, в Кош-Агаче и китайской границей у ручья Бураты возникла ярмарка, которую русские купцы называли Чури. Возникла она при следующих обстоятельствах. Жители Джунгарского ханства — тюрбеты — ежегодно ездили в сопровождении монгольского войска в верховьях реки Катуни с религиозной целью. «Ежегодно 25 числа 6-го лунного месяца, около нашего Петрова дня, приезжает через пикет Как — отряд в 120 человек, состоящий из монголов, урянхаев и турботов, под начальством монгольского чиновника. Двенадцать человек с унтер-офицером отряжаются от них и проезжают через пикеты Тархаты и Джидар к вершинам реки Аргута, где, в известном месте, кладут дощечку с надписью, называемую кайчагаш, на место положенной туда же в прошлом году. Поручение это исполняется секретно, и на самое место отправляются только двое; остальные же 10 человек ожидают возвращения их на некотором расстоянии; двое же переменяют этот знак для того, чтобы на случай смерти одного из них оставался бы еще человек, знающий это место. Мне довелось видеть эту дощечку: она овальной формы, судя по той половинке, которая закапывается в землю, и имеет с другою половиною, оставляемой в главном городе провинции Улясутае, общую надпись, означающую имя и год царствования императора и фамилию того лица, которому поручено ее положить в землю»[233]. К этой ежегодной поездке тюрбетов через пикеты Тархаты и Джидар присоединялись пограничные жители для покупки русских товаров у двоеданцев. Впоследствии, когда русские купцы выстроили лавки в Чуйской степи, пограничные жители Монголии сами стали ездить к ручью Бураты, где они вели оживленный торг с пришедшими тюрбетами и монгольскими солдатами, сопровождавшими тюрбетов. «Так как торговля здесь начиналась только тогда, когда приходили войска (по-калмыцки — черю), то образовавшаяся в этом пункте ярмарка и получила название Черюкельди (войско пришло. Л. П.), которое русские переделали по-своему в Чури»[234].

---

[232] Briefe Bd. XXII, стр. 345.

[233] А. Принту. Торговля русских с китайцами на р. Чуе и поездка в г. Хобдо. Извест. Имп. русс. геогр. о-ва 1865 г., I, стр. 4-5.

[234] Радлов. Торговые сношения России с Зап. Монголией, стр. 346.

Радлов, посетивший ярмарку на ручье Бураты в 1860 г., дает описание ее в «Письмах из Алтая»: «Котловина Бурату здесь, пожалуй, в полверсты шириной и покрыта красивым зеленым травяным ковром; сама речка извивается сквозь нее во множестве изгибов, как серебряная нить. На переднем плане в пестрейшем смешении друг с другом паслись верблюды, лошади и стада быков, на заднем плане расположены были разбросанные кругом шатры ярмарки. Вправо от реки стояло около 20 синих палаток, которые были нам указаны, как палатки монголов. За этими палатками были наложены горы пушнины, охранявшиеся отделением солдат. Немного дальше к югу вправо тянулись в несколько рядов белые палатки русских купцов. Целые ряды навьюченных верблюдов стояли перед палатками: здесь разв'ючивали, там таскали товары в палатки, короче—все стремилось еще сегодня притти в порядок. Еще дальше назад у подножья пограничного холма находилось два лагеря палаток, сойотов и тербетов... На другое утро русские купцы открыли свои лавки; монголы, тербеты и сойоты собрались у русских палаток, осматривали товары, спрашивали о цене, но почти нигде не было заключено ни одной сделки. Так как мне бросился в глаза этот образ действия, я осведомился о причине и узнал, что это обычай этих народностей, в первый день ярмарки только рассматривать товары. Вечером они посовещаются в своем лагере о цене своих товаров (мехов) и только на следующий день начнут настоящую торговлю...

... Присутствующий здесь русский чиновник предложил купцам учредить во время ярмарки род биржи, чтобы воспрепятствовать возрастанию цен этих мехов: потому что как скоро купцы об'единятся, монголам придется снизить цены, поскольку меха у них потеряют цену. Крупные купцы присоединились к этому плану, но более мелкие, заинтересованные в быстром обороте, противились согласиться на него и не хотели терпеть никаких ограничений своей торговли.

На второй день ярмарки началась торговля. Уже чуть свет монголы, сойоты и тербеты толпой явились на рынок с шкурками сурка и прицеливались со своим товаром до поздней ночи.

Русские купцы немного уступают с установленных цен своих товаров, и то делают они это лишь тогда, если покупатель берет несколько предметов. Они так хитро умеют это обделывать, что покупатели не замечают запроса и ради воображаемой своей выгоды стремятся все больше покупать. Пример мог бы яснее это показать: предположим, покупатель спрашивает цену топора, и купец требует шесть сурковых шкурок. Покупатель предлагает четыре; купец отвечает: «Если ты возьмешь два топора, я отдам их за 11 шкурок». Покупатель предлагает 10 шкурок. Тогда купец говорит: «возьми еще этот сундук, он стоит 10 шкурок, тогда я дам тебе топоры за 10 шкурок». К сундуку присоединяется еще сундук, в нем кожа, платок, и при каждом предмете снова спускается одна шкурка, так-что под конец покупатель набирает у купца, примерно, на 100-150 шкурок, при чем купец уступает ему весь товар, примерно,

на 15 шкурок дешевле, что не стоит ни в какой пропорции с товаром продавца. Покупатель, сам того не замечая, обсчитан продавцом...

Купцы очень приветливы с покупателями, почетных угощают чаем, сахаром и сухарями и стараются таким образом удержать их в своей лавке[235]».

Второе описание этой ярмарки сохранилось в записках инженера Басова, прикомандированного начальником алтайских заводов, генерал-майором Фрезе для сопровождения томского губернатора Лерхе в Алтай. «Под'езжая к палаткам, число которых простиралось на реке Браты до 50,—пишет Басов,—господина Лерхе встретили русские купцы и множество китайцев, монгольцев, тербетцев и др... Торговля эта исключительно меновая. Кредитные наши билеты здесь не имеют никакой цены, серебро же и золото наше отчасти принимаются. Сюда с'езжаются монгольские купцы и немного китайских. От инородцев получают сурковые шкуры, рогатый скот и кирпичный чай (в малом количестве), а самая же мена происходит с их стороны на железные и чугунные вещи, на юфтовый, шерстяной, бумажный товар и разные мелочи, как например, ирбитские ящики, табакерки с музыкой, стереоскопы, маральи рога и др. Все это очень ценится инородцами, которых собирается к этому времени до 150 человек. Число русских капиталов доходит до 13. Ярмарка начинается обыкновенно около 25 июня и продолжается 7 дней. Через месяц наши купцы об'езжают китайские пикеты: Юстыд, Как-куль, Сук, Табытры, и опять там происходит мена и отчасти на рогатый скот»[236]. Ярмарка на ручье Бураты постепенно увеличивалась, на нее стали ездить и алтайцы — торговцы, и в начале 60-х годов оборот этой ярмарки доходил до 200000 рублей. В ней принимали участие соеты, монголы-халха, тербеты, приказчики китайских купцов, монгольские солдаты, алтайцы.

Через месяц или полтора после ярмарки Черю происходила вторая ярмарка под названием Калан[237]. Она была приурочена к моменту смены монгольских войск с караулов. Приезжавшая на пикеты новая смена привозила с собой товар, купленный в городе Кобдо на жалованье или порученный для продажи китайскими купцами, которым правительство запрещало ездить на место торга. Уезжавшие с пикетов солдаты брали у русских купцов товары в кредит и увозили в глубь Монголии. Торговля в Калан была исключительно кредитная, меновая. Единицей меры для материй служила «байры» — ширина материи[238].

В середине декабря была еще одна ярмарка, более мелкая, под названием Шаланча[239].

Главным предметом торговли русских купцов на Чуе была юфтовая кожа, составляющая 40 проц. стоимости вывозимых товаров, затем сук-

---

235 Briefe aus dem Altai Erman. Archiv... Bd XXII, s. 8-11.
236 Томск. губ. вед. 1869 г. № 11.
237 Briefe aus dem Altai Bd. XXII, s. 14. Калан—значит подать, налог.
238 Принтц Стр. 6.
239 Басов. Том. губ. вед. 1869 г. № 11.

но и различные ткани и разнообразные изделия из железа: замки, топоры, путы, капканы, чайники, котлы и т. д. Покупали русские купцы преимущественно сурковые шкурки и рогатый скот. Из продуктов, закупаемых на Чуе, русскими купцами, сурковые шкурки составляли 50 проц. стоимости закупленных продуктов, а крупный рогатый скот 35 проц.[240].

«С Чуи вывозится нами, — писал Принтц, — около 300 тысяч сурковых шкурок, доставляемых купцами на Ирбитскую ярмарку. На месте стоит белый (худший сорт) 10 копеек шкурка, черный — 15 и 20 копеек, в Ирбити первый продается по 20 коп., а второй от 40-50 копеек».

Юфтовые кожи, вывозимые в Китай, выделывались на кожевенных заводах в Томске, Барнауле, Бийске, в Уймоне.

В 60-х годах русская торговля вполне завладела Алтаем и устремлялась в Монголию и Китай. Поездка томского губернатора Лерхе на Чую в 60-х годах имела главную цель: «доставить возможность русским купцам вести торговлю не только в наших пределах, но и за границею (как это допущено по последнему трактату). Для этого Лерхе дозволил двум байским купцам — Гилеву и Смирнову, дав им предварительно заграничные паспорта, отправиться в китайский город Хобдо (Буенту), в 270 в. от нашей границы, и там при содействии штабс-капитана генерального штаба Принтца войти в сношения с пограничными начальниками и раз'яснить все те недоразумения, которые могли там встретиться»[241].

Кроме Чуйского торга, Радлов указывает еще на два пункта Восточного Алтая, где велась постоянная торговля с китайскими подданными: «Эти пункты суть: 1) торговля на Кара-коле и на Алаше, к северу от вершины реки Чулышмана и 2) недалеко от пограничного знака Шабиндабага. На первом пункте ведут торговлю несколько бийских купцов и многие из алтайских инородцев, особенно чулышманские двоеданцы и черневые татары, а на втором — инородцы и русские жители Минусинского края»[242]. Радлов не мог собрать точных сведений относительно количества и образа торговли и только относительно первого пункта указывает, что торговля доставляет выгоду только мелким торговцам, которые покупают для себя рабочий скот, баранов и коимы. Особенно выгоден привоз железных и медных изделий».

Русские товары доставлялись на Чулышман и к китайской границе благодаря посредничеству торговцев из черневых алтайцев[243].

Посреднический характер торговли алтайцев отмечен несколько раньше в записках бийского исправника Горохова. У него про алтайских калмыков отмечено: «Рогатый скот нередко скупают и у двоеданцев и потом перепродают его гуртом русским купцам в большом количестве»[244].

---

[240] Принти.
[241] Басов. Заметки в Том. губ. вед. 1869. № 11.
[242] Радлов. Торговые сношения и т. д., стр. 353.
[243] Aus Sibirien, s. 365.
[244] Краткое этнограф. описание бийских или алтайских калмыков. Журн. Мин. внутр. дел 1840 г., XXXVIII, стр. 225.

Необходимо отметить слабое развитие денежного обращения при совершении торговых сделок. В некоторых глухих местах Алтая меновая торговля удержалась довольно долго. От миссионеров мы имеем известие, что на Чулышмане «торговля производится белками; замечательно, что о деньгах они впервые узнали и стали брать охотно лишь с приездом миссионеров, каждая вещь, как и всякое животное — корова, лошадь и самый пушной зверь, медведь, лисица, — оценено белками»[245]. На Чуе еще в 90-х годах меновой единицей был «токтун» — годовалый баран[246].

Меновая торговля с алтайцами, как и вообще с любым «ясашным» племенем Сибири, давала колоссальные прибыли русским торговцам. Легкий и быстрый способ обогащения соблазнял и администрацию, священников, линейных казаков и зажиточных крестьян. Все стремились торговать с «инородцами». На этой почве вначале администрация всячески притесняла купечество, вытесняя его как конкурента. Вспомним, как сражались по этой же причине казакские и купеческие депутаты в Екатерининской комиссии, созванной для составления проекта нового уложения[247]. Желание монопольно эксплоатировать сибирских туземцев заставляло представителей различных сословий Сибири в пылу полемических сражений сказать про торгово - ростовщическую эксплоатацию сибирских отсталых племен не мало горькой истины

Хищническая торговля быстро разоряла алтайцев. Бийский исправник в 1830 г. в рапорте от 4 ноября за № 642 «просил г. управляющего губернией запретить русским в'езжать осенью и зимой в татарские волости под предлогом собрания долгов.... а ему, за неимением денег в сем народе, принимать в казну тоже орехи и зверя и продавать с публичного торга при участии окружных управлений, за выгодную для плательщиков цену». На это ему было указано, что «надобно стараться, чтобы инородцы сами сбывали торговцам избытки свои и вырученные деньги вносили в подать... чтоб инородцы орехи и зверя сами принимали по выгодным ценам и вырученные деньги тотчас представляли в казну». Губернский совет запретил купцам и мещанам в'езжать в ясачные урочища за промыслом зверя, рыбы и орехов, но торговать разрешил[248].

Губернское начальство, поощряя торговлю среди алтайских стойбищ, отдавала алтайцев во власть русских торговцев.

О торгово-ростовщической эксплоатации довольно много писали старые исследователи «сибирских инородцев», в том числе и алтайцев. Из

---

[245] Из сведений, полученных от алтайских миссионеров в ново-занятой под Благовещенский монастырь Чулышманской местности, стр. 125. Записки мисс. о-ва, состоящ. под. всемил. покров. государыни императрицы, т. I. В. II.

[246] А. Колочев. Поездка к теленгитам на Алтай, стр. 486—487.

[247] П. Головачев. Сибирь в Екатерининской комиссии. Москва, 1889.

[248] Из документов, найденных в архиве Н. С. Гуляева.

них больше всего уделяли внимание этому вопросу сибирские областники: Шашков, Потанин, Ядринцев, Швецов[249].

Общим для всех описаний жестокой эксплоатации алтайцев было подчеркивание «русского элемента», как единственного эксплоататора туземцев. При чем «русский элемент», или русское население рассматривалось «вообще» без классового подхода к нему. Поэтому и получалось, что все русские — это эксплоататоры алтайцев. Разумеется, это не так. Эксплоататорами сибирских отсталых народностей вообще и в частности алтайцев являлись не русские «вообще», а русский торговец, русский кулак, русский чиновник, русский миссионер. Вот конкретные эксплоататоры алтайцев. Нельзя классовое различие, основное различие для поционная». Что в этом выводе есть марксистского? Ровным счетом ничего. На практике это приводит к весьма печальным результатам. Новейший исследователь т. Мамет[250], также рассматривавший русских «вообще» и алтайцев «вообще», без классовой диференциации, наделал не мало грубейших политических ошибок, которые делают его книжку вредной и неприемлемой. Тов. Мамет в силу внеклассового подхода к своему исследованию сделал в конце книги такой вывод: «Русское влияние теперь есть влияние революции и социалистического переустройства автономной Ойротии, и борьба против этого русского влияния есть борьба контрреволюционная». Что в этом выводе есть марксистского? Ровным счетом ничего. Выходит, что борьба против всякого русского влияния, т.-е. в том числе и кулацкого, есть контрреволюционная борьба. Классовый подход смазан, затушеван, вместо класса подставлена нация, и налицо вреднейший политический антинаучный вывод.

Сибирские, областнически настроенные, публицисты и исследователи довольно красочно и правдиво описывали, положение отсталых сибирских народностей при проникновении к ним русской торговли и колонизаторских элементов. Вот примеры таких описаний: «Путем торговли и другими способами инородческое имущество переходило к русским. Инородцы беднели до того, что часто не имели возможности добыть себе другой пищи, кроме падали или толченой древесной коры. Иногда русские обыватели силой отнимали у них все их имущество, все их с'естные припасы и тем подвергали их всем ужасам голодовки».

«Вино лилось огненным потоком по инородческим поселениям, бессо-

---

[249] Radloff aus Sibirien.
Его же Briefe aus dem Altai.
Шашков С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии.
Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы.
Его же, Сибирь как колония.
Потанин Г. Н. Нужды Сибири. Сибирь, ее современное состояние и ее нужды.
Швецов С. П. Горный Алтай и его население, т. I. Петроград 1903.
Юхнев П. М. Неземледел. промыслы населения. Барнаул, 1903.
Овчинников Н. К вопросу о поземельн. устройстве в Алт. округе.
Вербицкий. Алтайские инородцы.

[250] Ойротия. Москва, 1930.

вестные торгаши пользовались этим; инородцы пропивались до нага и за кратковременное удовольствие платили продолжительными голодовками, питаясь падалью и толченой древесной корой. До этого их доводила, впрочем, не одна виноторговля, но и всякая торговля... торговцы вовлекали их в неоплатные долги и для нескончаемой уплаты их отбирали у инородцев все, что он мог добыть, оставляя ему лишь столько, сколько необходимо для того, чтобы он не умер от голода, от холода и мог на будущее время работать в пользу своего эксплоататора». «Инородцы превращались в нищих, рабов, в кабальников»[251].

Ядринцев справедливо называл эту торговлю «наглым хищничеством» и указывал, что она является «самым соблазнительным занятием окружающего оседлого населения, а потому в торговлю кинулись и русские зажиточные крестьяне и кузнецкие оседлые инородцы, нажившие богатство».

Обычные приемы русских торговцев были таковы: торговец начинал свое дело с посещения стойбищ алтайцев, где заводил «знакомства» и широко, направо и налево, раздавал алтайцам товары в долг. Товар этот был «инородческий», т.-е. самого низкого качества. Через некоторое время торговец ехал сам или посылал своего приказчика собирать долги: пушниной, орехом, скотом, кожами, волосом, шерстью и т. д. Почти всегда должник алтаец не был в состоянии уплатить весь долг сразу, благодаря высокой расценке заданных в долг товаров и низкой оценке сдаваемых за долг продуктов. Поэтому срок уплаты долга удлинялся, и за это налагался новый высокий процент, который также взимался натурой. Таким путем, стоило алтайцу - производителю хотя бы один раз вступить в торговую сделку с купцом, как он попадал в сети купца и уже до самой смерти не мог избавиться от долговых обязательств. В. Радлов рассказывает об виданном им случае, когда «одному торговцу за несколько белковых шкурок и два шила, в общей сложности за 28 копеек, было присуждено получить от двоеданца, живущего около реки Шибита, 81 быка»[252]. Радлов же сообщает и о методах собирания таких «долгов». «При собирании долгов, — пишет он, — торгующие наши часто были слишком неразборчивы в средствах; они, если когда должники оказываются несостоятельными, просто, как говорят, у кого-нибудь из соседей или родственников отнимают силою скот на том основании, что этому соседу или родственнику легче получить скот от должника, чем самому купцу[253]. Стало быть, полное разорение производителя-алтайца не избавляло его от ликвидации долгов, возрастающих в геометрической прогрессии. За эти мнимые долги купцы грабили соседей или родственников разоренного должника. Забитые и угнетенные трудящиеся алтайцы не смели жаловаться на разбойничавших торговцев.

Один из путешествующих по Алтаю пишет о методах русских торговцев следующее: «Всякий опытный купец торгует с инородцами непре-

[251] Сибирские инородцы в XIX столетии, стр. 550 –552.
[252] Радлов. Торговые сношения России с западн. Монголией, стр. 350.
[253] Ук. соч.

менно на скот, едет он осенью. За два бумажных пестрых платка, например, он берет двугодовалого барна. Денежная единица — «токтун» — годовалый баран — равняется рублю. Продав товар, купец не собирает тотчас же скот: по условию с покупателем, бараны должны остаться у него безвозмездно всю зиму, кормясь и оберегаясь им (за утрату он отвечает). Весь приплод поступает к купцу. Весной из стада в 100 баранов, например, купец получает 120-130. Летом он ездит собирать скот и пасет его на инородческих пастбищах, устраивая так называемые заимки. Осенью он гонит его из гор, уводя приплод и двугодовалых баранов, т.-е. с удвоенной ценностью»[254]. Своеобразный способ продажи товаров на мелкий и молодой скот с оставлением его на вырост у хозяина, способ, свидетельствующий об изощренности торгашеской эксплоатации, отмечен и В. Радловым[255], пояснявшим его на таком примере. Купец покупает летом у алтайца - производителя теленка. Купив его по соответствующей цене, он оставляет его на год у хозяина. Это в интересах и хозяина, так как алтайскую корову без подпуска теленка доить невозможно, так уж они все приучены. Однако купец приезжает за этим теленком не через год, а через 3 года и получает уже взрослого быка, приобретенного по цене теленка. Если скотина за это время пропадет, то хозяин уплачивает стоимость ее купцу — частью мелким скотом, который снова оставляется на вырост, частью шкурами зверей и др. продуктами. Даже на простых дешевеньких зеркальцах, иголках и бисере купцы наживали огромные проценты. Тот же Радлов передает, что, на его глазах, зеркало, стоившее 30 копеек, продали за 2 рубля.

Особенно выгодной была для купцов торговля кирпичным чаем, имевшим большой спрос у алтайцев. За примером обратимся опять-таки к Радлову. Купец покупает у алтайцев за 50 кирпичей чая (стоимость 75 рублей) пару маральих пантов, привозит их на Чую и продает китайским торговцам, весьма охотно покупающим панты, в виду их огромного спроса в Китае, за 100 кирпичей чая (стоимостью в 150 рублей): Он снова едет к алтайцам и покупает на этот чай 80 телят, которых оставляет на вырост, и через три года купец забирает 80 взрослых быков, стоимостью по крайней мере в 600 рублей.

Трудно перечислить все многообразные приемы мошенничества торговцев, приносивших разорение и кабалу трудящимся алтайцам; отметим лишь еще один прием не менее безобразный, чем остальные, — это спаивание алтайцев при заключении торговых сделок. Об этом излюбленном приеме русских торговцев сообщает еще Гельмерсен, путешествовавший по Алтаю в 30-х годах. Он пишет: «Когда телеуты приезжают весной для промена звериных шкур, то их до такой степени упаивают, что они в опьянении отдают весь свой товар за самую безделицу»[256].

---

[254] Колочев, стр 486—487.

[255] Briefe aus dem Altai Archiv... Bd. XX.
Торгов. сношен. России с зап. Монголией. Стр. 349.

[256] Горный журнал, 1840 г., ч. I, стр. 258.

По свидетельству Ядринцева, «торговлю вином практиковали не одни торговцы, с жаждою барыша, но этим занимались священники, заседатели — управители инородцев» и т. д.[257].

Торгово-ростовщическая эксплоатация являлась наиболее распространенной формой эксплоатации трудящихся алтайцев после 60-х годов. Ею занимались, кроме русских и алтайских профессионалов торговцев, чиновников, священники ,крестьяне, местные баи, зайсаны, шаманы и т. д. Возникали целые селения, состоящие сплошь из торговцев. Путешествующий по Алтаю В. Верещагин сообщал: «за исключением телеграфиста, таможенного чиновника и священника, жители Кош-Агача — исключительно торговцы, ведущие прибыльную торговлю с инородцами и Монголией. Какой процент барыша берется чуйскими торговцами, показывает следующий факт: ваза, стоящая в Кош-Агаче 3 рубля, в Улястае продается уже за 13 рублей. Об этом же красноречиво говорят дворцы чуйцев (чуйских торговцев. Л. П.) в Бийске»[258].

Посетивший шорцев В. Радлов пишет, например, про деревню Красный Яр: «Большая часть жителей этой деревни занимается торговлей. Здешние торговцы торгуют товарами и скотом на верхней Мрассе, и богатство целых селений доказывает нам, что эта торговля очень выгодна»[259].

Как быстро и легко обогащались русские торговцы на Алтае видно еще из следующих примеров: «В 1853 г. начальник Алтайской духовной миссии официально писал, что «например 1 топор или старые сапоги, данные русским человеком в долг кочевому инородцу, года через четыре вырастают в сторублевого коня, а вскоре же и в целый табун, который не робкие торговцы и угоняют без дальнейших толков, об'явив через людей хозяину, что скот угнан таким-то.... 1 пуд ячменя года через два вырастает в 25 пудов ореха или еще более. Таким образом, ныне едва ли не все леса с их орехами и белками запроданы русским за несколько лет вперед, так же, как дикие пчелы и прочие промыслы. Инородцы — вечные рабы лукавых заимодавцев».

Вот еще один пример, в достоверности которого сомневаться невозможно. В журнале Томского губернаторского правления (20 марта 1864 г.) говорится, что «инородцы» Бийского и Кузнецкого округа сделались «неоплатными должниками торговцев и впали в их полную зависимость. Те же торговцы вывозят ежегодно из принадлежащих инородцам лесов в огромном количестве кедровые орехи, заводят в зверопромышленных местах пчелиные пасеки и поселения и тем отнимают у инородцев возможность пользоваться местными способами промышленности. Оба эти обстоятельства ввергают инородцев в крайнюю бедность, лишают их всякой возможности образования и вредно действуют на их нравственность». Подобными примерами можно было бы заполнить многие страницы, но и ограничусь только лишь приведением образца роста капитала у русского тор-

[257] Сибирские инородцы, стр. 209.
[258] От Барнаула до Монголии стр. 39.
[259] Aus Sibirien s. 348.

говца Мокина. В 1860 годах Мокин приехал в алтайские стойбища мелким торговцем, имея 5 лошадей, 10 голов рогатого скота. В 1875 г. он уже имел до 3000 голов скота. В 1887 г. раздавал товара в кредит (исключительно алтайцам) на 25000 руб. и имел в торговом обороте капитал 150000 рублей.

Кроме того Мокин захватил бесплатно у алтайцев громадную территорию. У него было несколько огороженных зимних стоянок от 1000 до 2000 голов скота, летние пастбища для 3000 голов крупного рогатого скота, сенокосы и еще под усадьбой, где он жил, 40 десятин. Мокин ничего не платил за захваченную землю алтайцам и платил лишь Кабинету арендную плату 6 рублей в год!..

Итак, вначале мы имеем натуральный обмен, который помогал купцам налаживать знакомство. Следующей стадией был торговый кредит, с высоким процентом — главный источник обогащения.

Подчинив себе производителя долговыми обязательствами, купец превращал его в своего подчиненного рабочего. Далее эксплоатация производителя углублялась на основе личной зависимости производителя от купца, и купец обращался с должником словно с крепостным. Например, «некоторые купцы, пользуясь своим влиянием на состоящих у них в долгах инородцев посредством усиленного труда последних, постепенно расширяли самые необходимые участки верховых тропинок настолько, чтобы по ним могли безопасно пробраться навьюченные лошади и верблюды»[260].

Союзником и покровителем русского торговца на Алтае был священник, миссионер. Купеческие амбары и товары находились в миссионерских станах[261]. Священник и купец всегда были пионерами во вновь присоединенных к Российской империи местностях. Приведем несколько рассуждений одного священника, печатно высказывавшегося по поводу русской торговли в Алтае. Он писал: «В деле христианской религии торговля в этом крае будет самой верной помощницей миссионерам, потому что приезжающие за покупками язычники незаметно будут знакомиться с духом веры христовой»[262].

Существовавшее в то время положение этого вопроса на Алтае не удовлетворяло священника, и он указывал: «дела наши на Алтае и в религиозном и в коммерческом отношении должны принять широкие размеры и в самом скором времени; задатков для всего очень много; начинания уже сделаны, необходима поддержка и разумное развитие дел, обещающих великие и неисчислимые выгоды и успехи». И чтобы не быть голословным в своем утверждении о недостаточности размаха торговли в Алтае, духовный отец произвел специальное исследование: «По собранным мною сведениям на Чуе производят торговлю 17 русских капита-

---

260 М. Брещинский. Исследование путей в Алтайском крае. Зап. Сиб. отд. И. Р. Г. о-во, кн. III. Омск, 1841, стр. 2.

261 Radloff. Brieffe aus dem Altai Archiv... Bd. XXI, s. 200.

262 Свящ. В. Гурьев. Распространение христианства и развитие промышленности на Алтае. Томск. губ. вед. 1864, № 49.

лов, цифра всего торгового оборота определяется различно, но во всяком случае не выше 300000 рублей». Правда, «исследователь» преуменьшил количество русских капиталов, и редакция газеты в особом примечании опровергает эти сведения, но радетель русской торговли этим не смущается и предлагает практические меры для развития столь полезного дела на Алтае. Он пишет: «Нужно сделать так: на Чулышмане торговый склад устроить недалеко от монастыря, а в Улаганах учредить миссионерский стан и неподалеку от него складочный магазин с товарами», после этого следует и обоснование предложения: «При устье Чулышмана я нахожу полезным основать главный пункт нашей торговли на Алтае по той причине, что этот отдаленный край редко посещается крещеными купцами, раз в год и то не всегда. Поэтому, **основавши здесь постоянную торговлю, можно сделаться единственными хозяевами целого края,** и другие торговцы, только временно посещающие эти места, не в состоянии будут конкурировать с постоянной торговлей; а инородцы, имея под руками необходимые для них товары по гораздо более дешевым ценам, нежели у заезжих спекулянтов, всегда станут обращаться к нам»[263]. (подчеркнуто мной. Л. П.). Нужно ли комментировать этот «блестящий» проект духовного экономиста.

Было бы ошибочным полагать, что торгово-ростовщической эксплоатацией занимались только русские торговцы. Из алтайской среды также были и вырастали свои торговцы.

С проникновением и развитием русской торговли, с разложением натурального хозяйства у алтайцев, среди них появляются свои торговцы, скупщики, посредники. С одной стороны, торговлей занимаются некоторые из зайсанов и укту-баев — этих типичных представителей феодально-байской верхушки, с другой стороны, торговлю ведет и новое, буржуазного типа, байство, вырастающее в результате разложения крестьянства у алтайцев. В дальнейшем будет показан процесс образования и нового байства и будет дана характеристика различных типов баев. Здесь же хотелось бы указать, что методы торговли алтайских баев-купцов почти не отличались от хищнических методов их русских собратьев. Миссия писала: «Обмен торгашей-инородцев в торговых сделках с своими же собратьями инородцами простирается до того, что один, например, смелый и ловкий обманщик торгаш ухитрился продать какому-то простаку инородцу фунт изюму за целых десять рублей, убедив покупателя в том, что это была царская ягода, которую есть один царь, и возбудив в нем, таким образом, охоту во что бы то ни стало отведать этой ягоды»[264].

Алтайские бай-торговцы обделывали дела не хуже русских коллег. Чаще алтаец-производитель охотнее шел в кабалу к соплеменнику. Но байская кабала отнюдь не была менее жестокой, чем у русских торговцев, так как в придачу к ростовщическому проценту алтайский бай-

[263] Там же.
[264] Отчет Алт. дух. миссии за 1891 г., стр. 14.

торговец почти всегда еще пользовался бесплатным трудом соплеменника-должника, ибо алтайские торговцы занимались и сельским хозяйством, комбинируя торговлю с разведением скота и земледелием. Занимаясь торговлей, алтайский бай вел свое хозяйство трудом должников (алымду). А баи, ведущие торговлю пушниной и кедровым орехом, «широко практиковали еще» описанные выше условия «тен-улеш» — отработки из половины за средства производства для промысла (лошадь, ружье, огнестрельные припасы).

Такие баи-скупщики — «таныш» — контрактовали не только продукт промысла: пушнину или орех, но и рабочую силу на промысел, и стало быть принимали участие в организации производства промысла, выступая иногда как мелкие капиталистические предприниматели, но в весьма своеобразной и примитивной капиталистической форме.

Главным предметом торговли у алтайцев-баев являлся скот, кожа, пушнина и орех.

Известный по всему Алтаю богач Манджи Кульджинов разбогател благодаря торговле скотом. На Онгудайской ярмарке Манджи скупал весь привозимый хлеб и потом перепродовал его алтайцам, давая в долг под скот, пушнину и орех. Торговлей «красным товаром» не занимался, был известен грубостью и скупостью. Как многие алтайские баи, Манджи раздавал бедноте в болыш коров и за это пользовался отработками.

Радлов сообщает о шорцах, что некоторые из них наживают состояние через тайную покупку золота от русских рабочих золотых приисков, при чем шорские богачи этих мест «не отличаются внешностью от остальных татар»[265]. Ядринцев же отмечает: «Около Кузнецка есть уже весьма зажиточные татарские селения и даже богачи из татар, усвоивших русский комфорт. Свои состояния они приобрели благодаря торговле и посредничеству с отдаленными и более чуждыми инородцами лесов. В накоплении этих богатств однако участвовала значительная доля торговой эксплоатации своих собратий». Или еще: «В Кузнецком округе эти торговые татары, крещеные и некрещеные, заменяют русских торговцев, как и в оседлых селениях Бийского округа, не уступая по жадности и бесцеремонности наживы самым отчаянным кулакам». (стр. 93, 94).

Усть-канские баи-торговцы применяли такой эксплоататорский прием. Они посылали бедняков, в качестве своих агентов, для закупки пушнины по району. Бай давал бедняку некоторую сумму денег, не превышающую стоимость бедняцкого имущества. По условию бай обязывался уплачивать бедняку по 2-3 рубля за каждую сотню купленных белок. При приемке пушнины от бедняка бай производил сортировку и оценку купленной пушнины. При этом бай жестоко браковал шкурки и оценивал их гораздо ниже уплаченной агентом цены. В результате байских подсчетов оказывалось, что бедняк купил «плохую» пушнину и слишком «дорого». Поэтому бай пред'являл к нему требова-

[265] Aus Sibirien, s. 354.

ние возместить «переплаченную» на покупке белки сумму, и бедняк, вместо того, чтобы получить вознаграждение, становился должником бая.

Швецов между прочим упоминает о торговце из крещеных телеутов Максиме Баксарине, который вел обширную торговлю по алтайским стойбищам и был убит алтайцами, очевидно за такую сверхжестокую эксплоатацию, что даже алтайцы не вытерпели[266]. Этим, собственно, исчерпываются литературные указания на торговцев из алтайцев, и только в работе П. М. Юхнева[267], перечисляющего крупные торговые фирмы «в большой черни», в числе русских им указаны и крупные торговцы из алтайцев: зайсан Тобоков, Чендсковы, Кодечи и Самал Тетжоковы, Чычканаков Тулай, Санзар, Баршамаш, Тюхтен и др. Во время промысла сбора кедрового ореха они завозили в чернь товары: чай кирпичный, обувь, кожи, табак, мясо, ножи, огнестрельные припасы, разную мелочь вроде зеркалец, бус и т. п. Приемка ореха от производителей происходила в черни на месте промысла и затем орех свозился к сушилкам и ссыпался в амбары, которые торговцы имели в той же черни.

Наиболее крупным скупщиком ореха в большой черни, прилегающей к Телецкому озеру, из алтайцев был зайсан Михаил Тобоков. Он скупал одну пятую часть урожая черни. Тайга, или чернь, являлась разделенной между Михаилом Тобоковым и его сыновьями. Амбары и сушилки Михаила Тобокова, находились по рекам Ирбиту, Ырна (приток Уйменя). На реке Кара-Кокше в Бежельбике стояли амбары Ивана Михайловича Тобокова. Товары, продукты питания, особенно скот и сухари, Тобоков привозил в чернь к своим амбарам и потом об'езжал с сыновьями и приказчиками станы промышленников, контрактуя добычу ореха и пушнины. В сезон промысла между скупщиками в черни происходила отчаянная конкуренция. Чтобы привлечь сдатчиков на свою сторону, русские скупщики (например, Кайгородов Петр или приказчики купца Орлова) круглые сутки варили возле своих амбаров мясо для угощения сдатчиков, держали водку и раздавали также сухари. Угощение нередко соблазняло даже закабаленных, закредитованных сдатчиков, и они ссыпали орех «чужим» скупщикам. Борьба за сдатчиков шла и другими путями. Например, Тобоков вешал принимаемый орех на весах и вместо гирь клал им одним вывешанные специальные камни. «Пудовка» на таких гирях фактически тянула около 80 фунтов, при чем Тобоков еще сбрасывал часть веса на сорность, на усушку ореха, таким образом можно смело утверждать, что он принимал за 1 пуд — 2 пуда ореха. Русские скупщики Орлов, Обабков и другие вели широкую агитацию против «камней» Тобокова и всячески старались скомпрометировать его «гири». Тобоковским камням они противопоставляли «казенные» с печатью точные чугунные гири.

Однако как только разнеслась молва об этих гирях и стоило им вой-

---

[266] Переселенческие поселки, образов. в 1878 г. Барнаул. 1900. Серия Горн. Алт. и его население, т. III, в. I.

[267] Юхнев. Неземледельческие промыслы. Горн. Алтай и его население, т. I, в. II.

ти в доверие у промышленников-алтайцев, как русские скупщики стали практиковать следующий прием. Они высверливали у чугунной гири дно и заливали его свинцом. Известно, что свинец вдвое тяжелее чугуна, следовательно, такие гири мало чем отличались от тобоковских камней.

Конкуренция русских скупщиков Е. А. Обабкова и его зятя П. А. Орлова шла по линии устройства сушилок для ореха. Обабков и Орлов устраивали более обширные, оборудованные и производительные сушилки, чем Тобоков, который мало обращал внимания на технику сушки ореха и делал это более примитивными и дешевыми способами. На качестве ореха это, естественно, отражалось. В результате быстрее и лучше высушенный орех Обабкова и Орлова раньше вывозился из тайги, раньше запродавался и по более высоким ценам. Капитал Тобокова рос медленнее и превращался в производительный капитал тоже медленнее, чем у его русских конкурентов, которые постоянно часть оборотных средств вкладывали в развитие мелких промышленных заведений: маслодельные заводы, сушилки для ореха и т. д.[268].

Тобоков же приводил своих конкурентов в ярость другим обстоятельством. Благодаря тому, что сын его Данил Михаилович был членом Государственной думы, он при его помощи добился у правительства монополии торговли водкой. Тобоков построил винную лавку в Улале. Это более всего бесило русских скупщиков, так как им в то время было запрещено торговать водкой среди алтайцев. Безусловно монопольная торговля водкой была одним из сильнейших источников обогащения Тобокова[269]. Юхнев дает цифровые данные о торговле в Алтае, относящиеся к 1897 г. Он пишет: «Торговля вся сосредотачивается в руках посторонних элементов: разночинцев и крестьян, — их участие выражается 67 проц., в то время как участие инородцев 33 проц. Юхнев об'ясняет это «большой приспособленностью (? Л. П.) пришлого человека к такому виду труда (! надо было бы сказать эксплоатации. Л. П.), который для туземного жителя-инородца остается почти **недосягаемым** источником существования в силу его, инородца, некультурности, неразвития, **неумения, незнания приемов торговли и пр.».** (Подчеркнутое мной Л. П.). Выше мы видели, насколько «недосягаем» этот вид эксплоатации был для алтайских баев, и как они **не знали приемов** этой эксплоатации. Некультурность торговцев-алтайцев отнюдь не мешала эксплоатации, она только придавала ей более жестокие и своеобразные формы. На деле же сравнительно меньший процент торговцев-алтайцев по сравнению с русскими об'ясняется главным образом монопольным положением в крае русских купцов, как представителей господствующей нации, и большой связанностью русского населения с рынком.

---

[268] Факты о Тобокове и Обабкове мне сообщил М. Нагих—аспирант Сиб. сельхоз. акад.

[269] Тобоков, очевидно, значительную часть своих капиталов поместил в Русско-китайский банк, ибо после Октябрьской революции его сын Даниил Михайлович оказался в Китае, где до сего времени является директором-распорядителем Русско-китайского банка в Тяньдзине.

Установив фактами наличие жестокой торгово-ростовщической эксплоатации алтайцев русскими торговцами и баями, попытаемся раскрыть сущность торговой прибыли и способ образования ее.

В чем состояла сущность торговой прибыли на Алтае? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сделать небольшое отступление. Дело в том, что русский торговый капитал на Алтае представлял «свободную форму существования капитала» (Маркс). Русский торговый капитал не являлся здесь агентом промышленного, производительного капитала, а вел самостоятельное существование на основе неразвитого феодального способа производства. Русский торговый капитал подчинил себе производство алтайцев, приспособил существующие производственные отношения к своим целям. Поэтому и торговая прибыль здесь складывается иначе, нежели торговая прибыль купеческого капитала, подчиненного производству капиталистическому. При капиталистическом способе производства купеческий капитал участвует, как часть производительного капитала, занятого в процессе общественного воспроизводства, и имеет на свою долю часть прибыли, заключающейся в средней норме прибыли. Как доказал Маркс, торговая прибыль в этом случае состояла в том, что купец покупал у промышленного капиталиста товары ниже их стоимости (ниже их цены производства), и торговая прибыль была «равна избытку продажной цены над ценой производства товара, которою для купца является его покупная цена; но ясно, — добавляет Маркс,—что действительная цена товара = его цене производства + купеческая (торговая) прибыль[270]. Таково определение Маркса торговой прибыли купеческого капитала, как подчиненного производительному капиталу, как агенту промышленного капитала.

В Алтае же русский торговый капитал был хозяином производства алтайского колониального хозяйства. Поэтому торговая прибыль купца здесь заключалась в присвоении всего прибавочного, а иногда и необходимого продукта трудящегося алтайца, отчуждаемого «за долги». Торговая прибыль была здесь прежде всего «результатом обсчета и обмана» (Маркс), *результатом кабалы, личной зависимости и происходила из них.*

Путь создания торговой прибыли на Алтае был не сложен. Купец, приезжая в алтайские стойбища, навязывал производителям алтайцам товары в долг. По условию долг должен был уплачиваться продуктом: скотом, пушниной, орехом и т. п. Такой кредит, как правило, сопровождался высоким процентом, таким, чтобы производитель не был в состоянии уплатить долг в назначенный срок, и тогда купец перечислял долг на новый срок, с надбавкой нового процента; так создавалась кабала охотника или скотовода.

Заполучив должника, купец приобретал над ним личную власть, действовал путем внеэкономического принуждения и превращал по существу должника в своего рабочего, присваивая его труд на основе старого способа производства. Вот как получалась та соблазнительная торговая

---

[270] Капитал, т. III—8, стр. 198—199.

прибыль купцов, торгующих среди «инородцев», за которую сражались торговцы и казаки еще в Екатерининской комиссии. Эта прибыль получалась потому, что купец не оплачивал трудящемуся алтайцу всего продукта, который он производил на своего кредитора. Заставляя трудиться алтайца, купец не оплачивал труда, который вкладывал алтаец в производство продукта для кредитора. И, превращая продукт путем продажи в товар, купец продавал неоплаченный продукт и, следовательно, труд алтайца-производителя, и это составляло торговую прибыль купца.

Итак источник обогащения—торговую прибыль—купцов на Алтае составляло присвоение неоплаченного продукта алтайцев. Это достигалось: 1) созданием личной зависимости производителя, внеэкономического принуждения, путем предоставления кредита с высоким процентом, путем создания кабалы; 2) отчуждением неоплаченного продукта «за долги» и превращением этого продукта (путем продажи) в товар, где продавался неоплаченный труд алтайца, затраченный на производство отчужденного продукта.

Тысячу раз прав Маркс, который писал: «Торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет систему грабежа»[271].

Торговля в Алтае состояла в выкачивании сырьевых продуктов. Завозимые русскими товары в общем не улучшали методов ведения алтайского хозяйства, не подымали его техническую базу на более высокий уровень. Русская торговля в Алтае носила реакционный характер, поскольку она удерживала старые способы производства и выкачивала лишь сырье.

Кредитный, ростовщический характер торговли на Алтае, носивший резко выраженный хищнический характер, истощал сырьевые источники края. Купцы брали, вернее выбирали, за долг лучший скот, лучший орех, лучшую пушнину. Это ухудшало породу скота, разводимого алтайцами, заставляло их беспощадно выбивать лучшего зверя и т. п.

Развитию кредитной системы торговли на Алтае способствовало отсутствие развитых рынков и сезонный характер сбыта продукции промыслового да и скотоводческого хозяйства. Наиболее значительное сырье, покупавшееся в Алтае, сбывалось скупщикам в определенное время года, например, пушнина, орех. Скот, который закупался в течение всего года, поступал на рынок осенью. Поэтому закупленный скот до осени пасли в горах, а осенью «гуртовали», т. е. гнали гурты скота на рынок. Это породило особый вид эксплоатации производителя — оставление закупленного скота-молодняка на выпас у хозяина на год и больше.

Маркс писал: «торговля повсюду влияет более или менее разлагающим способом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах имеют своей целью главным образом потребительскую стоимость. Но в какой степени она влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его проч-

[271] Капитал. III, стр. 231.

ности и внутреннего строя»[272]. Иногда, согласно утверждению Маркса, «внутренняя устойчивость и строй докапиталистических национальных способов производства» ставят препятствия для разлагающего влияния торговли, например, в Индии или Китае, где широкий базис производства составляет единство мелкого земледелия и домашней промышленности» и где «большая экономия и сбережение времени, происходящие от непосредственного соединения земледелия и мануфактуры, оказывают здесь самое упорное сопротивление продуктам крупной промышленности», продуктам, которыми Англия наводняла Индию и Китай. Правда, Маркс признает, что и в этом случае английская торговля оказала влияние на способ производства, однако «лишь постольку, поскольку они (англичане. Л. П.) дешевизной своих товаров уничтожают прядение и ткачество, исконную интегральную часть этого единства промышленно-земледельческого производства, и таким образом разрывают общину». Как решается этот вопрос в отношении русской торговли на Алтае?

Своеобразие этого вопроса в Алтае заключается в том, что русская торговля не встретила сопротивления алтайского национального способа производства и быстро овладела им. Тем не менее русская торговля не разрушила способ производства у алтайцев, напротив, долгое время сохраняла его, приспособив к своим целям.

Базисом способа производства, на котором покоилось натуральное хозяйство у алтайцев, служило экстенсивное скотоводство в соединении с зверовым промыслом, при крайне слабом зачаточном развитии домашней промышленности. В отсутствии земледелия, как наиболее прочной базы существования, и в слабом развитии домашней промышленности, и заключалась слабость, неустойчивость способа производства у алтайцев. Особенно ощутительным из'яном алтайского натурального хозяйства являлось неумение обеспечить себя тканью для одежды. Шкуры зверей и овчины быстро уступали место тканям, появившимся в качестве предметов торговли сначала Китая и затем России.

В отсутствии земледелия, подводящего более прочную базу для питания, и в слабом развитии домашней промышленности, особенно в отсутствии ткацкого ремесла, заключалась наибольшая уязвимость натурального хозяйства алтайцев. Именно этими путями проникала русская торговля в поры алтайского способа производства. Именно эта слабость мешала способу производства алтайцев оказать сопротивление проникновению русской торговли.

Здесь весьма кстати вспомнить слова Маркса: «В противоположность английской русская торговля, напротив, оставляет нетронутой экономическую основу азиатского производства». (т. III). Справедливость этого положения можно подтвердить на примере русской торговли в Туркестане. В Туркестане до начала 80-х годов русская торговля не нарушала указанного выше единства мелкого земледелия с домашней промышленностью, составлявшего базу способа производства в Туркестане. Напро-

[272] Капитал, т. III, стр. 283 и дальше.

тив, русская торговля развивалась на основе этого способа производства, ибо «еще в пятидесятых годах Европейская Россия ввозила в Среднюю Азию в 2½ раза меньше хлопчатобумажных тканей, чем вывозила из Средней Азии такого рода готовых тканей кустарного производства (150 тысяч рублей ежегодный ввоз и 400 тысяч ежегодный вывоз). Кроме того из Средней Азии ежегодно вывозилось на 170 тысяч рублей готовой пряжи местного производства»[273]. Несомненно, что после 80-х годов картина изменилась, и русская торговля стала разлагать способ производства в Туркестане. Не случайно Ф. Энгельс, издавая III том «Капитала», сделал к цитированной выше фразе из Маркса следующее примечание: «Это так же начинает изменяться с тех пор, как Россия делает судорожные усилия, чтобы развить собственное капиталистическое производство, рассчитанное исключительно на внутренний и на пограничный азиатский рынок»[274]. Следовательно, Энгельс уже имел основания отметить перемену характера влияния русской торговли в Азии.

В отличие от Туркестана, где способ производства, как основанный на базе мелкого плужного земледелия в соединении с домашней промышленностью, оказывал в течение значительного времени сопротивление русской торговле и сохранял свою устойчивость, в Алтае русская торговля сохраняла старый способ производства в своих целях, в целях приспособления старого способа производства к своим выгодам. В Алтае не было необходимости конкурировать, вытеснять местное производство, напротив, из Алтая нужно было выкачивать и, как можно больше, дешевого и ценнейшего сырья, как пушнина, орех, скот, кожа, шерсть и т. п. Здесь не было нужды расширять и улучшать способ производства, подводить под него более высокую техническую базу, ибо здесь хозяйничал не промышленный капитал, а капитал торговый, посреднический, хищнический капитал, способный паразитировать на любом способе производства, ничего не производя, и высасывать из производителей не только прибавочный, но и необходимый продукт. Здесь торговля господствовала над промышленностью. Конечно, и здесь торговля в известной мере способствовала разложению старого способа производства, поскольку она влекла за собой массовое разорение непосредственных производителей и тем самым ускоряла развитие основной тенденции производственных отношений алтайского феодализма — отделение производителя от средств производства, т. е. подготавливала почву для возникновения капиталистических отношений. Можно решительно утверждать, что до конца прошлого столетия русский торговый капитал в Алтае базировался и паразитировал на неразвитом способе производства алтайцев. Неразвитость алтайского феодального способа производства служила почвой существования русского торгового капитала, проникавшего сюда через торговлю, административный аппарат, через колонизацию (русские кулацкие заимки в Алтае).

---

[273] Лавренть ев. Капитализм в Туркестане. Изд. Ком. академии в 1930 г., стр. 11.

[274] Капитал, т. III, стр. 234. Примечание Энгельса сделано в 90-х г.

Тормозя развитие трудящихся алтайцев, высасывая жизненные соки основной производительной силы — трудового алтайского крестьянства, русский торговоростовщический капитал сохранял формы личной зависимости внеэкономического принуждения и сделал торгово-ростовщическую эксплоатацию основным методом обогащения.

Только к концу прошлого и в начале нашего столетия, в связи с капиталистическим разложением алтайского аила, в связи с зарождением первоначальных капиталистических отношений, торгово-ростовщическая буржуазия русская (и алтайская), выросшая на почве капиталистического разложения натурального хозяйства, начинает принимать участие в сельскохозяйственных процессах, и исключительно посреднические функции русского и алтайского торгово-ростовщического капитала начинают заменяться производительными функциями. Русские кулаки и торговцы-капиталисты начинают создавать сеть маслодельных и кожевенных заведений. Особенно большое развитие получили маслодельные предприятия, часть которых была связана с крупными торговыми фирмами, экспортирующими масло за границу.

12. РАЗЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

После 60-х годов прошлого столетия натуральное хозяйство у алтайцев начинает усиленно разлагаться. Процесс этот, благодаря целому ряду причин, действующих одновременно, протекал в ускоренном темпе. Вот почему к 900-м годам разложение скотоводов-крестьян приобретает признаки, характерные для процесса капиталистического расслоения деревни.

Факт разложения алтайского натурального хозяйства и классовое расслоение среди алтайцев, замолчанный буржуазными исследователями, особенно ярко подтверждается на материале экономической обеспеченности различных групп алтайских скотоводческих хозяйств. Единственным источником этих материалов являются цифровые данные алтайской статистико-экономической экспедиции 1897 г., руководимой С. П. Швецовым[275], и цифровые же сведения статистико-экономического обследования алтайцев в 1908 г. экспедицией Переселенческого управления[276]. Однако, пользование этими данными требует большой осторожности, так как они обработаны методом средних величин. Средние величины прикрашивают действительность, создают видимость хозяйственного благополучия для всего населения и скрывают картину диференциации хозяйства по зажиточности. Я использовал эти материалы, предварительно обработав их в группы по обеспеченности населения различным видом скота. Получилась иная картина. На основании точных данных выявилось резкое имущественное неравенство у

---

[275] С. Швецов. Горный Алтай и его население, т. I и т. II. Экономические таблицы.

[276] Статистические таблицы по обследованию Горного Алтая. Издание Томского переселенческого управления 1908 г.

алтайцев. Это имеет колоссальное значение для исследования общественной жизни алтайцев. Вспомним, как В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России»[277] указывал народникам, что возникновение имущественного неравенства среди крестьянства нельзя рассматривать как «простую дифференциацию». Он писал: «несомненно, что возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса, но одной этой дифференциацией процесс отнюдь не исчерпывается. Старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством». То же читаем у Ленина в работе «Экономическое содержание народничества»[278]. «Дело не ограничивается созданием одного только имущественного неравенства: создается «новая сила» — капитал». Создание этой новой силы сопровождается созданием новых типов крестьянских хозяйств: во-первых, зажиточного, экономически крепкого, ведущего развитое товарное хозяйство, отбивающего аренду у бедноты, прибегающего к эксплоатации чужого труда, во-вторых, «пролетарского крестьянства, продающего свою рабочую силу капиталу». Это указание Ленина чрезвычайно важно и забыть его значит скатиться к народнической социологии. Как же обстояло дело с имущественным неравенством у алтайцев? Так как основным средством производства для большинства алтайцев являлся скот, то посмотрим, как распределялись алтайские хозяйства по степени обеспеченности скотом:

Крупный рогатый скот (по данным 1897 г.)

Группы по обеспеч. крупным рогат. скотом	Колич. хозяйств в груп.		Скота в группе	
	Абсолютное	В %	Абсолютное	В %
Группа без скота . . .	452	8,2	—	—
Имеют 1 голову	366	6,6	366	0,5
„ 2-4	1006	18,1	3018	4,5
„ 4-10	2199	39,7	14784	22,1
„ 10-50	1417	25,6	27446	40,9
„ 50 и выше . .	97	1,8	21415	32,0
Итого	5537	100	67029	100

Из этой таблицы сразу бросается в глаза резкая неравномерность в обеспеченности крупным рогатым скотом. С одной стороны, мы имеем совершенно необеспеченных этим видом скота, 8,2 проц. хозяйства ,и кроме того, 6,6 проц. хозяйств, имеющих лишь одну голову рогатого скота, т.-е. также необеспеченных; малообеспеченных или обеспеченных недостаточно имеем 18,1 проц. С другой стороны, имеем 25,8 проц. хорошо обеспеченных, зажиточных хозяйств, имеющих от 10 до 50 голов, и 1,8 проц. бай-

[277] Сочинения, том III, стр. 126. Издание 3-е.
[278] Сочинения, том I, стр. 341—342.

ских хозяйств, из которых в 34 хозяйствах скот исчисляется сотнями и тысячами голов. Между этими полюсами расположена группа середняцких средне - обеспеченных хозяйств, имеющих от 4 до 10 голов крупного рогатого скота и составляющих 39,7 проц. Характернее всего, что первые 4 группы, составляющие 72,4 проц. всех алтайских хозяйств, имеют 18168 голов крупного рогатого скота, что составляет 27,1 проц. всего крупного рогатого скота, имеющегося у алтайцев, в то время как только одна последняя группа, составляющая 1,8 проц. всех алтайских хозяйств, имеет 21415 голов крупного рогатого скота, что составляет 32 проц., всего имеющегося у алтайцев крупного рогатого скота.

Таким бразом налицо яркая картина разложения скотоводческого крестьянства. Эта картина подтверждается на обеспеченности другим видом скота, рабочими лошадьми.

Группы по обеспечен. рабочими лошадьми	Колич. хозяйств в груп.		Скота в группе	
	Абсолютное	В %	Абсолютное	В %
Группа безлошадных	588	10,6	—	—
„ имеющих 1-2 лош.	1913	34,5	2869	6,9
„ „ от 3-5 „	1238	22,4	4952	11,5
„ „ „ 5-10 „	1077	19,5	8067	19,4
„ „ „ 10-50 „	652	11,8	19560	46,8
„ „ „ 50 и выш.	69	1,2	6375	15,4
Итого. . . .			41823	100

Здесь также видим резкую неравномерность в обеспеченности рабочими лошадьми. Поскольку при кочевом и полукочевом экстенсивном скотоводстве лошадь имеет особенно важное значение в хозяйстве, средняя обеспеченность по Швецову, должна выражаться в 5-10 рабочих лошадей. Таких хозяйств, согласно таблице, 1077 хозяйств, или 19,5 проц. Поражает большой процент (10,6 проц.) совершенно безлошадных, стало быть лишенных возможности кочевания и вынужденных или осесть и перейти к другим способам хозяйства: к лесным промыслам, земледелию[279], или же продавать свой труд в зажиточные хозяйства.

Если обратимся к данным обследования 1908 г., охватившего по сравнению с обследованием 1897 г. несколько меньшее количество хозяйств, то и эти данные также подтверждают разложение крестьян-скотоводов.

И здесь мы видим, что первые 4 групы, составляющие 52,1 проц. обследованных хозяйств, имеют 11230 голов крупного рогатого скота, или 16,6 проц. всего крупного рогатого скота, а последняя малочисленная группа в 177 хозяйств, составляющая 3,8 проц. всех обследованных хозяйств,

[279] Ср. с Радловым, который пишет про алтайцев - телесов, что бедняки не могут разводить скот и занимаются преимущественно земледелием. Reise durch den Altai nach dem Telezker See und dem Abakan. Erman. Archiv für wissent. Kunde von Russland. Bd. XXIII, s. 275.

Крупный рогатый скот.

Группы по обеспеч. крупн. рогатым скотом	Колич. хозяйств в груп.		Скота в группе	
	Абсолютное	В %	Абсолютное	В %
Группа без скота	248	5,2	—	—
Имеют 1 голову	118	2,5	118	0,2
„ 2-3	459	9,8	688	1,0
„ 4-9	1620	34,6	10424	15,4
„ 10-19	1341	28,6	18347	27,0
„ 20-49	728	15,5	22736	33,5
„ 50-100 и выше . .	177	3,8	15516	22,9
Итого	4691	100	67829	100

сосредоточивает у себя 22,9 проц. (15516 голов) всего стада крупного рогатого скота. Таким образом, налицо резкая неравномерность в обеспеченности крупным рогатым скотом. По обеспеченности лошадьми та же картина:

Группы по обеспечению лошадьми	Кол. хозяйств в группе		Скота в группе	
	Абсолютное	В %	Абсолютное	В %
Группа без лошадей . .	221	4,7	—	—
Имеют 1-2 лошади . . .	886	18,9	1351	1,2
„ 3-4 „	614	13,1	2149	2,0
„ 5-9 „	874	18,6	6118	5,6
„ 10-19 „	821	17,5	11377	10,3
„ 20-49 „	822	17,6	26671	24,2
„ 50-200 „	378	8,0	38650	35,1
„ 200 и выше . . .	74	1,6	23727	21,6
Итого	4691	100	110043	100

Здесь резкость между крайними группами выражена еще больше. Первые 5 групп, составляющие 72,8 проц. всех обследованных хозяйств, сосредоточивают у себя 19,1 проц. всех лошадей, тогда как последняя группа (74 хозяйства), составляющая лишь 1,6 проц. обследованных хозяйств, имеет только 21,6 проц. всех лошадей, т.-е. больше, чем первые 5 групп, взятые вместе.

Наконец, то же самое неравенство имеем в обеспечении мелким скотом.

В последней таблице особенно велик процент бесскотной группы. Это свидетельствует о том, что разведением мелкого скота у алтайцев занимались зажиточные и очень богатые скотоводы с торговыми целями. Большинство же населения держало мелкий скот (овец) понемногу и для удовлетворения потребностей своего хозяйства, а не рынка. По существу же более половины всего мелкого скота обследованных хозяйств—55,7 проц.—

Группы по обеспечению мелким скотом	Колич. хозяйств в груп.		Скота в группе	
	Абсолютное	В %	Абсолютное	В %
Группа без скота	1556	33,2	—	—
Имеют 10 голов	425	9,0	4250	2,1
„ 10-19 „	576	12,3	8352	4,3
„ 20-29 „	417	8,9	11216	5,7
„ 30-49 „	587	12,5	20545	10,4
„ 50-99 „	570	12,2	42750	21,8
„ 100-150„	348	7,4	43500	22,1
„ 150 и выше . . .	212	4,5	65907	33,6
Итого	4691	100	196520	100

находилось в руках двух последних групп составляющих 11,9 проц. обследованных хозяйств.

Таким образом рассмотрение статистических данных по обеспеченности алтайцев свидетельствует о глубоко зашедшем процессе разложения алтайского скотоводческого крестьянства. Нужно помнить, что скотоводство для большинства алтайцев являлось главным видом хозяйственной деятельности, ибо 51,5 проц. обследованного населения (экспедицей 1908 г.) совершенно не имело посевов, а 32,6 проц. имели посев (преимущественно ячменя) не свыше 1 десятины. Цифры эти особенно показательны, если принять во внимание экстенсивный способ ведения хозяйства. Это показывает как далеко и глубоко зашло в этот период имущественное неравенство у алтайцев. Добавим, что обследование 1897 г. показало, что из 10,6 проц. безлошадных хозяйств 4,4 проц. не имело и крупного рогатого скота, а 2,6 проц. хозяйств не имело никакого скота совершенно. С этим сопоставим указания исследователей, встречавших алтайцев-богачей, владевших огромными стадами. Кн. Костров пишет о табунах отдельных богачей в 10000 лошадей. Радлов по р. Урсулу встретил теленгита, имевшего 6000 лошадей, а на реке Чуе, попадались богачи, имевшие по 8000 голов лошадей и 1000 голов крупного рогатого скота[280]. Ядринцев и Луценко называют богачей - теленгитов, имеющих 2000 лошадей и 1000 голов крупного рогатого скота[281] А. В. Анохин знал алтайцев — «Башка» и «Ярой», скот которых исчислялся от 15 до 25 тысяч голов. Буржуазные исследователи не хотели придавать этому факту нужного значения и упоминание об имущественном неравенстве у алтайцев у них носит характер случайно оброненных замечаний.

После сказанного не остается сомнений, что у алтайцев мы имеем дело

---

[280] W. Radloff. Brieffe aus dem Altai. Erman. Archiv. Bd. XXI s. 183.
Его же: Aus Sibirien. s. 284.
„ „ Bemerkungen eines nomadischen Altaers. Archiv Bd. XVIII, s. 541.
[281] Ядринцев. Сибирские инородцы.
Луценко. Поездка к алтайским теленгитам, стр. 24.

не просто с «дифференциацией» алтайского хозяйства по обеспеченности, а с процессом перерождения хозяйства, процессом довольно острым и глубоким. Если припомним, что уже в 1897 г. 32,9 проц. алтайских хозяйств не было обеспечено крупным рогатым скотом, а мы знаем, что этот вид скота у алтайцев являлся основой питания, то, стало быть, 32,9 проц. алтайских хозяйств не могли прокормиться своим скотом (сюда входят 8,2 проц. совершенно не имеющих крупного рогатого скота), а 67,4 проц. алтайских хозяйств не были достаточно обеспечены и лошадьми. Отсюда ясно, что значительная часть населения, чтобы прокормиться, должна была существовать покупкой продуктов питания. Понятны также становятся и местные, своеобразные формы эксплоатации, например, аренда молочного скота, отдача лошадей под с'езд, и то, что 12 проц. алтайцев продавали свой труд за бесценок, в качестве пастухов и работников батраков. С другой стороны, бросаются в глаза производственные возможности хозяйств, исчисляющих скот тысячами и десятками тысяч голов, стада которых легко могут быть превращены в капитал.

Можно смело утверждать, что уже в конце прошлого столетия процесс разложения крестьянства у алтайцев зашел довольно далеко.

Каковы же были причины, разлагавшие крестьянство у алтайцев? Выше указывалось, что разложение это шло прежде всего по линии вторжения русского торгового капитала в алтайские стойбища. Отличительными чертами этого вторжения являлись принудительность торговой сделки и ее кредитный характер на основе высокого процента. Об этом подробно говорилось в предыдущей главе. Второй причиной следует признать введение денежных податей и повинностей, которые в условиях натурального хозяйства означали насильственный поворот производителя к рынку и превращали производителя в легко доступный об'ект ростовщической и буржуазной эксплоатации. В главе о денежной ренте об этом сказано достаточно подробно. Наконец, третьей причиной разложения явилась товарная форма алтайского национального хозяйства, возникшая в процессе разложения натурального хозяйства. Об этой причине нужно сказать особо. В большинстве случаев разложение натурального хозяйства алтайского производителя сопровождалось разорением его. Самостоятельный мелкий хозяин, скотовод или охотник, — опутанный тонкими и крепкими нитями торгово-ростовщической кабалы, изнемогавший под бременем налогов, постепенно разорялся и становился сельскохозяйственным пролетарием. Это одна сторона процесса разложения скотоводов - крестьян у алтайцев. Другая сторона этого процесса выражалась в росте своей национальной сельскохозяйственной буржуазии, в росте буржуазного байства, торгующего, занимающегося ростовщичеством, устраивающего торгово - промышленные заведения и т. п.

Таким образом, разложение алтайского скотоводческого крестьянства одновременно означает и образование, формирование новых общественных типов. Сравнительно однородная масса среднего алтайского скотоводческого и охотничьего крестьянства разлагалась, выделяла из себя новые обществен-

ные группы, качественно отличные от среднего крестьянства. Эти новые общественные группы или типы: алтайское буржуазное байство и сельскохозяйственный пролетариат — имели общий признак — товарное хозяйство. В этом их сходство. Их различие заключается в диаметрально противоположном отношении к средствам производства. Буржуазное байство сосредоточивало у себя главные средства производства. Сельскохозяйственный пролетариат «йоктулары» (неимущие) в противоположность «якшиларам» (лучшим людям) были или совершенно лишены всяких средств производства, кроме пары собственных рук, или же владели недостаточными средствами производства для ведения собственного хозяйства и потому были вынуждены продавать свой труд, не будучи в состоянии использовать его в своем хозяйстве. Факт разложения алтайского национального крестьянства не вызывает сомнений. В дальнейшем я остановлюсь на характеристике новых общественных типов алтайского общества, возникших в результате разложения старого крестьянства, теперь же укажу, что процесс разложения старого алтайского национального хозяйства не означал только разложения сравнительно однородных скотоводов и охотников на сельскохозяйственную буржуазию и сельскохозяйственный пролетариат. «Процесс разложения крестьянства, — писал В. И. Ленин, — в то же время процесс смены натурального хозяйства товарным»[282]. Это положение имело место и у алтайцев. Хозяйство алтайцев несомненно перестраивалось на товарный лад. Трудящиеся алтайцы — скотоводы и особенно охотники по существу уже давно работали на рынок. Правда, они не выступали на рынке сами, а продукт их, предварительно обесценив его, реализовали на рынке русские и свои скупщики (таныши). Юхнев указывает, что продажа сельскохозяйственных продуктов у алтайцев практикуется довольно широко и главнейшими поставщиками сельскохозяйственных продуктов, т.-е. сена, масла, мяса, шерсти, шкур, в крае являются инородцы». По размеру годового дохода от продажи сельскохозяйственных продуктов, выражающегося для многих хозяйств в сумме от 5 до 15 руб. (от продажи масла, при цене масла 4 р. 50 к. — 5 р. 50 к. пуд) или от 10 до 20 руб. (от продажи сена, при цене сена 8-10 руб. за 100 копен), можно видеть что в рыночные отношения втягивались и середняцкие хозяйства. Если учтем еще, что 83-84 проц. алтайцев занимались зверовым промыслом и промыслом сбора кедрового ореха, продукция которых целиком шла на продажу, то станет ясно, что основная часть алтайского населения была втянута в рыночные отношения. В зверовом промысле алтайцев основным являлся промысел белки. Наибольшее число хозяйств добывало в год от 20 до 50 белок, затем от 50 до 100. При средней цене на белку 15 копеек за шкурку первая группа зарабатывала от белки около 6 рублей в год, вторая группа 12-15 рублей. О количестве продукции орехового промысла дают представление следующие данные:

---

[282] Сочинения, том III, стр. 120.

Хозяйств добывающих до 10 пудов ореха в год,—14,6 проц.

„	„	от 10 до 20 пудов	—41,5 „
„	„	„ 20 „ 30 „	—20,8 „
„	„	„ 30 „ 50 „	—14,4 „
„	„	„ 50 „ 100 „	— 7,3 „
„	„	„ 100 и выше	— 1,4 „

При средней цене ореха в 70 копеек за пуд большинство алтайцев имело годовой заработок от сбыта этой продукции от 7 до 14 рублей для первой группы и от 14 до 21 рубля для второй группы. На деле же население почти ничего не получало на руки, так как отдавало орех за долги и покупало товары у купцов снова в долг под орех или под пушнину.

Наибольшей товарностью обладали: 1) байские, буржуазные хозяйства, производящие и поставляющие продукт на рынок, покупающие на рынке новые средства производства (сельскохозяйственные машины, племенной, товарный скот), нанимающие рабочую силу, и 2) батрацкие, бедняцкие и маломощные хозяйства, продающие свой труд и существующие покупкой средств существования, предметов личного потребления. Они «меньше потребляют, но больше покупают, чем среднее крестьянство. Они становятся беднее, получая и расходуя в то же время больше денег, а именно — обе эти стороны процесса и необходимы для капитализма»[283].

Из обследования алтайской статистической экспедиции 1897 г. видно, что батрацко-бедняцкая, маломощная часть населения постоянно имела денежный заработок, получаемый главным образом путем продажи труда и затем различных промыслов и ремесленных занятий (извоз, отдача под с'езд последней лошади, выделка овчин и козьих шкур, шитье дох и рукавиц). Хотя расчеты с алтайской беднотой и производились, особенно русскими торговцами и кулаками, преимущественно товарами, все же некоторая часть платежной операции производилась также деньгами. Наконец, довольно длинный список с расценкой, товаров, которые завозились к алтайцам, говорит за то, что натуральное потребление превращалось в денежное. Вот неполный список этих товаров, заимствованный от Юхнова:

Чай русский кирпичный („кураган")	1 р. 10 к., 1 р. 20 к. и 1 р. 50 к. кирпич
„ чуйский	— 2 руб. кирпич
Бязь	— 18 коп. аршин
Даба	— 2 р. 80 к.—3 р. кусок—16 аршин
Свинец	— 20 коп. фунт
Порох	— 1 р. 10 к.—1 р. 20 к. фунт
Ножи	— 20-25 к. штука
Листовой табак	— 15-20 к. фунт
Соль	— 60-70 к. пуд
Выделанная кожа	— 6 р. 50 к.—7 р. штука
Черненая	— 8 р.
Грубое сукно	— 1 р. 80 к. аршин
Опояски	— 30-40 коп.

К алтайцам вполне применимо также положение Ленина, что «разложение крестьянства создает внутренний рынок для капитализма» (т. III, стр.

[283] Ленин, том III, стр. 120.

110), что «превращение крестьянства в сельский пролетариат создает рынок, главным образом, на предметы потребления, а превращение его в сельскую буржуазию создает рынок главным образом на средства производства» (стр. 120). Превращаясь из кочевника-скотовода в сельского пролетария, алтаец существовал продажей труда и покупкой предметов личного потребления. Превращаясь из скотовода, хотя и богатого, но ведущего натуральный способ хозяйства, в сельскохозяйственного буржуа, алтаец стремился воспроизводить свое хозяйство в расширенных размерах и улучшенными, более доходными способами и приобретал средства потребления. Зарождающиеся капиталистические отношения означали одновременно и начало образования внутреннего рынка для капитализма в Алтае.

Середняцкая часть скотоводов отличалась наименьшим развитием товарного хозяйства, но все же была втянута в товарные отношения. Базисом хозяйства этой части населения являлось мелкое скотоводческое хозяйство с примитивной техникой, ставящей существование этого хозяйства под угрозу всевозможных случайностей. Эпидемия скота, затянувшаяся весна, гололедица разоряли массами таких хозяев. После случившегося хозяйственного потрясения они не были в состоянии начать воспроизводство своего хозяйства в прежнем размере, оказывались разоренными и шли в кабалу к баю или русскому кулаку, торговцу. Всякое стихийное бедствие несло массовое разорение этой части скотоводов и превращало их в сельскохозяйственных пролетариев.

Новое буржуазное байство вело комбинированное хозяйство. Баи разводили молочный, товарный скот, занимались земледелием, разводили маралов, устраивали обширные пасеки, маслодельные и кожевенные предприятия, торговали, занимались ростовщичеством. В их хозяйствах вводилась улучшенная техника и более усовершенствованные приемы. Так, известный бай Аргымай Кульджин разводил на Алтае племенных лошадей. Он ездил с целью изучения коневодства в Англию и Германию, неоднократно ездил в Петербург. Он произвел искусственное орошение Кеньгинской долины, фактически принадлежавшей ему, построил маслодельный завод. Алтаец Павел Тыдыкин разводил на реке Куюму племенных быков. По реке Майме разводились племенные холмогорские коровы. Бай и зайсан Комляжской волости М. В. Тобоков выстроил в Большом Карасуке маслодельный завод с отделением в Салганде. Его сын Иван Тобоков имел маслодельный завод в Паспауле[284]. Эти заводы оказывали влияние на близ находящиеся хозяйства, которые становились поставщиками сырья и перестраивались на товарный лад. Н. Богатырев сообщает: «с развитием на Алтае маслоделия зажиточные кумандинцы стали больше держать коров». Вполне справедливо отметил В. П. Михайлов, что «у богачей-инородцев скотоводство начинает принимать характер скотопромышленности, а часть инородцев, живущих вблизи русских селений (например, некоторые инородцы 1 дючины), начинают сдавать молоко на маслодельные заводы».

---

[284] Я не упоминаю здесь о маслозаводах, принадлежавших русским предпринимателям. Несомненно, что таких заводов было большинство.

Однако, маслозаводы алтайцев-предпринимателей были менее рентабельными и поэтому с трудом выдерживали конкуренцию с русскими предпринимателями. Типичным может служить пример конкуренции между Тобоковым и русским предпринимателем Обабковым. У Ивана Тобокова был маслодельный завод в Паспауле, у Обабкова — в Киеке и в Ынырге. Тобоков старался дешевле платить за молоко сдатчикам, рассчитываться с ними товаром, хлебом и проч. натурой, давал товары вперед под молоко. Словом, применял довольно примитивные приемы к увеличению доходности предприятия. Обабков платил за молоко сдатчикам на несколько копеек за литр дороже и тем отбивал сдатчиков у Тобокова. Своих сыновей Обабков сделал мастерами, связался с Бийской конторой крупных скупщиков масла братьев Бландовых, экспортировавших масло в Англию, и все время следил за повышением качества выделываемого масла. Его масло вследствие этого расценивалось на 2-3 рубля за пуд дороже, чем тобоковское масло, шедшее низшими сортами вследствие несовершенства приемов обработки. Однако это не значит, что и Обабков не применял мошеннических хищнических и грубых приемов для обогащения. Он, например, выдавливал дно молоковеса и таким образом получал бесплатно от каждого сдатчика около литра молока[285].

В конце-концов, Тобоков не выдержал конкуренции и вынужден был продать свой Паспаульский маслозавод Обабкову.

Сдатчики-алтайцы возили молоко на заводы или в от[illegible] заводов, где стояли сепараторы, верхом, ставя фляги в кожаные с[illegible]

С проникновением в Алтай сепаратора произошел огр[illegible] сдвиг в обработке продуктов молочного хозяйства. Раньше богачи-алтайцы, доившие много коров, отстаивали сливки в «казанах» — чашеобразных, больших котлах. Снятые сливки, которых, кстати сказать, получали мало, сбивали самым примитивным способом и получали грязное, кислое масло, которое, перетопив, сливали в бараньи или телячьи желудки, в которых хранили масло. Такое масло шло лишь на свое потребление и совершенно не имело спроса, да и организовать производство его в широких размерах было невыгодно и трудно. С проникновением сепаратора «исконное отстаивание сливок заменено отделением сливок посредством центробежных машин (сепараторов). Машина поставила производство вне зависимости от температуры воздуха, увеличила выходы масла из молока на 10 проц., повысила качество продукта, удешевила выделку масла»[286]. В уходе за скотом также произошли существенные изменения. Год от году расширялась заготовка сена. В черневых районах население покупало соль для подкорма скота. Обработка покосов стала производиться в зажиточных хозяйствах при помощи сельскохозяйственных машин и наемного труда. Улучшались и разводились наиболее товарные виды скота. Алтайское скотоводство начинало перестраиваться на товарный лад. Этот процесс сделался заметным,

---

[285] Факты об Обабкове сообщены мне аспирантом Сиб. с./х. Акад. в г. Омске М. Г. Нагих.

[286] Ленин. Сочинения, т. III, 201.

особенно за время с конца прошлого столетия до 1917 г. Данные, характеризующие внутреннюю перестройку скотоводческого хозяйства, представляются в двух нижеследующих таблицах[287].

Состав стада по видам скота

Годы	Лошадей	Кр. рог. скота (включая сарлыков)	Овец	Коз	Всего	Вербл.	Маралов
1897	134294	97482	145726	77717	455219	832	787
в %%	100	100	100	100	100	100	100
1916	146522	148938	219752	52890	568102	888	1839
в %%	109	153	151	68	124	106	233

Из этой таблицы виден неодинаковый рост различных видов скота у алтайцев. Крупный рогатый скот, маралы (разводимые с целью получения пант, сбываемых в Китай), овцы дают наибольший рост. Эти виды скота начинают играть в хозяйстве преобладающую роль. Напротив, роль лошадей и коз уменьшается. Крупный рогатый скот выступает на первое место по сравнению с лошадьми, овцы стали вытеснять коз. Эта перестройка хозяйства выступает еще яснее из вычисления относительных величин каждого вида скота из расчета на 100 голов. Берется только скот, имеющий хозяйственное значение для всей массы алтайских хозяйств.

Годы	Лошадей	Кр. рог. скота	Овец	Коз
1897	29,5	21,4	32,1	17,0
1916	25,7	26,2	38,6	9,5

В земледелии появились железные плуги, бороны, жатки и молотилки. Пасеки пополнялись рамочными ульями. Стали возникать кожевенные заводы, хотя и с весьма несложным устройством. Численно эти хозяйства составляли небольшой процент, но они были фактическими хозяевами алтайских аилов на ряду с русскими кулаками и торговцами. Однако перед последними у них было незаменимое преимущество — у них было общее национальное происхождение с эксплоатируемой массой, родственные, родовые связи, знание языка и обычаев, сходный образ жизни и т. п. Религия, родовые пережитки уже были поставлены ими на службу возникшим новым общественным отношениям. Алтайское байство было сильным конкурентом русских кулаков, торговцев, попов и чиновников в эксплоатации алтайцев, конкурентом, выгодно пользующимся национальной ненавистью алтайцев к русским угнетателям.

[287] Цифровые данные заимствованы из таблиц, приведенных в книге В. Янпольского и Абаимова „Животноводство в Ойротском крае". Новосибирск 1926, стр. 60.

Разумеется, новое буржуазное байство ошибочно представлять однородным. Среди баев этого порядка можно назвать несколько различных типов, получивших среди алтайцев различные названия. Рассмотрим эти типы по материалам, собранным мною среди населения во время поездок на Алтай.

Таныш или коруш-бай — скупщик. В переводе это слово значит «знакомый», приятель.

Большинство имеющихся у меня материалов говорит за то, что скупщик вырастал сплошь и рядом из среды среднего (есть случаи и из бедного) крестьянства и всегда в сфере промыслового хозяйства (охотничьего или сбора кедрового ореха), работающего на рынок. Обыкновенно это происходило так. Кто-либо из артельщиков - алтайцев, промышляющих зверя или собирающих кедровый орех, вызывался сдать продукцию не купцам, рыскающим по тайге, а увезти на ярмарку или к какому-либо из крупных купцов, имеющих резиденцию в больших селах, чтобы продать подороже. Такому человеку поручали сдать продукцию «заодно» и другие артели промышленников. Проделав раз или два подобную поездку, такой человек становился уже «бывалым» и начинал меньше промышлять, а больше ездить по артельщикам, брать поручения и, наконец, бросал промысел совершенно и переходил исключительно к посредническим операциям. Вначале он «прикреплялся» к какому-нибудь из крупных купцов, «от которого и работал», пока не становился богатым и самостоятельным. Мною собрано также не мало указаний, что скупщиком становились и зайсаны, уктубаи, из рода в род славившиеся богатством, которые быстро развертывали крупные операции.

Таныши скупали у алтайцев преимущественно пушнину и кедровый орех. Скупали также и скот, кожи, шерсть, волос и т. п. Капиталистическая эксплоатация танышей была опутана докапиталистическими отношениями и протекала поэтому в неразвитой, примитивной, через это более хищнической форме. Таныш давал охотникам-беднякам ружье, лошадь, огнестрельные и с'естные припасы, посылал их в тайгу промышлять пушного зверя. Половину добытой пушнины бедняк отдавал танышу за средства производства, вторую половину продавал ему на деньги или на товар. Все цены устанавливал таныш, являвшийся монополистом района. Стало быть, всю добытую пушнину бедняк отдавал танышу почти даром. Середняк-охотник нес пушнину и ссыпал орех также танышу, или русскому скупщику, так как продать в тайге больше было некуда. Таныш старался произвести расчет товаром, при чем так, чтобы производитель остался «должником» таныша и законтрактовал бы танышу добычу следующего сезона. Таким образом и производитель, обладающий своими средствами производства, путем кабальных сделок при сдаче продукции закрепощал себя у таныша и промышлял на него из года в год, при чем кабала эта переходила и на потомство. Насколько выгодны были эти операции танышей, видно из того, что таныши имели в селах или улусах каменные и деревянные двухэтажные дома, крытые железом, и что они делили тайгу между собой по

районам во избежание конкуренции. Однако, это не значит, что конкуренции между ними не было.

Крупные таныши скупленный товар отправляли на ярмарки сами, как указывалось выше, и вскоре становились самостоятельными предпринимателями торговых фирм. Более мелкие были связаны с русскими купцами в селах Шебалино, Алтайском, Улале и других более или менее больших торговых селах. Обороты этих танышей вкратце описаны Вербицким: «осенью таныши являются к своим купцам с боченком вина и после благопожеланий с обеих сторон распивают его, без чего никаких операций торговых здесь не бывает и быть не может. По угощении купец ведет танышей своих с их женами и детьми в свою лавку. Таныши набирают товар, какой поглянется, каждый от 100 до 300 рублей серебром, укладывают во вьюки, заходят опять в дом к купцу, справляются с боченком и на прощание, кроме товара, еще получают денег рублей по 50 и более, смотря по состоянию, для собственных оборотов. Чем проще купец держит себя в обращении с инородцами, тем более у него танышей, а чем более последних, тем успешнее идет его торговля. Таныши, возвращаясь в свои кочевья с деньгами и товарами, раздают то и другое своим приказчикам в долг же[288]. Насколько были развиты торговые и посреднические операции на Алтае, видно и из сообщения П. М. Юхнева[289]: «В черневой (таежной. Л. П.) части края путем опроса всех продающих хозяйств установлена солидная цифра — почти **40 самостоятельных скупщиков ореха.** Из них первое место принадлежит зайсану одной из черневых волостей — Комляжской волости, Михаилу Васильевичу Тобокову, скупающему ежегодно, по его словам, от 2000 до 4000 пудов ореха, следовательно, одну пятую часть из всего количества, добываемого в черни (по регистрации 1896 г., в один из лучших годов в черни, было собрано приблизительно 23093 пуда ореха). Тобоков имеет резиденции в селе Улалинском, Карасуке и Салганде. Следующими крупными скупщиками черневого ореха являются жители с. Маймы (Быстрянской управы), обрусевшие инородцы Чендековы или иначе Сафроновы». Далее Юхнев указывает, что по опросам жителей черни установлены здесь следующие скупщики из инородцев: Чичканаков, Суртаев, Кодечи, Санзар, Салбак, Тулай, Баржамаш, Тюктен, Капчакай, Самал, Тутжековы, Капчикаев (с. Бешпельтир), Николай Такачаган и Такачанов Иван (урочище Калбажак). Вербицкий указывает, что «из всего Алтая более всех отправляет пушнины на Ирбитскую ярмарку кузнецкий инородец, торгующий по купеческому свидетельству, Назар Степанович Картюгошев». Барыш-у бай—ростовщик («барыш»—прибыль, барыш). Главное богатство видел в деньгах, а не в скоте, как старинные родовитые алтайские баи. Ростовщичество развилось у алтайцев особенно после введения денежной уплаты податей и повинностей. Деньги стали необходимым элементов в алтайском натуральном хозяйстве, так как ежегодно каждое хозяйство должно было платить денежные подати и повинности. Это открыло новый источ-

---

[288] Вербицкий. Алтайские инородцы, стр. 17.
[289] Юхнев, стр. 36.

ник эксплоатации производителя-алтайца. Трудящийся или сдавал зайсану подать пушниной с тем, чтобы зайсан предварительно реализовал пушнину на рынке, или просто просил зайсана внести за него подать деньгами, а потом расплачивался с зайсаном или демичи натурой: скотом, пушниной и т. п., или же обращался к баю-ростовщику. Ростовщик давал деньги, беря до 20 проц. с рубля, как мне говорили сами алтайцы. Например, широко известный ростовщичеством Пашка Тыдыкин (из рода Кергиль), живший по реке Куюм, брал 20 проц. Микишкин в урочище Урласпак (на притоке реки Маймы) брал 10 проц. Известный бай Николай Такачаков, живший в урочище Калбажак (на притоке реки Бешпельтир), брал также 20 проц. Миссионеры указывают, что алтайские богачи, занимавшиеся ростовщичеством, брали до 60 проц.[290]. Перед империалистической войной в Алтае стали появляться бумажные расписки, выдававшиеся ростовщику при совершении ростовщической операции. Так как грамотных очень мало, то получавший от ростовщика деньги выводил вместо подписи тамгу. Расписку нередко писал сельский или волостной писарь. Бумажной расписке предшествовала своеобразная деревянная расписка «кере-агаш» — свидетель-палочка. Она представляла собой палочку с зарубками. Давая в долг деньги, бай делал палочку «кере-агаш», наносил на ней зарубки по количеству рублей, даваемых в долг, расщеплял «кере-агаш» повдоль и одну половину давал должнику (алымду), вторую оставлял у себя. Когда должник возвращал долг, палочка-расписка уничтожалась. Если должник возвращал только часть долга, то бай брал хранящуюся у него «кере агаш», складывал ее с хранящейся у себя, соструганвал часть зарубок соответственно количеству возвращенных рублей и снова отдавал одну половину «кере агаш» должнику, оставля вторую у себя.

Наиболее известен был ростовщическими операциями бай Манджи Кульджин, брат Аргымая. Манджи Кульджин на одном из с'ездов зайсанов в Онгудае, как будто бы в 1908 году[291], просил разрешения открыть в Онгудае кредитный банк, чтобы обслуживать население ссудными операциями. Манджи предлагал установить размер ссуды от 50 до 1000 рублей, размер процента — 10 проц. Однако, с'езд по инициативе зайсана Комляжской волости Ивана Михайловича Тобокова (сына Михаила Васильевича Тобокова, тоже зайсана, известного среди алтайцев под именем «Давыд») отказал Манджи в его просьбе. Тобоков обосновывал этот отказ тем, что есть государственные и купеческие банки, можно там брать деньги, зачем же открывать новый банк. Если у Манджи много денег и он не знает, куда девать их, пускай несет в банк купеческий или государственный и кладет там». Тобоков и Кульджин были представителями двух типов алтайского национального капитала. Тобоковский капитал сросся с русским капиталом и был его помощником, поддержкой. Капитал Кульджина противостоял русскому, как конкурирующий с ним, и был связан через Монголию

---

[290] Отчет 1915 г., стр. 27.

[291] Сообщавший мне эти сведения С. С. Тозыяков лично присутствовал на этом с'езде, но года точно не помнит.

с китайским торговым капиталом. Столкновение на с'езде Тобокова и Кульджина — столкновение двух типов национального капитала алтайцев с противоречивыми интересами. Но об этом подробнее дальше. Здесь же этот пример имеет значение иллюстрации роста ростовщических операций до таких размеров, что появилась идея организации ростовщического банка. Манджи Кульджин безусловно был крупнейшим ростовщиком в Алтае. Большинство же ростовщиков обладало гораздо меньшими капиталами. Это были кулаки типа русских кулаков-«мироедов», появившиеся в связи с разложением крестьянства. Любопытно, что у черневых алтайцев (тубаларов) ростовщик называется «тебекчи бай». «Тебекчи бай» значит прожорливый, готовый с'есть человека бай, т.-е. соответствует по существу и по смыслу русскому «мироеду». Надо сказать, что этот тип баев занимался не только тем, что ссужал населению деньги, но и торговал, имел довольно крепкое хозяйство, обслуживаемое при помощи чужого труда. Таковы были баи, например, в Черневом районе Табыл жил по реке Кузе, Ялчи в У.-Тербезе, Потрош в Усть-Уймене и др.

Есть еще одна характерная черта алтайского ростовщичества — это возвращение ссуды и процента не деньгами, а натурой. Это практиковали многие алтайцы-ростовщики. Это отмечено и П. М. Юхневым, который писал: «в настоящее время (1897 г. Л. П.) русские купцы вообще неохотно дают инородцам деньги, так-что приходится кредитоваться уже у своих, условия же кредита у своих таковы: беря, например, с осени 3 рубля, инородец обязан на следующее лето доставить «торбока», т. е. бычка, стоящего 4-5 рублей. Многие инородцы бывают вынуждены запродовать своих телят за два года вперед и более, при чем 2-3-годовые торбоки идут за 1 кирпич чая[292] (т. е. 1 руб. 80 к. Л. П.).

Взимание ростовщиком долга натурой в несколько раз увеличивало ростовщический процент, поэтому эта форма ростовщической сделки была еще более тягостна для производителя, чем чисто денежная.

«Титу бай» — «вонючий бай» или «кырс бай» или «карам-бай» — скупой бай. Это — тип богача скряги. Обычно такой бай скверно питался, плохо одевался, не менял одежды пока не свалится, оттого у него одежда была вонючей (отсюда и «вонючий бай»). Он копил деньги, торговал, скрывал свое богатство, очень любил прибедниваться, тяготел к русским.

«Бианду-бай» — щедрый, милостивый или «кол тутпас бай» (у тубаларов) — буквально «в руках не задерживающий», не зажимающий (богатство). В противоположность предыдущему типу бая-скряги, щедрый или добродетельный бай, предприимчивый богач, широко кредитующий население деньгами, товарами, сдающий в аренду скот, сельскохозяйственные орудия, снабжающий охотников с'естными и огнестрельными припасами и т. д. За все эти «благодеяния» он получал с обязанных ему должников продуктами, деньгами, отработками, одновременно и на-

---

[292] Юхнев, стр. 166.

нимая батраков, словом, эксплоатировал население самыми различными способами — капиталистическими и докапиталистическими.

Все перечисленные типы баев появились в результате разложения алтайского национального крестьянства. К ним вполне приложима следующая характеристика В. И. Ленина, данная им в отношении массы деревенских эксплоататоров послереформенной России. Он писал: «Эта масса мелких деревенских эксплоататоров представляет страшную силу, страшную особенно тем, что они давят на трудящегося враздроб, поодиночке, что они приковывают его к себе и отнимают всякую надежду на избавление, страшную тем, что эта эксплоатация при дикости деревни, порождаемой свойственными описываемой системе низкой производительности труда и отсутствием сношений, представляет из себя не один грабеж труда, а еще и азиатское надругательство над личностью, которое постоянно встречается в деревне».

В противоположность «укту-бай», т. е. баям-помещикам, и старому алтайскому крестьянству, новое байство и сельскохозяйственный пролетариат являлись носителями товарных, капиталистических отношений. Элементы капитализма уже появились в алтайском хозяйстве. Подробнее об этом будет сказано ниже, здесь же приходится ограничиться приведением только одного аргумента, свидетельствующего о наличии капиталистических отношений у алтайцев, — это существование своего, выросшего из национальной среды, скупщика, который известен у алтайцев под названием «таныш» или «коруш-бай». В. И. Ленин, критикуя книгу П. Струве. «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (СПБ, 1894 г.), отметил правильность указания Струве на решающее значение появления скупщика следующими словами: «Это указание на решающее значение появления скупщика глубоко верно. Решающим оно является в том отношении, что безусловно доказывает уже наличность капиталистической организации, доказывает применимость и к России положения, что «товарное хозяйство — есть хозяйство капиталистическое», создает то подчинение производителя капиталу, из которого не может быть иного выхода, кроме самодеятельности производителя»[293].

По поводу перечисленных категорий байства нужно сделать еще одно замечание. Было бы ошибочным представлять каждый из перечисленных типов существующим в чистом виде. В действительности они чаще всего выступали в смешанном виде. Ростовщик занимался и танышеством. «Пиянду-бай — ростовщичеством и т. д. В качестве примера достаточно будет сослаться на богача 1-й Алтайской дючины Николая Токачакова. Токачаков жил вблизи селения Бешпельтир, по речке Калбажак. Он происходил из рода «тонжоан» и не был крещеным. Токачаков

---

[293] Сочинения, т. I, стр. 297. См. также стр. 316 „Капиталистическое производство наступает с того момента, когда между производителем становится капиталист (купец, скупщик, кулак), хотя бы он только покупал у самостоятельного (по виду) производителя готовый товар".

торговал скотом, орехом, пушниной. Вел он свое дело так. Летом раз'езжал по стойбищам и сговаривал алтайцев пойти осенью и зимой на зверовый промысел по его поручению. Отправляющимся на сбор кедрового ореха или зверовый промысел он давал лошадь, ружье и с'естные припасы на условии «тен-улеш», т. е. из половины. Возвращая Токачакову лошадь и ружье, промышленник должен был отдать ему за это половину добытой пушнины. На эти условия вынуждены были пойти бедняки и маломощные середняки. Они ездили целыми месяцами по тайге, лазая по кедрам, сбивая шишки или же выслеживая зверя. По возвращении с промысла отдавали половину добытого Токачакову даром, вторую половину продавали ему на деньги или на товар. Если Токачаков находил, что продукции добыто мало, он заставлял тогда промышленника «за то, что мучал лошадь и ел запас», отрабатывать на покосе. Токачаков скота имел немного, всего 150-200 голов, но сено все же заготовлял и преимущественно трудом подобных «должников», комбинируя их труд с трудом наемным. Денег Токачаков имел много и охотно давал их в рост, беря до 20 проц. Родовому управлению 1-й дючины он предложил в свое время построить мост через реку Катунь, ниже впадения реки Узнези на 1-1½ километра. Моста через реку Катунь ни одного еще не было и нет до сих пор. Алтайская легенда о богатыре Сартакпае, строившем мост через Катунь, указывает что этой постройке препятствуют горные духи. Токачаков решил «облагодетельствовать» алтайский народ и сделать то, чего не удалось легендарному Сартакпаю. Катунь — река чрезвычайно бурная, порожистая и широкая. Она разрывает большую территорию Алтая на две части, сообщение между которыми значительную часть года прерывается из-за многоводья, остальное время года сообщение поддерживается с большими затруднениями и опасностями и сопровождается ежегодно довольно многочисленными человеческими жертвами. Паромных и лодочных переправ на Катуни весьма мало, вследствие неблагоприятного строения берегов и быстроты течения. Естественно, что при таком положении предложение Токачакова было принято с радостью, но вскоре же его пришлось отвергнуть в силу неприемлемости условий, на каких предполагал осуществить это предприятие Токачаков.

Токачаков, исчисляя ориентировочно стоимость постройки моста в три тысячи рублей, предусматривал эксплоатацию моста по следующей расценке. За проезд по мосту брать плату: с телеги 15 копеек, с верховой лошади 10 коп., с пешехода 5 коп. Население, узнав о настоящем смысле токачаковской благотворительности, не приняло этого предложения, и Токачаков получил от родового управления вежливый отказ, мотивируемый тем, что если через Катунь построить мост, то начнут скот воровать и угонять на левый берег.

Главным источником обогащения Токачакова была все же торговля. На ряду со скупкой продуктов скотоводства и живого скота, Токачаков в большом количестве покупал орех и пушнину и организовывал добычу этих продуктов при помощи наемных рабочих на самых кабальных усло-

виях, например «тен-улеш». Здесь характерно, что капиталистическая эксплоатация выступает в чрезвычайно своеобразных местных формах, в формах крепостнических, формах примитивных и через это еще более тягостных, как содержащих в себе «азиатское надругательство над личностью».

В связи с проникновением в алтайские стойбища товарных отношений, разложением натурального хозяйства и ростом торгового скотоводства перестраивались сначала на товарный, а потом на капиталистический лад и хозяйства некоторых укту-баев. Прекрасным примером в этом отношении может служить хозяйство баев Суулуковых, живших по реке Куюму (правый приток Катуни). Чочуш Суулуков (умер глубоким стариком в 1923 г.) был типичным укту-баем. У него было много скота. Свыше 100 коров от отдавал в «полыш». Около Чочуша жили и «питались» многие его беднейшие сородочи, фактически находившиеся от него в полукрепостной зависимости. Чочуш довольно широко пользовался отработками. Большинство скота он держал в течение почти всего года на подножном корму, однако Чочуш имел большой покос, который обрабатывали ему «благодарные» должники. Чочуш об'являл, что в такой-то день он назначает «айбы кунь» — день долга, и в этот день к нему с'езжалось столько народа со своими косами-литовками и вином, выкуренным из молока, что выкашивали покос в один день. Чочуш колол скотину, варил и угощал работавших мясом и вином, на этом заботы Чочуша о сене кончались. Уборка сена производилась таким же образом. Чочуш, в основном, вел натуральное хозяйство. Не так организовал свое хозяйство его сын, наследник, Санабай. Санабай не отдавал коров в «полыш», а нанимал доить их женщин-батрачек — «спангы кижи». Молоко пропускал через собственный сепаратор и делал масло для продажи. Продолжая устраивать, как и отец, помочь для сенокосной работы, Санабай ставил больше сена и в основном убирал покос батрацким трудом, применяя сельскохозяйственные машины (сенокосилки и конные грабли). Кроме того Санабай завел торговлю и стал еще быстрее богатеть.

Так же перестроили хозяйство своих предков известные алтайские укту-баи братья Манджи и Аргымай Кульджиновы. Манджи Кульджинов, занимавшийся торговлей и ростовщичеством, мечтал открыть в Онгудае свой ростовщический банк. Братья Кульджиновы сделали свое скотоводство товарным. Ежегодно (1897 г.) они продавали по 200 голов крупного рогатого скота, специально откормленного для продажи на отгонных пастбищах. Алтайцы Павел Туптыш (5 дючина) и Бодя Туушин (2 дючина) продавали ежегодно до 250 голов крупного рогатого скота[294]. Но Аргымай пошел по этому пути дальше. Он стал разводить племенной скот, сделался поставщиком лошадей двора его величества. «Он не раз бывал в столице, ездил в Германию и Англию для изучения коннозаводства. Как хитрый паук, разбрасывая паутину, он становился одним из

[294] Швецов. стр. 354.

крупнейших националов — капиталистов-предпринимателей на Алтае. Все, что он делал, он прикрывал показной любовью к своему народу, желанием его культурно возвысить, перевоспитать[295].

Алтаец Кайтык, имевший 80 табунов лошадей, ежегодно сдавал под с'езд 60 лошадей по 6 руб. в год за лошадь и продавал ежегодно до 500 быков, на ряду с этим раздавал до 600 коров в полыш. Когда Кыйтык оказался замешанным в процессе «бурханистов», он смог выложить сразу 15000 руб. наличными защитникам и благодаря этому выпутаться из процесса. Укту-бай и зайсан черневого района (б. Кузенской волости) Александр Чичканаков стал разводить молочный товарный скот, завел сепаратор, покос убирал сельскохозяйственными машинами и т. д. Рассказывают, что алтайские бан деньги не помещали в банк, а держали дома, в кожаных мешках в постели, под подушкой и целыми днями лежали на них. Любимым занятием их было пересчитывание денег в охмелевшем виде. Иногда, подвыпив, бай садился на лошадь и ехал со своими деньгами к другому баю «считать, у кого денег больше». Так, Николай Токачаков из Калбажака неоднократно приезжал с этой целью в Куюм к Пашке Тыдыкину. Однако Пашка всегда отказывался от такого развлечения, так как он был «титу-бай», хотя владел большим состоянием.

Размеры и организация байских хозяйств на Алтае были таковы, что требовали известного контингента чужой рабочей силы. Контингент свободной рабочей силы, не могущей быть примененной в собственном хозяйстве, за отсутствием или слабостью такового, у алтайцев был весьма значителен. Это видно из таблиц, трактующих о разложении скотоводческого крестьянства, это видно и из не менее убедительного факта, что 5,1 проц. алтайцев [296] не имели собственных жилищ. Мы знаем, насколько первобытно жилище бедных алтайцев, представляющее шалаш из березовых жердей, покрытый корой лиственницы и берестой. Тем не менее 5,1 проц. алтайских хозяйств не были в состоянии иметь и такое жилище. Вот какова была степень экономического благосостояния другой, взаимно полярной байству, части населения. Эти бездомные, не имеющие своего крова хозяйства, жили у баев, у зажиточных людей, работая на них за кров, за скудную одежду и пропитание. Слабое развитие промышленности на Алтае делало использование этой свободной рабочей силы возможным только в сельском хозяйстве. Однако, алтайское национальное сельское хозяйство на первой ступени развития не могло использовать полностью свой национальный сельскохозяйственный пролетариат, и этим об'ясняется удивительная дешевизна рабочих рук на Алтае. Пойти продавать свой труд в русские кулацкие хозяйства решались очень немногие. Для этого нужно было знание русского языка, навыки в земледельческом труде, чего у многих алтайцев не было. Наконец, национальный антагонизм, боязнь православия и вражда с русски-

---

[295] Гордиенко П. Ойротия, стр. 34, Новосибирск, 1931.
[296] Швецов, I, стр. 63.

ми переселенцами на почве земельных отношений заставляли алтайскую бедноту вести голодное существование возле своих баев и реже наниматься к русским. Лишь в особо неурожайные, голодные годы многие семейства алтайцев шли наниматься в работники в русские селения за одно только пропитание, и то это относится скорее к черневым волостям[297]. Наличие дешевых свободных рабочих рук, как следствие недостаточной развитости товарного алтайского хозяйства, делало положение алтайской бедноты чрезвычайно тяжелым. «Если тщеславен и спесив разбогатевший русский торгаш, — пишут миссионеры, — то богатый калмык, особенно родовитый, совсем невозможен в своем обращении с бедными кочевниками. Бедняк буквально ползает перед богачом, чтобы вымолить у него лоскут на одежду и горсть-другую хлеба на пропитание семьи»[298]. Не менее мрачное впечатление можно составить о положении бедноты и по описанию Радлова. Достаточно для этого только припомнить дикую сцену дележа мяса, вернее об'еденных богачами костей, между бедняками и собаками, так красочно описанную Радловым. Радловские arme Nachbarn (бедные соседи) выполняли всяческие работы в байском хозяйстве, пользуясь за это об'едками байского стола. Бай обращался со своими батраками, как с рабами. Приведу несколько примеров. Вот отрывок из сообщения миссионеров о поездке в Чулышман: «Едва мы причалили к берегу, как вышли к нам муж с женой, жестоко избитые. Их привел в это положение богатый калмык, начальник их, которому они более 15 лет служили работниками»[299]. Бошко (собиратель податей) 2-й чуйской волости Сава Евтиеков «прославил себя следующей пыткой над бедной калмычкой 1-й Чуйской волости, жившей у него в услужении, девицей Манай за намерение принять святое крещение... привязавши свою жертву к решетке аила и спутавши ее ноги железными путами, бесчеловечно начал бить ее плетью, обвитой проволокой, затем, правую руку и левую ногу ее перевязавши ремнем, стал крутить оный посредством палки, причиняя несчастной невыносимую боль; потом поставивши Манай на колени на чурку, положил на ее ноги тяжелый шест, а на оба конца оного посадил по калмыку, которых и заставил давить этот шест так, чтобы переломить обе или по крайней мере одну ногу мучимой девицы, каковая цель и была достигнута: правую ногу Манай переломили, вследствие чего она и лежала полтора месяца в постеле, в аиле Савы... Следы страшных побоев Савиных и сейчас сохранились у Манай, нога же, хотя и срослась, но крива и продолжает болеть»[300]. Несмотря на то, что эти зверства были известны чуйским волостным старостам, Саву даже не допросили об этом. Другая работница Савы Куукак, избитая им до полусмерти, удавилась в ту же ночь, как удавился и избитый им ал-

---

[297] Кн. Н. Костров, Улала (Из записок туриста). Томск. губ. вед. 1868, № 49, стр. 7.

[298] Отчет 1909 г., стр. 39.

[299] Записки миссионерского о-ва, т. I, вып. II.

[300] Отчет Алт. дух. миссии за 1912 г. стр. 81.

таец той же волости Тоодыш[301]. Количество этих примеров можно было бы увеличить по рассказам стариков.

На бая нельзя было и в суд пожаловаться, так как зайсанский суд обслуживал интересы баев. Вербицкий сообщает, что провинившегося «инородца» зайсан отдавал на год в работники к достаточному инородцу»[302]. На суде бедняк не мог садиться рядом с баем, а садился позади и говорил после бая. Нередко зайсан присуждал к штрафу бедняка. Бедняк заявлял о невозможности уплатить штраф, ссылаясь на отсутствие денег. Тогда, обычно тут же на суде, находился «благодетель»-бай, который обязывался внести за бедняка штраф, а за это бедняк должен был работать у бая в работниках год или больше, отказаться от этого нельзя. Не даром у алтайцев создалась поговорка: «аннылын мойнын ок кезер, ердин мойнын йок кезер» — шею зверя пуля режет (сечет), шею человека — бедность[303].

По мере развития товарного хозяйства в организации скотоводческого хозяйства происходили существенные изменения. И на Алтае имело силу положение, установленное В. И. Лениным, что «рост товарного хозяйства не мирится с отработочной системой, так как эта система основана на натуральном хозяйстве, на неподвижной технике, на непрерывной связи помещика и крестьянина. Поэтому эта система в полном виде совершенно неосуществима, и каждый шаг в развитии товарного хозяйства и торгового земледелия (в Алтае же торгового скотоводства. Л. П.) подрывает условия ее осуществления»[304]. Развивающееся торговое скотоводство, с улучшающейся техникой, с заготовкой корма на зиму требовало больше рабочих рук. Откармливаемые для продажи стада требовали большего присмотра. Дойные коровы байских хозяйств требовали значительного количества доярок, так как коровы теперь не раздавались в «болыш», а доились баем, и молоко шло на выработку масла. По мере роста товарного хозяйства в Алтае происходило развитие свободного найма рабочей силы (сроковых и сезонных рабочих, лишенных всяких средств производства). Разумеется, отработки в Алтае не исчезли. Они продолжали еще существовать, переплетаясь с новыми формами обеспечения рабочей силой, принесенными другой, противоположной системой хозяйства. Невольно по этому поводу вспоминаются слова Ленина: «Жизнь создает такие формы, которые соединяют противоположные по своим основным чертам системы хозяйства с замечательной постепенностью. Становится невозможным сказать, где кончаются «отработки» и где начинается «капитализм»[305]. Действительно, некоторые из отработок у алтайцев (например, косьба, уборка хлеба, сбор кедрового ореха баю за оказанную им

---

[301] Ук. соч. стр. 82.

[302] Записки миссионера Кузнецкого отделения Алт. миссии В. Вербицкого за 1874 г. Том. губ. вед. 1875. № 23.

[303] Вербицкий. Словарь алтайского наречия, стр. 96. Его же. Алтайские инородцы, стр. 201.

[304] Сочинения, т. III, стр. 150.

[305] Сочинения, т III, стр. 144.

какую-нибудь незначительную услугу, работы, поризводимые инвентарем бая) составляли «прямой переход к капитализму, сливаясь с ним рядом совершенно неуловимых переходов»[306].

Все же на ряду с отработками у алтайцев существовал наем рабочих годовых, сезонных и поденных, работающих байским инвентарем.

По данным обследования 1897 г. продавало свой труд 14 проц. всех «инородческих» хозяйств в Алтае. Среди оседлых алтайцев труд продавало 19 проц. хозяйств, среди же кочевых 12 проц.[307].

Среди алтайцев образовался новый тип населения, располагающийся на противоположном байству полюсе — сельский пролетариат, представлявший собой наемных рабочих. Сюда относились прежде всего все бесскотные и бескоровные алтайцы. Близко к ним стояли те алтайцы, которые имели свое небольшое скотоводческое хозяйство, но в виду ничтожности его размеров и обремененные тягостью налогов и долгов они были вынуждены систематически продавать рабочую силу в чужие хозяйства. Наиболее распространенными представителями пролетариев являлись пастухи (малчы), поденщики (ку ниш), ямщики (ходившие с извозом на хозяйских лошадях), работники-батраки («ялчы», «оскус», «йокту кижи») и другие. Об упадке хозяйства бедняков свидетельствует то обстоятельство, что они часто отдают в аренду предпринимателям свой последний скот за деньги, а иногда и бесплатно, только, за прокорм, а сами, освободившись от своего хозяйства, идут на заработки. Например, П. М. Юхнев сообщает: «Лицами, отдающими лошадей под с'езд, здесь являются главным образом **бедняки**, которые не в силах прокормить весь имеющийся у них скот; поэтому-то они иногда и отдают скот даже без уплаты, довольствуясь тем, что его только прокормил известное время взявший инородец[308]. Стоит ли говорить, как это напоминает русских наемных «рабочих с наделом», о которых В. И. Ленин писал: «Ничтожный размер хозяйства на клочке земли и притом хозяйства, находящегося в полном упадке (о чем особенно наглядно свидетельствует сдача земли), невозможность существовать без продажи рабочей силы («промыслы» неимущего крестьянства), в высшей степени низкий жизненный уровень, даже уступающий, вероятно, жизненному уровню рабочего без надела, — вот отличительные черты этого типа»[309]. Однако здесь же Ленин указывал: «Для того, чтобы доказать правильность отнесения неимущего крестьянства к классу наемных рабочих с наделом, надо показать не только, как и какое крестьянство продает рабочую силу, но также и как и какие предприниматели покупают рабочую силу». То и другое я попытаюсь сделать в дальнейшем изложении.

Среди различных категорий рабочих обследование 1897 г., произведенное П. М. Юхневым, особенно обратило внимание на пастухов. Пастухов

---

306 Там же, 150, 151.
307 Горный Алтай и его население, том I, выпуск II,
308 ibid 143. Подчеркнуто мною Л. П.
309 Сочинения, том III, 129.

держали преимущественно крупные собственники. Кроме профессиональных пастухов существует целая категория сроковых, поденных и сдельных рабочих, у которых в ряду различных отраслей их труда известную долю составляют занятие пастьбы скота. Заработок пастухов, выраженный в деньгах, представляется на основании 52 показаний в следующем виде:

5	хозяйств	зарабатывают	от	5	до 10	рублей в год
12	»	»	»	10	- 20	» »
13	»	»	»	20	- 30	» »
12	»	»	»	30	до 50	» »
8	»	»	»	50	до 75	» »
3	»	»	свыше 100			» »

Но при общих условиях найма на Алтае такой заработок, конечно, является в значительной степени преувеличенным, так как его большую долю пастухи получают в виде продуктов, а затем самый расчет обесценивается той системой пожизненного кредита, при посредстве которого работодатели эксплоатируют всякий труд туземного обитателя края[310].

Юхнев несомненно прав, считая этот заработок преувеличенным, — это следует из сообщения и других исследователей. С. П. Швецов пишет: «У двух, например, братьев алтайцев, живущих по Коерлыку, — Манджи и Аргымая Кульджиновых пастухи-табунщики годовые, получающие по 4 рубля в месяц, пастухи же для рогатого скота нанимаются на полугодие — «на лето» и «на зиму», и получают за сезон по 30 копеек с головы скота. Пастухи **обыкновенно** получают по 20 пудов ячменя и двух лошадей «под езду». Кроме того из «торбоков» — годовалых и полуторагодовалых бычков — составляют особое стадо, за пастьбу которого платят по 1 рублю с головы, но пастух обязан уже сам озаботиться и заготовить достаточное количество сена для подкармливания торбоков в последние 2-2½ зимних месяца»[311]. У Кульджиновых, как пишет Швецов, пастухов было 12 человек.

Мое исследование этого вопроса в северном и правобережном (по реке Катуни) Алтае показывает также меньший заработок. Здесь алтайские баи брали пастухов (малчы) на 6 зимних месяцев, пасти лошадей. В обязанность их входило: 1) ежедневный надзор за табунами, чтобы лошади не отбивались от места кормежки и не уходили бы на проезжую дорогу; 2) разыскивание новых мест кормежки по мере истощения найденных; 3) гонять лошадей 2 раза в день на водопой; 4) гонять лошадей от поры до времени в аил хозяина кормить солью. За все это хозяин платил за 6 месяцев одну четырехлетнюю лошадь (средняя цена 20-25 рублей). Во время пастьбы пастух получал от хозяина еще скудное питание, козлиные обутки — «бычкак одук» (сапоги из лапок дикого козла), козлиную доху (тоош-тон), при чем при расчете доху хозяин у пастуха отбирал.

Юхнев приводит иную оценку труда пастухов «поштучно», «с голо-

---

[310] Горный Алтай и его население, том I, в. II, стр. 153, 154.
[311] Швецов 349. Подчеркнуто мной. Л. П.

вы». «Нанимаются инородцы пасти скот по 20-30 копеек с крупной головы и по 10-15 копеек с мелкой, или помесячно рубля по 2-3». Юхнев также отмечает, что «пастухи известную часть уплаты по обычаю получают продуктами»[312].

Обратимся к другим видам продажи труда у алтайцев. Исследование Юхнева показывает следующее: годовой заработок чернорабочего в большинство случаев составлял от 30 до 50 руб. в год. Для поденных рабочих заработок на основании 133 показаний представляется в следующем виде:[313].

Заработок до 10	рублей	в	год	установлен в 28	случаях.
„ от 10 до 20	„	„	„	в 76	„
„ от 30 до 50	„	„	„	в 17	„
„ свыше 50	„	„	„	в 12	„

Стало быть, в большинстве случаев поденщики зарабатывали от 10 до 30 рублей в год. При этом нельзя не согласиться с характеристикой оплаты найма, данной Юхневым, который писал: «Только зная условия найма на Алтае, особенно широко практикуемые при эксплоатации труда инородца, нельзя говорить о величине годового заработка этого промысла (продажи труда. Л. П.), все операции которого зиждутся на тяжелом кредите, на высокой предпринимательской прибыли работодателя, на невежестве и нищенстве представителя труда»[314]. Даже буржуазный исследователь не мог обойти молчанием жестокой эксплоатации алтайского сельского пролетариата кулацко-байской верхушкой. К сожалению, исследования Швецова и Юхнева, как и другие работы, не позволяют установить ни общего процента хозяйств, применяющих наемный труд, ни распределения этого процента между различными экономически сильными типами хозяйств, что затрудняет детальный анализ вопроса. Несомненно лишь одно, что к наемному труду прибегали зажиточные и байские товарные хозяйства. Это мы видим при рассмотрении условий найма пастухов. Это можно видеть при рассмотрении извозного промысла у алтайцев. Извоз имел большое значение в экономической жизни алтайцев, населяющих долину реки Чуи (и ее притоков) и левый берег Катуни, так как транспортировка грузов по чуйскому торговому тракту, идущему в Монголию, давала заработок, прежде всего, населению районов, прилегающих к тракту. На этот заработок шло население и таких глухих мест, как селение Улаган. «Извоз, — говорит Юхнев, — играл известную роль, так как при обременении их (алтайцев указанных районов. Л. П.) долгами при невозможных условиях кредита он всегда давал им некоторый денежный заработок, при котором они единственно только и могли нести свои податные тяготы»[315]. Промысел этот возник в связи с открытием грузооборота по Чуйскому торговому тракту, связывающему

---

312 ibid, 153.
313 ibid, 155.
314 Ук. соч., 155.
315 Ук. соч., 123.

город Бийск с Монголией[316]. В связи с необходимостью переброски купеческих товаров в Монголию и обратно, алтайцы, живущие близ тракта, стали наниматься в качестве возчиков. Вначале возчиками были среднего и даже ниже среднего достатка алтайцы, ездившие на своих лошадях. Но вскоре же, развиваясь, этот промысел стал приобретать предпринимательский характер. П. М. Юхнев, занимавшийся в 1897 г. обследованием извоза у алтайцев, приходит к выводам, несомненно заслуживающим особого внимания. Основной вывод его гласит, что в этом суровом и тяжелом промысле «наблюдается уже известное распадение элементов, участвующих в извозе: на мелких предпринимателей и зависимых от них возчиков», что «значительным является процент лиц, участвующих в промысле в качестве только простых наемных рабочих». Юхнев, будучи об'ективным, должен был признать «предпринимательский извоз, основанный на эксплоатации труда человека и отчуждающий от самого промысла экономически сильные единицы». Юхневым в качестве примера приводится хозяйство с доходом от промысла в 500 рублей в год. Каковы же условия найма и заработок рабочих-возчиков? Юхнев указывает, что заработок этих рабочих «составляет минимальные доли, не превышающие в год 10, много 15 рублей... В исключительных случаях годовой заработок таких наемных работников повышается и до 20 рублей». Кто же нанимает этих рабочих? Оказывается, что их нанимает чаще всего не сам купец, нуждающийся в перевозке, а предприниматель, подрядчик-ямщик, который принимает заказ от фирмы или купца и выполняет его не сам, а путем найма рабочих. Лошадей купцы-подрядчики имели своих или брали под с'езд у маломощных хозяйств за небольшую плату, от 3 до 5 рублей в год, только за прокорм. Осуществляли перевозку товаров на лошадях не только своих, но и бедняцких, трудом наемных возчиков. Таким образом оказывается, что сдавали лошадей в аренду бедняки, а брали лошадей в аренду зажиточные предприниматели, которые вели свое извозное хозяйство наемным трудом. Тяжелый труд рабочего возчика, (длинный, утомительный почти месячный путь в одну поездку, проходимый в большей части пешком, ночевки под открытым небом, опасные дороги и т. д.) оплачивался чрезвычайно низко. Труд возчика-рабочего при этом обесценивался еще системой расчета. С алтайцами как русские, так и свои предприниматели рассчитывались, по крайней мере, на 50-75 проц. натурой — товарами, продуктами и т. п. При этом товары и продукты задавались вперед, в кредит. Кабальный характер этих приемов совершенно очевиден. Работников-алтайцев нанимали и русские кулаки, занимавшиеся земледелием. Например, в Нижнем Уймоне много батраков-алтайцев жило у кулаков раскольников. Целые семьи алтайцев жили в батраках на купеческих заимках в качестве пастухов купеческих стад, откармливаемых для продажи.

При крайне низкой оплате батраков кулаки-хозяева еще старались

---

[316] Об этом см. С. П. торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая. Барнаул, 1818.

задерживать, а иногда и увильнуть от оплаты, прибегая для этого к различным мошенническим приемам. Вербицкий в «Записках» за 1858 г. рассказывает о крещеном батраке Николае, хозяин которого вырезал у себя ночью колодку пчел и, обвинив в этом Николая, не выплачивал ему заработной платы.

Не менее жестоко эксплоатировался и женский труд. Вот обычная картина эксплоатации женского наемного труда. Богач на летнее время, с апреля до половины октября, когда доился скот, нанимал доярок «саанчы кижи» — по одной доярке на каждые 10-12 голов. Доярка не только доила все лето 2 раза в день коров, а кобылиц — 3-4 раза в день, но и носила дрова, воду, ставила «казаны», т. е. выкуривала араку (тяжелая работа, отнимающая много времени), приготовляла сырчик — «курут» — и т. д. Когда корова переставала доиться, доярка получала расчет — 1 корову (стоимостью в 15-20 рублей) за 6 месяцев работы, работы, начинающейся до восхода солнца и затягивающейся далеко за полночь, если хозяин «гулял» с гостями, т. е. пьянствовал, так как всю ночь нужно было гнать араку. Миссионер Вербицкий сообщает о заработке шорцев, переносящих на спине кладь в обход Мрасского порога (река Мрассу). «Между несущими бывают женщины, грудные дети которых роются в траве под наблюдением 6-летних нянек и девочек 13-14 лет. Переносная цена за 5 верст по огромным камням серого гранита от 20 до 25 копеек за мешок весом от 2 до 2½ пудов. Один старик, встретившийся с нами, за перенос 15 мешков взял 2 пуда ржаных сухарей и считал себя в барышах. В день делают от 4 до 5 проходов. Женщины и девочки не отстают от мужчин, а еще их превосходят»[317]. О такой же мизерности оплаты шорского труда говорит и другое сообщение Вербицкого. Сатлай недавно перекочевал сюда с реки Перзеси, около 50 верст. Для перевозки ульев и домашности он расчистил дорогу от старого жилья своего, подрядивши четырех человек по 25 копеек в день, которые, при помощи его самого с семейством, в 4 дня сделали то, что казенным подрядом стоило бы не менее 50 рублей»[318].

Можно констатировать следующие характерные особенности наемного труда у алтайцев: 1) низкая оплата; 2) применение кредитной (кабальной) системы при найме, например, рабочим-возчикам задавались в кредит товары и продукты в счет будущей работы по извозу. В качестве способов найма кулаки и торговцы применяли контрактацию рабочих, предварительно спаивая их[319]; 3) оплата труда производилась чаще в натуральной форме. Последняя была наиболее выгодным способом присвоения прибавочного труда, так как, снижая стоимость труда рабочего вообще, она еще обесценивала труд рабочего высокой расценкой товаров, которую назначил на них наниматель.

---

[317] Записки миссионера Вербицкого за 1874 г. Том. губ. вед. 1875, № 31.
[318] ibidem
[319] А. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны. Сибирская газета, 1881 г. № 39.

Разложение алтайского скотоводческого крестьянства необходимо дополнялось ростом промыслов, особенно лесных, как зверового и сбор кедрового ореха, так и мелких ремесл, связанных с обработкой продуктов скотоводства и охоты. И действительно ,мы видим у алтайцев зарождение целого ряда мелких ремесл, о которых будет указано ниже. Однако развитие их, еще не выйдя из первоначальной стадии, столкнулось с русской торговлей, вытеснявшей зачатки местных ремесл товарами метрополии.

За период с 1860 по 1870 г. у алтайцев наблюдается сильный упадок скотоводства, отмеченный Радловым. Причину этого упадка Радлов видит в разорении алтайцев русскими торговцами[320]. На обнищание алтайцев-скотоводов указывает и Ядринцев[321]. Но оба исследователя не указывают, каких же хозяйственных групп населения коснулось более всего это обеднение. Между тем это наиболее существенный момент в этом вопросе. Обеднение более всего задело средние и бедные группы алтайского крестьянства. Все исследователи, работавшие в Алтае в период с половины прошлого столетия до Октябрьской революции, указывая на обеднение алтайцев, все же отмечают существование богачей-алтайцев, владеющих тысячами и десятками тысяч голов скота. Богачи-алтайцы менее всего пострадали от всеобщего обеднения алтайцев, явившегося результатом колониальной политики царской России. Цифровые данные 1897 г. также определенно показывают, что обеднение коснулось громадной массы мелких скотоводов. Разорявшиеся мелкие скотоводы сокращали размеры перекочевок, наконец, оседали и обращались к другим видам занятия, как, например, лесные промыслы, а главным образом к продаже труда. Но это конечный момент процесса. С упадком и разорением скотоводческих хозяйств для алтайцев все более и более вырастало значение лесных промыслов. В одном из прошений алтайцев на имя Кабинета в 1897 г. мы читаем: «Остался и еще один промысел — орешный, имеющий для нашего кочевого общества особенное значение, ибо с упадком скотоводства орех для **бедняка-калмыка** являлся не только главным, но и единственным источником существования. Скот преимущественно доставляет одежду и пищу калмыка, а орех за исчезновением зверя идет в уплату ясака и на удовлетворение всех других потребностей кочевника. Кочевник все ему нобходимое, как порох, свинец, чай и прочее, забирает в долг под урожай ореха; почему после сбора и продажи ореха алтаец, уплативши причитающийся с него ясак, несет остальную выручку торговцу, рассчитывается за старое и должает вновь и так из года в год. Благодаря чему сбор ореха есть наша «страда», на которую в чернь, где произрастает лучший орех, собираются кочевники 4 черневых, 2 кумандинских, половина 2 чуйских и половина 6 алтайских дючин, т. е. более двух третей всего кочевого населения Алтая и черни, и

---

[320] Aus Sibirien.
[321] Сиб. инородцы. СПБ, 1891 г., стр. 105—106.

собирают столько, сколько может собрать каждый»[322]. «Таким образом скотом кормится и одевается кочевник, а орехом уплачивает ясак, выполняет все обязательные расходы и новинности, приобретая все необходимое для жизни, **бедняк же даже предметы питания**» (подчеркнуто мною. Л. П.). По данным же Юхнева, у кочевников Алтая зверовой и ореховый промыслы занимают преобладающее место. Ими определяются все главнейшие хозяйственные операции населения и экономические отношения. Из общего количества алтайских хозяйств, по данным Юхнева, зверовым промыслом занималось в год обследования 83,1 проц., сбором кедрового ореха — 83,9 проц. Эти цифры устраняют всякие сомнения насчет значения лесных промыслов для большинства алтайцев. Ореховый промысел, или промысел сбора кедрового ореха, зародился у алтайцев после проникновения в стойбища русского торгового капитала. Мне рассказывали старики, что до прихода купцов они собирали орех понемногу только для себя. Орех толкли вместе со скорлупой, смешивали с толокном, а иногда еще добавляли для лакомства меду и из этой массы делали колобки — «токчок», которые употребляли в пищу. Орех бить стали по заказу купцов и по примеру русских крестьян, приезжавших в чернь за орехом. То же самое мне сообщили и о промыслах — дегтекурение, серотопление, дранье моха. Все эти промыслы появились и получили развитие после проникновения русских в алтайские стойбища, под влиянием развития товарных отношений. Такие же сведения я получил и о пчеловодстве. До прихода русских у алтайцев существовал промысел пчелования (адаруулу агаш бедрен-ят), т. е. разыскивание дупел с дикими пчелами. Мед из найденного дерева доставали, пчел губили. Наибольшего развития достигли промыслы зверовой, которым часть алтайцев занималась и до прихода русских, и ореховый, возникший сравнительно недавно. В этих отраслях к концу прошлого столетия господствовало товарное производство, хозяином которого был русский, а впоследствии и алтайский торговый капитал.

В отношении ремесл алтайцев можно сказать следующее: большинство их было связано с обработкой продуктов скотоводства и охоты и находилось в стадии первоначального развития и отличалось технической отсталостью. Для определения этой стадии достаточно указать, что в большинстве случаев ремесленник работал не на рынок, а на определенных потребителей-заказчиков, выполняя заказы за деньги и за плату натурой. Разумеется, не все виды ремесла были развиты одинаково. Ближайшее рассмотрение показывает, что некоторые ремесла уже обслуживали рынок. Например, шитье рукавиц в некоторых оседлых алтайских селениях. По сообщению миссионера инородцы селения Мыюты за 1888 г. сшили 2 тысячи пар одних рукавиц[323]. В этом же селении алтайцы выделывали замшу и шили чембары, т. е. штаны. «Женщины ежегодно

---

[322] Богатырев, стр. 18—19 (подчеркнуто мною Л. П.)
[323] Отчет Алт. дух. миссии за 1888 г., стр. 31.

напрядают до 30 тысяч пасм ниток и продают их алтайцам» (урочищ. Л. П.»).

П. М. Юхнев, занимавшийся обследованием ремесл населения в составе алтайской экспедиции 1897 г., отмечает наличие занятий ремеслами только в 194 хозяйствах алтайцев, живущих по урочищам[324]. Он выявил следующие ремесла: 1) выделка овчин и шкур, 2) выделка войлока, 3) выделка седел, 4) сапожный и шорный, 5) кузнечный, 6) плотничий, 7) бондарный, 8) смолокуренный. К сожалению, по ряду ремесл у Юхнева нельзя определить, какое количество алтайских хозяйств занято этим ремеслом. Однако, общее количество алтайских хозяйств показывает, что ремеслами занимались около 4 проц. населения; процент весьма незначительный. О производительности ремесл можно судить по следующим данным. Количество выделываемых хозяйством шкур, например, не превышало 30 шкур в год. Годовой заработок составлял от этого около 20 рублей. О выделке кошмы или войлока Юхнев пишет: «Сбивают шерсть исключительно женщины, в прокате принимает участие вся семья. Хороший войлок здесь оценивается в 80 копеек аршин, плохой в 60 копеек. Выделка аршина хорошей кошмы из материала заказчика 25 копеек. Вообще же говоря, войлок алтайской выделки отличается плохими качествами, он неровный, пухл, легко растирается». Кузнечное ремесло хотя и давно известно алтайцам, но не смогло развиться, в достаточной степени, этому мешал завоз русских кузнечных изделий. Алтайские кузнецы даже не имели отдельных кузниц. Кузнецы работали в своей жилой юрте. Вот почти исчерпывающий перечень предметов, выделываемых кузнецами-тубаларами: ножи (бычак), трубка (канза), огниво (отук), мотыга (абыл), удила (уигэн), подфеи (куыйшкан), пряжки к подпругам (колонын бажы), стремена (узени), различные тесла: «адалгы», «чучи» (для выделки трубок), тартка (долото для выдалбливания ложек) и т. п. Юхнев определяет заработок кузнецов от 25 до 50 рублей в год.

Нет нужды останавливаться на обзоре более мелких ремесл, например, седельного, которым было занято 19 хозяйств, выделки решеток для войлочных юрт, отмеченной в 5 хозяйствах, и др. Несомненно лишь одно обстоятельство, что развитию мелкого ремесла очень мешала русская торговля, завозившая соответствующий ассортимент товаров метрополии.

Подведем итог сказанному.

Совершенно ясно, что видеть в диференциации алтайцев простой факт имущественного неравенства глубоко ошибочно. Получающиеся в процессе этой диференциации новые социально-экономические группы качественно представляют собой совершенно иное, нежели старые скотоводы, ведущие натуральное, экстенсивное хозяйство. Старая, более или менее однородная, скотоводческая масса крестьян-алтайцев изменилась до неузнаваемости, разрушилась, и на сцену алтайской жизни уже к концу XIX столетия выступили новые общественные типы. Это, с одной стороны, новое байство, занимающееся торговлей, ростовщичеством, веду-

[324] Юхнев, стр. 145.

щее товарное хозяйство и прибегающее к эксплоатации чужого труда самыми разнообразными способами, начиная от пользования трудом сородичей под видом родовой, родственной «помощи» и различных кабальных сделок, в результате которых следовали отработки, и кончая капиталистическим наймом годовых, сезонных, поденных и сдельных сельскохозяйственных рабочих. С другой стороны, мы имеем окончательно разоренных сельскохозяйственных пролетариев или полуразоренных, но цепляющихся за хозяйственную самостоятельность мелких хозяев (скотоводов и охотников), вынужденных, чтобы поддерживать свое существование, итти в кабалу к баям, отрабатывая арендованную у бая корову, лошадь или десяток овец, или наниматься (часто всей семьей) в батраки, пастухи, чтобы за кров, сношенную одежду и скудное питание отдавать свой труд.

Разложение алтайского натурального скотоводческого крестьянства означало процесс смены натурального хозяйства товарным. При натуральном хозяйстве у алтайцев продукт очень незначительной частью вступал в обращение и преимущественно в форме натурального обмена. Даже продукт крупных владельцев скота: укту-абев, зайсанов — редко вступал в обращение. Поэтому в алтайском скотоводческом хозяйстве лесные промыслы и ремесленный домашний труд существовали как подсобное производство, как необходимое условие, на котором покоилось натуральное хозяйство. Но к концу XIX столетия в алтайском хозяйстве произошли крупнейшие изменения. К этому времени в связи с разложением скотоводческого крестьянства, сопровождающимся разорением мелких скотоводов, огромное значение для мелких скотоводов приобретают лесные промыслы. Господствующей формой производства в этих отраслях становится товарная форма. Товарная форма производства распространяется и на скотоводческое хозяйство. Товарную форму приобретает и человеческий труд, рабочая сила. Продажа труда становится необходимым условием существования для одной части алтайского населения, именно — сельского пролетариата, и необходимым условием ведения товарного хозяйства для другой, для зажиточной и байской верхушки алтайского общества. Товарные отношения оживляют находившиеся как бы в состоянии оцепенения производительные силы. Воспроизводство хозяйства происходит все на расширяющейся основе. Замечается тенденция разведения товарного, особенно молочного скота, улучшается уход за скотом, возникает систематическая заготовка корма на стойловый период. Расширяется сеть покосов, появляются сенокосноуборочные сельскохозяйственные машины, появляется сепаратор. Начинает возникать маслоделие. С ростом производительных сил начинает изменяться форма их развития, форма движения и существования — производственные отношения.

13. ЭЛЕМЕНТЫ КАПИТАЛИЗМА У АЛТАЙЦЕВ

Базисом для капиталистического развития у алтайцев являлось хозяйство крупных скотовладельцев, зайсанов и баев, которые переводили скотоводство на товарные рельсы и придавали ему характер скотопромышлен-

ности. Они увеличивали поголовье скота. Улучшали состав стада в сторону преобладания товарного скота. Крупный рогатый скот и овцы разводятся теперь с торговыми и промышленными целями. Табунное коневодство также изменяет свое направление. Вспомним бая и зайсана Аргымая, крупного коннозаводчика, «поставщика Двора Его Величества». Растет сеть маслодельных и кожевенных заведений. Товарные отношения приводят в движение потенциальные возможности алтайского хозяйства, опутанного нитями торгово-ростовщического капитала. Мелкий производитель все больше и теснее связывается с рынком. Быстро растет сеть крупных и мелких торговых сел среди гущи алтайского населения. Продукты производятся как товар. Товаром становится и человеческий труд.

Все это дает возможность говорить об элементах капитализма у алтайцев ,ибо В. И. Ленин, согласно исследованиям Маркса, установил следующие отличительные признаки капитализма: «1) товарное производство, как общая форма производства»[325]. Продукт принимает форму товара в самых различных общественных производственных организмах, но только в капиталистическом производстве такая форма продукта труда является общей, а не исключительной, не единичной, не случайной. Второй признак капитализма — принятие товарной формы не только продуктом труда, но и самим трудом, т. е. рабочей силой человека. Степень развития товарной формы рабочей силы характеризуют степень развития капитализма»[326]. Оба эти признака у алтайцев выступали довольно ясно, как показано в разделе «Разложение крестьянства». Отрицать наличие элементов капитализма, аргументируя неразвитостью, отсталостью хозяйственного и культурного уровня алтайцев, нельзя. Следует помнить, как высмеивал Ленин народников за непонимание ими, что «в крестьянском промысле, при общей его мизерности, **при ничтожной сравнительно величине заведений и крайне низкой производительности труда при первобытной технике и небольшом числе наемных рабочих был капитализм**»[327] (подчеркнуто мной. Л. П.). Концентрация средств производства в руках буржуазного байства у русской и кулацкой верхушки, наличие свободных от средств производства сельскохозяйственных рабочих, «свободный» наем рабочей силы в зажиточных хозяйствах, появление скупщиков, монополизировавших сбыт продукции, кабала производителя, — все это черты первоначального проявления капитализма в алтайском хозяйстве. Припомним; что В. И. Ленин считал кабалу за «первоначальное проявление капитализма в земледелии»[328]. У алтайцев же можно рассматривать, как первоначальное проявление капитализма в скотоводстве и лесных промыслах. Ибо алтайцы так же, как и русские крестьяне, работали на владельцев денежного капитала.

---

[325] „Первичной формой капитала всегда и везде был капитал торговый, денежный. Капитал всегда берет технический процесс производства таким, каким он его застает, и лишь впоследствии подвергает его техническому преобразованию". Ленин, т. I, стр. 329.

[326] т. I, стр. 306.

[327] Указ. сочин., стр. 126—127.

[328] Экономическое содержание народничества. Соч. т. I, стр. 344.

В. И. Ленин дает следующее определение кабалы: «Это зависимость владеющего своими средствами производства хозяина, вынужденного работать на рынок, от владельца денег, — зависимость, которая как бы она различно ни выражалась (в форме ли ростовщического капитала или капитала скупщика, который монополизировал сбыт), — всегда ведет к тому, что громадная часть продукта труда достается не производителю, а владельцу денег. Следовательно, сущность ее чисто капиталистическая, и вся особенность заключается в том, что эта первичная форма, зародышевая форма капиталистических отношений целиком опутана прежними, крепостническими отношениями: тут нет свободного договора, а есть сделка вынужденная (иногда приказом «начальства», иногда желанием сохранить хозяйство, иногда старыми долгами и т. д.); производитель тут привязан к определенному месту и определенному эксплоататору: в противоположность безличному характеру товарной сделки, свойственному чисто капиталистическим отношениям, здесь сделка носит непременно личный характер «помощи». «благодеяния», и этот характер сделки неизбежно ставит производителя в зависимость личную, полукрепостническую».

Алтайцы переживали период «первоначального накопления», который, по Марксу, означает «процесс отделения производителя от средств производства», «когда значительная масса людей насильственно отрывалась от средств своего существования и выкидывалась на рынок труда в виде свободных как птицы пролетариев» («Капитал», I). Первоначальное накопление «образует предисторию капитализма и соответствующего ему способа производства» (Маркс). В Алтае этот процесс зародился в недрах феодальной формации. Этот процесс был подготовлен у алтайцев развитием феодальных производственных отношений, основная тенденция которых была направлена к отделению производителя от средств производства. Разорение мелкого хозяйства скотоводов и охотников-алтайцев было неизбежным процессом в условиях феодальных порядков и колониального режима. Развитие противоречий феодальных отношений у алтайцев вызывало процесс отделения производителя от средств производства и делало неизбежным переход алтайского общества к капитализму. Этот переход частично уже начал осуществляться, но развитие его было оборвано Октябрьской революцией. Только благодаря пролетарской революции трудящиеся алтайцы избавились от перспективы капиталистического пути развития со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Развитие капитализма у алтайцев задерживалось торгово-ростовщическим капиталом, порождавшим кабальные, полукрепостнические отношения.

Развитие и концентрация крупного сельскохозяйственного производства у алтайцев протекали медленно и отставали от развития второго полюса капиталистического производства, от роста сельскохозяйственного пролетариата. Освобождавшаяся в процессе развития мелких производителей рабочая сила не могла быть целиком поглощена капитализировавшейся верхушкой при тех размерах производства и крайне отсталой технике хозяйст-

ва. Избыток рабочей силы создавал крайне дешевые рабочие руки, что способствовало вырастанию полукрепостнических форм эксплоатации. Бедняк прикреплялся к хозяйству бая и работал на бая целой семьей, получая за это кров, скудную пищу и сношенную одежду.

Своеобразие нарождавшихся капиталистических отношений у алтайцев было в смешении капиталистических форм эксплоатации с докапиталистическими; в приспособлении докапиталистических форм эксплоатации. В хозяйстве капиталистов типа Аргымая отработки существовали на ряду с капиталистическим наймом сельскохозяйственных рабочих и т. п.

Наличие избыточного контингента рабочей силы при слабой развитости алтайского хозяйства и дешевизна рабочих рук представляли собой самую благоприятную почву для широкого мошенничества, грабежа, для быстрого обогощения байства и русского кулачества.

Эти же условия способствовали вырастанию торгово-ростовщической кабалы, превращавшей производителей в крепостных рабочих капиталиста.

При сохранении старых форм эксплоатации и непомерно возросшем бремени царских налогов развитие производительных сил, выходивших из состояния оцепенения, весьма замедлялось. Алтай страдал от недостаточной развитости капитализма. Возникающие капиталистические отношения, будучи опутаны прежними отношениями, выступали поэтому в очень примитивной, а через это еще более тягостной для производителя форме. В. И. Ленин указывал в полемике со Струве, что неразвитая примитивная капиталистическая эксплоатация, во-первых, «вдесятеро ухудшает положение трудящегося, опутывая его сетью особых, добавочных прижимок, а, во-вторых, отнимает у него возможность понять классовый характер совершаемых по отношению к нему «неприятностей» и сообразовать свою деятельность с таковым их характером»[329].

Это глубоко справедливо. Неразвитые формы капиталистических отношений в Алтае тормозили процесс полной пролетаризации производителя. Бая-эксплоататора трудящийся алтаец нередко считал «благодетелем», и сугубо эксплоататорские приемы бая, облаченные в родовые формы помощи, производитель принимал за настоящую родовую, родственную помощь. Такая форма эксплоататорских отношений, маскируя классовую сущность этих отношений, замедляла рост классового самосознания трудящихся алтайцев, благодаря чему баям удавалось отводить недовольство трудящихся в сторону национального антагонизма. Бурханистское движение 1904-5 гг. — наглядный пример этому.

Дикость и патриархальщина, господствовавшие на Алтае как в результате колониальной политики царизма, так и благодаря удаленности от крупных рынков и отсутствия и неразвитости путей сообщения, также весьма замедляли процесс капитализации. Тем не менее, эти обстоятельства вовсе не служили для капитализма непреодолимым препятствием, как это казалось некоторым буржуазным исследователям, напротив, они создавали почву для его развития. Зарождение капиталистических отношений у

[329] Сочинения, т. I, стр. 343.

алтайцев означало только изменение формы эксплоатации. Старые производственные отношения начинали приспосабливаться к новым, и смешение их составляло основную черту неразвитых капиталистических отношений в Алтае до Октября.

14. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН-АЛТАЙЦЕВ

В 1904-5 гг. в Алтае вспыхнуло национально - освободительное движение крестьян-скотоводов, принявшее религиозную оболочку и получившее известность под названием «бурханизм».

Поскольку о бурханизме выросла целая литература[330], остановлюсь только на моменте выяснения социально-экономических условий возникновения бурханизма и попытаюсь дать более уточненное определение бурханизма, нежели это сделано до сих пор.

Выше мы видели, что представляла собой общественно-экономическая обстановка алтайского аила к концу прошлого столетия. Основное средство производства — скот — сосредоточивался в руках зайсанско-байской феодальной и буржуазной верхушки. Свыше 4000 крестьянских хозяйств алтайцев, т.-е. 72 проц. хозяйств, имели 18168 голов крупного рогатого скота, что составляло 27,1 проц. всего крупного рогатого скота, имевшегося у алтайцев, а 97 зайсанско-байских хозяйств (т.-е. 1,8 проц. всех хозяйств) сосредоточивали в своих руках 21415 голов, т.-е. 32,0 всего стада крупного рогатого скота, имеющегося у алтайцев. Такая же картина наблюдалась и в обеспеченности рабочими лошадьми.

Русская земельная колонизация начинала создавать земельную тесноту, в связи с чем усиливались захваты лучших пастбищ и угодий зайсанско-байской верхушкой, которая, видя реальную угрозу наступающей русской колонизации, стремилась обеспечить себя необходимыми землями, огородить, их, установить на них частное землепользование.

Росло обнищание, разорение трудящихся скотоводов. Гнет двойной эксплоатации ложился на производителя-скотовода невыносимым бременем.

---

[330] Статья Д. А. Клеменца. Из впечатлений во время летней поездки на Алтай в 1904 году. Изв. И. Р. Г. о-ва 1905 г. XII. 6 I; С. П. Швец г.; Из религиозной жизни алтайских инородцев. „Сиб. вопросы" № 2, 1906ки. А. Семенов. Религиозный перелом на Алтае. Сиб. арх. 1913 г. № 9—11; Верещагин. В. И. Очерки Алтая. „Сиб. рассвет" 1919 г. № 3—4; Н. Бакай. Легендарный Ойрот-хан. „Сиб. огни" 1926. № 4; Мамет. Ойротия М. 1930. Есть рецензии на Мамета: М. Тайшин. Правда. № 95 от 6|IV 1931. Письмо ред. „Правды" Мамета от 24|IV 1931; А. Шестаков, реценз. в Истор. Марксист. № 15 и письмо его в № 22 за 1931. „За четкость партийной линии в нац. вопросе" рец. в журн. „На ленинском пути" № 1—2, 1931; рец. А. Оширова в журнале „Революция и национальности" № 3, 1930.

В. Мащенко. Алтай на пути к безбожию. Антирелигиозник № 1, 2, 4 за 1931 г. А. Г. Данилин. Бурханизм на Алтае и его контрреволюционная роль. Журн. Сов. этнография № 1 за 1932 г., А. В. Анохин. Бурханизм в Зап. Алтае „Сиб. огни" № 5 за 1927 г.

Царские налоги и различные натуральные повинности неимоверно выросли. Выше было показано, что алтаец платил свыше десятка разных налогов и трудовых повинностей. Зайсанско-байская крепостническая и капиталистическая эксплоатация высасывала из него не только прибавочный, но и необходимый для существования продукт. Грабеж торговцев окончательно разорял трудящихся скотоводов, которые, вдобавок, еще вели хозяйство чрезвычайно отсталыми техническими приемами, так как обрисованная выше обстановка делала невозможным рост производительных сил крестьянского скотоводческого хозяйства, делала невозможным усовершенствование его технической основы. На этом фоне становится понятным то огромное недовольство, какое парастало против эксплоататоров в трудовых массах скотоводов. Однако, недовольство трудящихся, благодаря ловкой политике зайсанско-байской верхушки, искусно отводилось и направлялось ею только **в одну сторону**, именно, **в сторону национального антагонизма, против русских.** Зайсанско-байская эксплоатация сплошь и рядом облекалась в родовой костюм, прикрываясь формами родовой родственной помощи. Русская же кулацкая, поповская и торгашеская эксплоатация выступала в ничем неприкрытом, откровенно грубом виде, поэтому зайсанско-байской верхушке довольно легко удавалось всю тяжесть, весь гнет жизни скотовода-крестьянина об'яснять русским господством, русским насилием. Себя же зайсаны и баи выставляли в роли защитников общих алтайских интересов, защитников дедовской веры и обычаев, в роли борцов против русского гнета и засилья.

Возникает вопрос, для чего же понадобилось зайсанско-байской верхушке направить движение недовольства в сторону русских и заняться разжиганием нараставшего недовольства против царской политики. Разве зайсаны и баи не могли поделить эксплоататорские интересы с русскими угнетателями и жить с ними в мире и союзе, продолжая выжимать соки из соплеменников? Этот вопрос имеет большое значение для понимания элементов, из которых слагалось бурханическое движение, и раз'ясняется из социальной структуры зайсанско-байской верхушки скотоводческого Алтая, где возник и развился бурханизм.

К 1904 г. в южном Алтае нарождается и встает на собственные ноги национальная алтайская буржуазия, выраставшая на основе развивавшегося товарного скотоводства и торговли с Монголией по Чуйскому тракту. Ядро этой буржуазии составляет **феодальная** аристократическая верхушка, «укту»-баи и «укту»-зайсаны, в свое время прославившиеся борьбой с христианизацией и руссификацией Алтая, которая перерастает в буржуазию путем перевода своего хозяйства на товарные рельсы, подводя под него более усовершенствованную техническую базу, делая его более рентабельным и обслуживая его наемной рабочей силой. Одновременно такие хозяйства устанавливали тесную и постоянную связь с рынком, сбывая скот по Чуйскому тракту в обе стороны (в Монголию и в Бийск). В разделе «Разложение алтайского крестьянства» дана достаточно подробная характеристика этого типа хозяйства.

Вот эта-то буржуазная зайсанско-байская верхушка не была и не могла быть довольной царской колониальной политикой.

Колониальная политика тормозила рост производительных сил в Алтае и только выкачивала оттуда сырье. В то время, как товарное, настроенное на капиталистический лад, хозяйство крупных скотовладельцев-алтайцев требовало развития производительных сил, царская колониальная политика всячески способствовала облегчению доступа в колонии русскому капиталу. Алтайская буржуазная верхушка противилась проникновению в Алтай русского капитала как конкурента. Но отсюда никак не следует думать, что предпосылки к самостоятельной эксплоатации в среде байства накапливаются только с развитием товарного скотоводства, как это получается у Данилина[331]. Самостоятельная эксплоатация алтайцев зайсанами и баями велась, как мы видели выше, очень давно. Зайсаны и баи скотоводческих районов давно вели борьбу с русскими эксплоататорами за преимущественное право эксплоатации алтайцев. Русский капитал, проникший в Алтай и в Монголию, имел тенденцию к расширению и укреплению сферы своего влияния.

Южноалтайские зайсаны и баи не могли примириться с таким положением. Если в северном Алтае байство, выросшее на основе торгово-ростовщических посреднических операций по скупке продуктов, преимущественно промыслового характера (пушнина, кедровый орех), не только не противилось совместному сожительству с русским капиталом, а, напротив, нуждалось в этом сожительстве, то не так дело обстояло в южном Алтае, где национальная буржуазная верхушка выросла на другой производственной основе.

Товарное скотоводство, принимавшее характер «скотопромышленности», как выразился один из исследователей, составляло производственную основу для народившегося капитала скотоводческих районов Алтая. Организация нового типа хозяйства, включавшая обработку продуктов скотоводства (молока, кожи), и самостоятельный сбыт продукции сталкивалась на каждом шагу с русским капиталом, откармливающим скот в долинах Алтая, строившим маслодельные и кожевенные заведения в большем количестве и лучше оборудованные. Конкурировать с таким противником алтайскому капиталу было трудно. Устранение сильного и опасного конкурента было бы самым лучшим выходом из положения, в каком оказался алтайский капитал.

Наконец, есть еще одна причина, заставившая алтайскую буржуазию скотоводческих районов Алтая выступить в качестве руководителей национально-освободительного движения алтайцев, причина едва ли не решающая в тот момент, — это обострение земельного вопроса на Алтае.

Царское правительство с появлением правил 1879 г. вступило на путь организованной колонизации Алтая. Приток переселенцев в Алтай усиливался. Колонисты, поселившись на землях алтайцев, производили обшир-

---

[331] Ук. соч. 65

ные земельные захваты, оттесняя алтайцев в малопригодные для обитания, глухие, горные места.

Земельную тесноту ощущали на себе более всего мелкие скотоводы. Зайсаны и баи обеспечивали себя землями общинного пользования путем захвата их общинного пользования в частное наследственное пользование. Вначале баи и зайсаны огораживали свои пастбища под предлогом защиты от русских и русского скота, но вскоре ими не могли уже пользоваться и соплеменники-алтайцы. Постепенно земельная политика Кабинета стала наступать на зайсанов и баев. Желая разрядить нараставшее аграрное движение крестьянства внутренних губерний России, царское правительство разрабатывало планы переселения крестьян из России на окраины, особенно в Сибирь. Кабинет решил воспользоваться случаем и убить двух зайцев сразу. Прежде всего Кабинет решил создать на Алтае колонизационный земельный фонд, который предполагалось передать в казну на весьма выгодных для царя условиях. Кроме того, таким путем коронованный помещик помогал разгрузке внутренних губерний России от «опасного» элемента — малоземельных или безземельных крестьян. Для осуществления такой политики нужно было провести землеустройство у алтайцев, наделить каждое хозяйство определенным душевым наделом (предполагалось 18 десятин), а остальную землю взять в колонизационный фонд. Появляется закон 1899 г., обязывающий к землеустройству в Горном Алтае как русских крестьян, пользовавшихся захватным путем огромными земельными участками, так и инородцев, оседлых и кочующих.

Закон 1899 г. чувствительно поражал в первую очередь зайсанско-байскую верхушку крупных скотовладельцев, занимавших для своего скота пространство в сотни километров.

Для южного и западного Алтая, где концентрировались крупнейшие скотовладельцы, стада которых исчислялись тысячами и десятками тысяч голов, удар, наносимый этим законом, был наиболее сокрушительным. Десятки тысяч голов байского и зайсанского скота нуждались в громадных пастбищах в летний период, нуждались в обширных территориях, оставляемых нетронутыми под зимние пастбища, наконец, требовали громадных участков для заготовки сена, для покосов. До сих пор они не испытывали в этом отношении нужды и пользовались землей почти бесплатно. Закон 1899 отнимал у них все это и предлагал взамен 18-десятинный надел. Не трудно представить, как это взволновало зайсанско-байскую верхушку, и сколько средств и хлопот затратили они, чтобы избавить себя от этой потрясающей неприятности. Правила 1904 г., о которых говорилось выше, были изданы временно и только отсрочивали, но не отменяли действие закона о землеустройстве, это, естественно, не могло успокоить крупных скотовладельцев. Вот почему земельный вопрос явился могучим побуждением для зайсанско-байской верхушки алтайцев не только принять участие в освободительном движении скотоводов-крестьян, но и взять в свои руки руководство этим движением. Не случайно бурханизм зародился на юге Алтая, где особенно остро стояла опасность царской земельной политики.

где захватное частное пользование общинной землей достигло колоссальных размеров. Не случайно во главе движения встали крупнейшие скотовладельцы южного Алтая, **владевшие захватным путем громадными земельными территориями.** Совокупность перечисленных причин, с ударением на последней, вполне раз'ясняет условия, при которых как буржуазная, так и феодальная верхушка южного Алтая приняла активное участие в бурханизме, взяв на себя роль руководителей этого движения. Впервые недовольство алтайских трудящихся против царизма вылилось открыто и в массовой форме в 1904 г. Однако, отражение этого недовольства зафиксировано гораздо раньше в алтайском эпосе, в сказаниях и легендах об Ойрот-хане, в свое время покинувшем алтайцев и обещавшем освободить их из-под ига «белого царя». Более того, известны даже попытки появления Ойрот-хана. В 1885 г. на Чуе появился Кегень, выдававший себя за Ойрот-хана. Алтайцы во главе с зайсанами признали в нем давно ожидаемого освободителя из-под русского подданства. «Самозванец» был быстро ликвидирован русской администрацией, а «для успокоения умов, антиправительственно настроенных пропагандою этого авериста, и предостережения народа от сетей ламства, в том же году преосвященный начальник миссии командировал на Чую чолышманского миссионера... Результатом его поездки было, как известно, сознание бывшими поклонниками Кегеня всей преступности своих действий и решимость присоединиться к святой православной церкви, в чем и дана была ими в то время надлежащая подписка»[332].

Точно так же известны более ранние попытки зайсанско-байской верхушки избавиться от русского подданства и перейти в подданство к Китаю. Мне рассказывали старики, что примерно, в 60-х годах зайсаны пяти алтайских дючин имели тайное совещание, где обсуждался вопрос об отделении от России. Высказавшись единодушно за отделение от русских, зайсаны решили организовать предварительные переговоры с китайским представительством, находившимся в Монголии. Поручение было дано Баробошу (зайсану 1-й дючины), ежегодно ездившему в Монголию по торговым делам. Баробош, захватив в подарок китайскому губернатору черного соболя, черную выдру и черную лисицу, отправился в Монголию. Он получил аудиенцию, где были приняты подарки. Однако дипломатическая миссия Баробоша окончилась неудачей. Ему было указано, что уход алтайцев в Монголию вызовет осложнения в отношениях с Россией, и дело может иметь для алтайцев печальные результаты.

Невзирая на неудачу, алтайские зайсаны не теряли надежды на отделение от России и, ориентируясь на Пекин, поддерживали тесную связь с Монголией, чему весьма способствовал Чуйский торговый тракт. Агенты китайского торгового капитала, монгольские ламы то-и-дело шныряли среди алтайцев, что очень тревожило миссионеров. Об этой связи говорит и то обстоятельство, что внешняя обрядовая сторона бурханизма была ярко окрашена в монгольский цвет. Возглавлявший официально движение ал-

[332] Отчет Алт. дух. мис. за 1886 г., стр. 20.

тайцев пастух Чет Челпанов, как отмечает Верещагин, «долго жил в Монголии». «При аресте Чета вместе с ним был заключен монгольский лама; найдены буддийские книги». Барон Бруннов, посланный в Алтай для расследования причин возникновения движения, в своем рапорте Томскому губернатору, указывал на связь бурханизма с Монголией: «Сам Чет одевался и другим приказывал одеваться в одежду монгольского образца, в принятых в Монголии цветах. Наши бумажные деньги не принимаются простым населением Монголии, которое знает только русскую металлическую валюту. Чет потому из'ял из обращения бумажные деньги, печать Чета — копия печати китайских сановников Монголии, наконец, коронационная шапка Чет Челпанова изображала из себя шапку высшего в Монголии китайского чиновника с отличительными шариками на верхушке»[333]. А. В. Анохин считал не без основания, что кадр первых служителей нового религиозного учения «бурханизма» — «ярлыкчы» — был приготовлен в Монголии ламами. Что касается самого учения бурханизма, то, как установлено, это в значительной мере монгольский ламанизм, приспособленный специально для Алтая.

Крепкая связь с Монголией облегчала зайсанам и баям направлять недовольство угнетенных масс алтайцев в формы, заостренные против русского господства в крае. Начало массового движения «бурханистов» относится к 1904 г.

Весной 1904 г. алтаец Чет Челпанов об'явил своим родственникам и знакомым, что к нему явился всадник на белом коне и в белом одеянии, который возвестил, что он есть Ойрот, что он скоро вернется к алтайцам, и дал заповеди, которые велел Чету об'явить алтайцам через свою дочь. Некоторые из этих заповедей представляют исключительный интерес, в виду их политической заостренности: «С христианами из одной посуды не ешьте. Дружбы с русскими не водите и не зовите их «орус», а зовите «чичке нут» (тонконогие).

Высокая северная белая гора. Долго вы склоняли голову перед ней. Но настало время, когда белая гора нам больше не владыка.

Когда-то все мы были подданными Ойрота и теперь будем знать его одного.

Будем смотреть на русских, как на своих врагов. Скоро им придет конец, земля не стерпит их, расступится, и они все провалятся под землю.

У кого есть русские деньги, расходуйте их скорее на покупку пороха, свинца и товара у русских же, а оставшиеся от покупки деньги принесите ко мне»[334].

А через несколько дней разосланные по всему Алтаю гонцы об'явили народу о предстоящем молении Белому Бурхану в долине Теренг. На моление с'ехалось около 4000 алтайцев. Моление длилось несколько дней. Дочь Чега Челпанова исполняла религиозные обряды в роли «ярлыкчы». На третий день к молящимся алтайцам явился с горы «молодой бурхан» в

---

[333] Цитирую по Мамету. стр. 59

[334] Анохин. Бурханизм в Западном Алтае.

сопровождении девицы. Он обратился с проповедью к народу и сказал: «...Прежде всего выберите из своей среды князя, пусть он возьмет себе с вас клятву о беспрекословном послушании... Деньги и порох отдайте мне для уничтожения. Среди вас в обращении будут другие деньги»... По данному бурханом знаку девица ударила трижды по камню и достала оттуда горсть серебряных денег с изображением дракона (т.-е. китайских)[335].

Князем был избран богач Кыйтык.

После этого в течение целой недели алтайцы наводняли русские села, сбрасывая в лавки русские деньги свои и главным образом, полученные от баев[336], покупая товары. Затем все алтайцы внезапно исчезли. Они снова собрались в долине Теренг многотысячной толпой слушать проповеди и молиться Бурхану.

Русские власти, узнавшие о сборищах, были сильно встревожены и посылали десятками телеграммы в Томск, требуя военной силы для подавления движения. 21 июня «сборище» в долине Теренг было жестоко ликвидировао бийским исправников Тукмачевым. Чет Челпанов был арестован и отправлен в Бийск. «Ратники» исправника Тукмачева начали производить отчаянный грабеж и избиение беззащитных алтайцев[337]. Чет Челпанов просидел около двух лет в бийской тюрьме и был судим вместе с другими главными участниками движения. Процесс бурханистов вызвал большой общественный интерес благодаря тому, что в нем приняли участие народники. Известный народник и этнограф Д. А. Клеменц выступал на суде экспертом и привлек к защите бурханистов виднейших столичных адвокатов. Совместными усилиями им удалось затушевать политическую сторону процесса и выиграть дело. Чет Челпанов был оправдан и вернулся в Алтай, где вместе с дочерью сделался «ярлыкчы».

Несмотря на разгром бурханистов в долине Теренг, невзирая на разгул реакции, наступившей после революции 1905 г., движение бурханистов не прекращалось. Напротив, бурханизм сделался популярным учением и религизоным воззрением среди алтайцев. Новокрещеные алтайцы отходили от искуственно привитого им православия, обращаясь в бурханистов. Алтайская миссия неистовствовала в своих печатных изданиях по поводу бурханизма, справедливо выпячивая его политический смысл[338].

На развитие бурханизма оказали большое влияние русско-японская война и революция 1905 г. Поражение русских войск стало известно в Алтае и было использовано зайсанско-байской верхушкой. Мощь «белого царя» оказалась мифом. В борьбе с «Епон царем» белый царь оказался слабее. Это еще более усиливает ориентацию на восток, на Пекин и Токио. Возможно, что военные неудачи «белого царя» послужили поводом к открытому массовому движению алтайцев. В дни общих молений в долине

---

[335] Анохин. Бурханизм в Западном Алтае.

[336] Верещагин приводит факты раздачи богачами русских денег алтайцам. Бай Аднай один роздал около 6000 рублей.

[337] Подробнее смотрите в книге Мамета „Ойротия".

[338] См. отчеты Алт. дух. миссии.

Теренг перед разгромом пелась песня, в которой Ойрот-хан отождествлялся с японским императором:

Не в нашей земле найден Епон царь, Ойрот царь.
С древних времен (ты) не являлся
Природный ойрот, чинодержавный царь наш[339].

Антирусские лозунги буквально пропитывают песни бурханистов, и в них слышится открытый призыв к борьбе с русскими.

Иди товарищ побежим
Из шести луков будем стрелять
Российского народа не будет
Из десяти луков будем стрелять
Русского народа не станет

Каменный дом с восьми комнатами
не есть дом.
Русская серянка не есть огонь
Косматый поп не есть человек[3].

Новая бийская коса, зачем она режет (нашу) зеленую траву
На подводах приезжающие чиновники, зачем они мучат нас.
Томские сенокосилки, зачем они косят нашу сочную траву.
Томские чиновники, зачем они мучат нас скрученных.

В этих песнях события русско-японской войны находят живой отклик, и симпатии алтайцев на стороне «Епон царя», на стороне Токио.

«Сапоги мои с извилинами (украшениями) напоминают о стране Токио
Сапоги мои со складками напоминают о том же».
«Пусть нашим питьем остается березовый сок
А нашим украшением — широкая шапка.
Наша обувь с нашивками как густой Алтай на Иртыше, новом Токио
Наши обутки с кантами как у жителей Токио
Наш шестиугольный Алтай не лишен прежней благодати,
Потому что наш драгоценный Ойрот царь,
Наша радость и веселье, к нам возвращается...[340]

Вести о революции 1905 г., о манифесте от 17 октября особенно сильно взволновали алтайцев. Ссылаясь на манифест, зайсаны 2, 3, 4 и 5 алтайских дючин от имени 512 аилохозяев обратились к приставу бийского уезда с прошением об исходатайствовании перед высшим начальством об официальном разрешении исповедывать новую «белую веру», т.-е. бурханизм. В прошении указывалось на дикость и отвратительность старой веры (шаманизма) и излагались преимущества новой веры, среди которых особенно подчеркивалось, что «белая вера» «спокойствию закона и начальства ничуть не препятствует»[341].

Прошение было оставлено без положительного ответа. Алтайская миссия не могла отдать своей монополии на религиозную пропаганду и терпеть конкуренцию «ярлыкчы» — проповедников бурханизма.

Большое впечатление на алтайцев произвел царский указ о созыве Государственной думы. Зайсанско-байская верхушка организовала с'езд алтайцев в урочище Ябагана, близ Усть-Кана, на котором было постановлено послать от алтайцев депутата в Государственную думу. На Ябаган-

---

[339] Цитирую по Мамету, стр. 39, 1910, стр. 95—97
[3] Отчет Алт. дух. миссии, 1910, стр. 95-97.
[340] Отчет Алт. дух. миссии за 1910 г. Приложения.
[341] Отчет миссии за 1917 г.

ском же с'езде было решено послать в столицу делегацию от алтайцев с ходатайством об удовлетворении требований на представительство в Государственной думе, об ограждении алтайцев от земельных стеснений, об открытии профессиональных школ и т. п.[342].

Однако, наступившая после 1905 г. волна реакции захлестнула и Алтай, и национально-освободительное движение алтайцев заглохло, ушло в подполье, чтобы возродиться в революцию 1917 г. Подводя итог сказанному о бурханизме, можно решительно утверждать: во-первых, бурханизм **представлял собой национально-освободительное движение алтайцев-крестьян против колониального угнетения, против притеснений и произвола русских эксплоататоров. Невзирая на религиозную оболочку этого движения, мы должны рассматривать бурханизм как политическую борьбу скотоводов-крестьян против колониального режима.** Правда, борьба эта велась в своеобразной почтительной форме, на коленях с обнаженными головами, но все же это была борьба, политический протест трудящихся алтайцев[343].

Политическая сущность бурханизма не укрылась от зоркого глаза Алтайской духовной миссии. Вот как расценивала миссия это «воинствующее язычество» (так миссионеры называли бурханизм). В отчете за 1910 г. миссия пишет: «Бурханизм и ламаизм взяли на себя задачу сплотить инородцев во враждебную к России массу и возбудить в них сильное тяготение к языческим странам востока — Японии и Китаю. Но местные власти, повидимому, находят это в порядке вещей, обнаруживая тем крайнюю **политическую близорукость и отсутствие понимания, к какой пропасти ведет такое положение ту государственность, представителями которой они являются** (подчеркнуто мною. Л. П.).

Во-вторых, **бурханизм надо рассматривать и как попытку алтайской национальной буржуазии** (скотоводческих районов) **совместно с представителями китайского торгового капитала — монгольскими ламами — использовать национально-освободительное движение трудящихся-алтайцев в своих целях;** именно для укрепления своего политического, экономического и бытового влияния среди алтайцев с целью более интенсивной и монопольной эксплоатации их и вытеснения господства русского капитала, как конкурента монополиста.

Участие в бурханизме как зайсанско-байской антирусской верхушки, так и агентов китайского торгового капитала — монгольских лам — **есть борьба этих элементов с русскими капиталистами, чиновниками, попами за об'ект эксплоатации,** за огромные горные латифундии, на которые покушался развивающий арендное дело царский Кабинет.

Наконец, бурханизм, как форма религиозной идеологии, по сравнению с шаманизмом, более отвечал новым производительным отношениям, развивавшимся на юге Алтая и выражавшим новый уровень развития произ-

[342] Проблески пробуждения среди калмыков Алтая, газ. „Сиб. жизнь" 1906 № 163.

[343] Собравшись тысячными толпами в долину Теренг, алтайцы производили моления на коленях, с обнаженными головами, с ножами, отцепленными от пояса.

водительных сил, новое соотношение классовых сил. К сожалению, я не имею возможности развить этот вопрос.

15. РУССИФИКАЦИЯ АЛТАЯ И ЗАЙСАНСКО-БАЙСКАЯ ВЕРХУШКА

Мы видели в разделе «Торгово-ростовщическая эксплоатация», что торговля в Алтае служила одним из главных источников обогащения как русских торговцев, так и алтайских баев. Возникновение русской торговли и быстрое развитие ее на Алтае вначале встретило большое сочувствие со стороны феодальной верхушки алтайцев[344]. Но вскоре же феодальная аристократия алтайцев резко изменила свое отношение к русской торговле на Алтае, так как убедилась, что проникновение русских торговцев, закабалявших алтайцев сетью бесчисленных долгов, означает переход эксплоатируемой монопольно зайсанско-байской феодальной верхушкой трудящейся массы в руки русских эксплоататоров, торговцев, а в след за ними и в руки миссионеров, зажиточного русского крестьянства и т. д. Кочевая аристократия почувствовала опасность лишиться не только монопольной, но и вообще всякой фактической возможности эксплоатации своих подданных. Она поняла, что всякий шаг по пути руссификации означает потерю эксплоататорских привилегий. Она вскоре же могла убедиться, что деятельность Алтайской духовной миссии направлена и к захвату земель. Миссионерские селения становились очагами земельных захватов и отпочковывали от себя отдельные заимки. Хозяйства заимочников проникали очень далеко в глубь Алтая и в отношении земли вели ту же захватническую политику.

До возникновения миссии зайсаны и крупные баи являлись единственными фактическими собственниками огромных территорий, покрытых прекрасными пастбищами. Общинное землепользование у алтайцев, зафиксированное русским законодательством и отмеченное многими исследователями, в руках зайсанов и укту-баев по существу являлось формой частной собственности на землю. Занимая своими стадами обширные пастбища, зайсаны никому не платили никаких налогов и распоряжались землями по своему усмотрению. И вот, когда миссия начала строить монастыри и миссионерские селения, аристократическая верхушка алтайцев выступила против христианизации и руссификации. В руссификации зайсаны и баи видели покушение на свое привилегированное положение единственных распорядителей землями Алтая. Надо учитывать, что феодальная верхушка алтайцев в то время вела в основном натуральное скотоводческое хозяйство, с крайне отсталой техникой, требующей наличия огромных пастбищных территорий, чтобы прокормить стада, так как заготовка корма производилась в небольших размерах, и круглый год скот пребывал на подножном корму. С другой стороны, феодальная аристократия при слабой товарности хозяйства могла существовать только на основе докапиталистических форм

[344] См. выше в разделе „Торгово-ростовщическая эксплоатация". Рапорт Крафта с донесением драгуна Давыдова.

эксплоатации, среди которых личная зависимость, внеэкономическое принуждение играли крупную роль. Руссификация подтачивала основы существования феодальной знати алтайцев, перебивала у нее зависимого производителя. Это было достаточным стимулом, чтобы повести отчаянную борьбу против руссификации. Феодальная знать сумела поставить себе на службу свое положение в обществе, обычаи и религию, и ей удалось повести за собой значительную часть трудящихся алтайцев и оказать упорное противодействие царской политике. Особенно сильно это проявилось в сопротивлении христианизации Алтая, в сопротивлении миссионерской деятельности Алтайской духовной миссии. Вначале сопротивление обращению в христианство носило пассивные формы. Население, запугиваемое зайсанами, попросту убегало от крещения. Например, старшины Кондомской волости, Баштин и Нижней Команды Акачуя Итигечев об'явили подполковнику Кенеману: «Слышали они, что русское начальство намерено своих верноподданных, около Кузнецка живущих, татар крестить, отчего они двоеданцы имеют великое смятение и многие удалились неизвестно куда», поэтому старшины просят от крещения народ их освободит»[345]. О страхе перед крещением телеутов сообщает и В. Радлов[346].

В дальнейшем формы сопротивления изменились. Сопротивление христианизации приняло весьма активные формы. Помимо постоянной агитации против крещения, застращивания зайсанами и укту-баями своих зависимых соплеменников, угроз и проклятий камов (шаманов), к новокрещеным алтайцам применялись меры физического воздействия. Зайсаны наказывали принявших крещение розгами, отбирали скот, домашнее имущество[347], подвергали новокрещеных всяческим притеснениям и бойкоту. Бошко (собиратель податей) 2-й Чуйской волости Сава Евтиеков устраивал пытки для крестившихся алтайцев, «одним из таковых вырывал из бороды и головы волосы, другим вырезывал ножем кресты на подошвах»[348]. Работников Куукак и Тоодын он довел истязаниями до самоубийства. Алтайца Матак жестоко избил за то, что дал миссионеру коня и повез миссионера по сравнительно хорошей, неопасной дороге. У крестившегося алтайца Одора он отобрал скот. Сава приказал срубить поставленный миссионером на Карагеме большой деревянный крест[349] и т. д. Зайсан Чеберек распустил молву, что крещеных алтайцев будут отдавать в солдаты[350].

Иногда репрессии со стороны некрещеных зайсанов и богачей направлялись непосредственно против миссионеров. Кебезенский миссионер Дометиан сообщает: «зайсан Кергежской волости Кабук Артоков узнав, что в числе обращенных находятся его сестра и главный их кам, чрезвычайно раздра-

[345] Материалы для истории Сибири, кн. 4-я. 1866 г. Рапорт подполковника Кенемана от 30 декабря 1751 г.

[346] 335.

[347] Из записок кебезенского миссионера Алт. дух. мис. иеромонаха Дометиана за 1865 г., стр. 59. „Душеполезное чтение". 1866 г., май.

[348] Отчет Алт. дух. миссии за 1912 г., стр. 80.

[349] Ук. соч. Записка миссионера Алт. дух. мис. иер. Макария, за 1863 г., стр. 44. Душеполезное чтение, 1864 г.

[350] Ук. соч., стр. 60.

женный, прибежав ко мне в дом и, нанеся мне разного рода оскорбления, начал изрыгать хулу и на св. церковь Христову, когда новокрещеные вывели его из дому, он схватил полено, бросил в меня и хотел выбить стекла в окнах»[351]. «В аиле Кунгуре миссионер был изгнан из юрты дубиной. В аилах Айтакане и Чакыре миссионеру удалось предложить только краткие беседы, частью за отказом оглашаемых слушать слово божие, частью за вмешательством пьяных, бесчинствовавших при проповеди»[352]. Земский заседатель 2-го участка Кузнецкого округа писал Кузнецкому окружному исправнику от 16 ноября 1893 г., за № 1124, что «нападения на миссионерские дома и церкви происходят (в Чулоков.). Часто — временно и ныне производят таковые, как следует полагать, некрещеные инородцы, так как некрещеное население относится враждебно к миссионерству и его деятельности в распространении православия»[353].

Миссионеры прекрасно видели и об'ясняли себе причины и характер сопротивления принятию христианства. Миссионеры делили алтайцев на четыре группы, которые, по степени готовности их к принятию православия и русского быта, располагаются в следующем порядке: телеуты, черневые татары, кумандинцы и калмыки (т.-е. алтайцы центрального, западного и южного Алтая. Л. П.). Наибольшее сопротивление христианской проповеди, указывали миссионеры, представляют алтайские калмыки, вследствие своей изолированности от доброго христианского населения, сплоченности и сильного влияния родовых старшин — зайсанов и их помощников — демичи»[354]. «Здесь десятки лет работали и работают лучшие силы алтайских миссионеров, есть между последних знатоки языка и всей мифологии калмыков, а результаты проповеди десятков проповедников ничтожны в сравнении с числом ежегодных крещений черневого Алтая»[355].

Отличие «каменных» алтайцев от более мягких «черневых татар» причиной своей имеет скорее экономическое положение, чем племенное различие. Западный Алтай находится в вековой зависимости от немногих богатых родовичей, которые, видя в христианстве опасного врага их исконному преобладанию над остальным населением, всегда упорно противодействовали проповеди евангелия[356]. Миссионеры правильно подметили причину различного отношения разных алтайских племен к православию. Они верно определили интересы феодальных верхов в борьбе с руссификацией, и миссионеры неустанно твердили об этом местному и центральному начальству, подробно раз'ясняя роль некрещеных зайсанов и богачей в борьбе с руссификацией и указывая практические меры борьбы против феодальной алтайской аристократии. Вот как излагали миссионеры положение христианизации у алтайцев: «Противодействие алтайских зайса-

---

351 Отчет Алт. дух мис. за 1912 год, стр., 56.

352 Записки Багатского отд. Алт. миссии, свящ. Серг. Ивановского за 1894 г. Правосл. благовестник 1895 г. № 12.

353 Природа и население Алтая Томск. Епарх. вед. № 4. 1891., стр. 2.

354 Прпрода и население Алгая. Том. Епарх. вед. № 4. За 1891 г.,стр. 2.

355 Отчет Алт. дух. мисс. за 1915 г.

356 Отчет Алт. дух. мисс. за 1909 г.

нов и вообще родовичей проповеди евангелия на Алтае, начавшееся с первых дней существования миссии, не прекращается и по настоящее время. В делах миссии есть много засвидетельствованных фактов, как зайсаны и демичи и поощряемые их примером некрещеные инородцы допускали в отношении к желающим принять святое крещение и крещеным инородцам разного рода несправедливости, преследования и жестокие насилия. Одной из главных причин, удерживающих инородцев от крещения, по признанию их самих, служит страх их перед своими некрещеными начальниками, так что инородцы-язычники, когда, после предварительной проповеди, выслушанной ими с полным вниманием и сочувствием, предлагают им принять крещение, обыкновенно отвечают: «пусть крестятся наперед наши старшие, тогда и мы все пойдем за ними». Вредное влияние родовых старост-язычников в деле распространения православной веры представляется очевидным из того факта, что в тех волостях, где зайсаны христиане, ежегодный процент крещеных увеличивается, а под управлением некрещеных зайсанов язычество имеет подавляющее преобладание над христианством. **Зайсаны имеют для себя особенный интерес держать массы единоплеменников во мраке язычества и невежества,** так как они **опасаются в противном случае потерять свое обаяние власти и силы,** которыми пользуются и хвалятся в среде своих подчиненных, выдавая себя за каких-то князьков. Звание зайсанов у калмыков наследственно и сохраняется пожизненно, а потому власть их в своей волости почти не ограничена, и подчиненные относятся к ним с раболепством, боясь и думать о протесте на несправедливые действия своего начальства. Под влиянием зайсанов, инородцы иногда оказывают упорное сопротивление проповеди христианской... Для устранения этого важного препятствия — явного противодействия и враждебного отношения зайсанов-язычников к проповеди евангелия, желательно было бы, между прочим, **чтобы должность зайсанов на всем Алтае была выборная, на известный срок,** а выбор лиц не ограничивался бы известными родами, а производился бы **из всех родов того или иного племени в пределах волости;** при этом в тех волостях, где есть достаточное число крещеных инородцев, выбор начальника должен производиться непременно из крещеных. Можно с уверенностью сказать, что пока не изменится порядок и образ местного инородческого управления на Алтае, миссия необходимо будет встречать великие препятствия со стороны тех самых инородцев, просвещение и обрусение которых составляет ее коренную задачу»[357]. (Подчеркнуто мной. Л. П.).

Я привел эту длинную выписку для характеристики программы миссии, рекомендуемой начальству в отношении феодальной верхушки алтайцев. Местное начальство, подкупленное взятками родовитых богачей-алтайцев, нередко служило громоотводом для молний духовных отцов, направляемых по адресу феодальной аристократии Алтая. Зато центральное начальство весьма внимательное относилось к консультации миссио-

[357] Швецов, стр. 236.

неров. Убедившись в оппозиционном отношении родовых зайсанов к руссификаторской, колонизационной политике, царское правительство изменило свое отношение к феодальной знати алтайцев. Если раньше, до проведения политики земельного захвата, когда от алтайцев требовался только ясак — пушниной, родовитые зайсаны являлись наместниками, опорой царской власти на Алтае, то теперь — в проведении земельной колонизации зайсаны — родовичи (укту-зайсаны) становились тормозом новой политике, так как земельная колонизация затрагивала частнособственнические интересы зайсанов. В ответ на сопротивление зайсанов издается в 1880 г. распоряжение, отменяющее наследственность и пожизненность зайсанского звания. Распоряжение русской администрации об'являло должность зайсана выборной сроком на 3 года. Предписывалось в официальных бумагах зайсанов именовать родовыми старостами, а демичей — помощниками, которых не должно быть более двух на дючину. Реформа зайсанского управления весьма взволновала укту-зайсанов, которые не могли не почувствовать в ней удара, рассчитанного на ослабление их политического и экономического влияния на Алтае. «Зайсаны 2-й, 5-й, 6-й и 7-й дючин составили приговор и ходатайствовали об оставлении им звания зайсанов и демичей и о разрешении не сокращать числа последних, основываясь на том, что при переходе в русское подданство им «дано было звание зайсанов и демичей», и что уменьшение числа демичей вызовет замедление в сборе ясака и путаницу в других делах». Ходатайство не дало благоприятного результата. Русская власть не захотела отказаться от этой политической профилактики.

Отменяя наследственность и пожизненность зайсанского звания, русское правительство обеспечивало себе возможность подбора кандидатур на зайсанские должности по своему усмотрению из среды той части алтайской верхушки, которая могла бы служить проводником интересов царской политики. В этом отношении русское самодержавие нашло поддержку среди нарождающегося в результате разложения крестьянства, разложения натурального хозяйства буржуазной байской верхушки. Новое байство, как приходилось указывать, не имело приставки «укту», не было знатным, родовитым. Оно сплошь и рядом имело происхождение из низших слоев алтайского общества. Их богатство не было наследственным, как у укту-баев. Они нажили богатства сами, на глазах населения, ловкими торговыми операциями, ростовщичеством. Словом, «ольторо баян», как говорят кумандицы, «сидя разбогатели», т. е. ничего не делая, не трудясь, разбогатели.

Вот с кем тесно смыкался русский торговый капитал. Именно торгово-ростовщическое, буржуазное байство было опорой русского капитала в Алтае. Оно было агентом и приказчиком русской торговой буржуазии. При помощи посредников, при помощи «танышей» русскому капиталу было легче пробираться в самые глухие, самые отдаленные и трудно доступные аилы. При помощи танышей русскому капиталу легче удавалось проникнуть во все поры алтайского хозяйства. Таныши

были мощным клином, вбиваемым русским капиталом в трещины натурального хозяйства алтайцев. С помощью танышей товарные отношения проникали в самые отдаленные аилы Алтая. С другой стороны, почти все крупные и самостоятельные торговцы-баи, появившиеся в результате разложения натурального хозяйства, начинали свою деятельность с танышества, при покровительстве и ближайшей помощи какого-нибудь русского купца. Благодаря поддержке и связи с русскими и торговыми фирмами, алтайские баи-торговцы укрепляли и расширяли свои дела. Какие выгоды приносило посредничество алтайским танышам, свидетельствуют их каменные двухэтажные дома, выстроенные в улусах. Ведя свою деятельность при помощи купеческих, а впоследствии и банковских ссуд[358], алтайское буржуазное байство тесно срасталось с русским капиталом, русской властью, духовенством, быстро руссифицировалось, крестилось и являлось проводниками интересов русского капитала на Алтае. Не случайно миссионеры отмечали про алтайцев, что все «лучшие люди» непременно крестятся. Под лучшими людьми подразумевались богачи-алтайцы, поддерживавшие миссию. Это происходило преимущественно в северных частях Алтая. Именно эту часть Алтая русское население окружало плотной стеной, здесь быстрее всего росли и укреплялись таныши. Здесь всего слабее была феодальная верхушка алтайцев. Можно привести много примеров материальной и идеологической помощи миссионерам баями-торговцами, ростовщиками.

Естественно, что миссионеры в свою очередь всячески продвигали таких земных и небесных коммерсантов, представляли своих «выдвиженцев» не только к серебряным медалям и к чину церковных старост, но и добивались выбора их в зайсаны. Не без помощи миссионеров и подкупа русского начальства Михаил Тобоков получил зайсанство, он не был «укту», а отобрал зайсанство у Кыстыгаша. Тобоков, по социальному происхождению, был из бедного крестьянства. После выборов в зайсаны разбогател и был тесно связан с бийской фирмой известного купца Бодунова. Благодаря крещению, после личного свидания с томским губернатором и благодаря поддержке миссионеров, занимал зайсанскую должность и зайсан Барабош, крестник миллионера купца Морозова. Барабош вначале оказывал резкое и упорное сопротивление руссификации и всячески поддерживал это настроение среди подданных его дючины и даже прославился как гонитель православия, но после вызова его к томскому губернатору резко изменил свою политику. Барабош крестился, заставлял силой своих подчиненных селиться оседло, переходить в православие и поэтому удержался в зайсанах и сохранил свое богатство, нажитое торговлей. По рассказам старика Бардамаша, ныне живущего в урочище Сараскыр по р. Куюму (прав. приток Катуни), миссионер о. Тимофей Петров несколько раз предлагал Бардамашу (Бардамаш в то время был богатым и слегка торговал) креститься и за это обещал «выхлопо-

[358] *Вспомним слова зайсана бая Тобокова при споре с Манжи Кульджиным... У нас есть купеческие и государственные банки.*

тать» зайсанство. Миссионеры активно вмешивались в предвыборную кампанию для избрания зайсана и имели огромное влияние на выборы в наиболее обруселых частях Алтая. Однако, в юго-западном Алтае миссионерские позиции оказались слабыми. Феодальная знать, подогреваемая стремлением монопольно эксплоатировать алтайцев, поддерживаемая китайским торговым капиталом, через монгольских лам, оказала сильнейшее сопротивление. Алтайцы продолжали выбирать и переизбирать тех же самых родовитых зайсанов и демичи. Швецов отметил выборы зайсанов не родовичей как результат проведения в жизнь распоряжения русской администрации только в 1-й и 2-й дючинах и во 2-й Чуйской волости. Швецов подчеркивает факт избрания старых зайсанов в большинстве дючин. Я установил то же самое в отношении тубаларов. Еще долгое время зайсанам удавалось сохранить свое влияние среди алтайцев.

Миссия вынуждена была констатировать: «Доколе алтайские калмыки будут язычниками, их национальные симпатии всегда будут склоняться не к Москве или Петрограду, а к Пекину и Токио, как это показала минувшая японская война».

И действительно, по мере того, как хозяйство крупных скотовладельцев связывалось с рынком и начинало перерастать в капиталистическое, оппозиция руссификации в южном Алтае, где алтайский капитал вырастал на иной производственной основе, чем на севере, все усиливалась. Укреплялись и расширялись связи феодальной аристократии, перераставшей в буржуазию, с Монголией и Китаем. Вот почему царское правительство не удовольствовалось только одним ограничением зайсанских прав и привилегий, а окончательно уничтожило их с введением реформы по землеустройству Алтая.

16. ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАБИНЕТА

После разгрома бурханистского движения в 1904-5 годах положение крестьян-алтайцев непрерывно ухудшается. Появились слухи о предстоящем землеустройстве. Слухи эти были вполне обоснованны, ибо «августейший» помещик начинал перестраивать хозяйство своей горно-алтайской вотчины на капиталистический лад. В связи развитием переселения крестьян из России на окраины империи, по политическим соображениям (о чем говорилось выше), для царского имения в Сибири — Алтайского округа — появилась блестящая возможность повысить доходность путем организации арендного дела. Нужно было только создать достаточно емкий арендный фонд, и успех предприятия мог считаться обеспеченным. Необходимый фонд мог быть получен в горной части Алтайского округа, занятый кочевьями алтайцев, где в составе только Бийского и Змеиногорского уездов находилось около 8 миллионов десятин. Нужно было только потеснить, уплотнить алтайцев и для этого пренебречь некоторыми законами, охраняющими, до известной степени, права алтайцев (например, закон 1822 г. Сперанского, правила 1904 г.).

Кабинет решил действовать. В 1910 г. начальник Алтайского округа В. П. Михайлов лично посетил горный Алтай и в обширном отчете, представленном Кабинету, изложил программу экономической политики Кабинета. Программа предусматривала организацию хозяйства в округе на капиталистических началах. Во главу угла ставилось развитие арендного дела. Рекомендовалось немедленно же произвести землеустройство среди алтайцев и русских, живущих в горной части округа, по закону 1889 г. Автор отчета утверждал, что алтайцы вполне созрели для землеустройства, считая введение правил 1904 г., приостановивших действие закона 1899 г., вредным заблуждением, которое отразилось на уходе Кабинета.

Михайлов категорически настаивал на землеустройстве, настаивал на внедрении в горный Алтай подворно-участкового, буржуазного землевладения, взамен феодального владения и общинного землепользования, служившего для зайсанов формой частной собственности. Он писал: «пользование землями горного Алтая сосредоточивается в конечном счете в руках сравнительно немногочисленной группы зажиточных инородцев и русских. Это обстоятельство влечет за собой последствие, которое может показаться даже парадоксальным: с заселением горного Алтая ценность земли здесь не повысилась, а упала. Это потому, что территория его слишком велика и конкуренции в погоне за землей между сильными еще не создавалось, слабые же от такой конкуренции целою вещей просто отброшены. Между тем в горном Алтае, как местности, слишком удаленной от рынков, ценность земли может быть повышена только мелким производителем сырья, который в условиях данного момента оказывается задолженным, подавленным и бессильным»[359]. Михайлов обращал сугубое внимание на «до-нельзя экстенсивные, хищнические формы хозяйства не только земельного, но и промыслового», ведущегося в Алтае. Он указывал, что «правильное развитие скотопромышленности стесняется невозможностью для многих предпринимателей получить нужное для скотоводства количество земель. То же самое нужно сказать и о коневодстве, вопрос о развитии которого в горном Алтае начинает принимать характер государственной задачи»[360] (имеется в виду поставка лошадей для армии). Михайлов жаловался, что «земли горного Алтая используются крайне нерационально, беспорядочно и непроизводительно. Леса уничтожаются беспорядочной рубкой и, главным образом, пожарами. Промысловые угодья обесцениваются понижением урожайности орехов и убылью зверей», между тем как «обильный естественными богатствами горный Алтай пригоден к широкому хозяйственному использованию путем организации здесь скотоводческого, лесного и промыслового хозяйств».

Михайлов предлагал немедленно же изъять от алтайцев «лишние земли» в арендный фонд путем землеустройства. «Те 7½ миллионов деся-

[359] Отчет, стр. 77
[360] Отчет, стр. 182

тий, — писал он, — которые они считают своими, никакой закон не сохранит в их пользовании»[361]. «Необходимо самое быстрое, но планомерное заселение горного Алтая **элементом, наиболее приспособленным к условиям жизни и хозяйства в горной местности.** Только таким путем эта отдаленная окраина может быть введена в хозяйственный оборот страны и тем же путем в крае создается русский оплот»[362]. Заселение должно производиться «главным образом **на правах аренды для крестьян** обширного района, прилегающего к горам... **экономически сильных** и вполне приспособленных к местным особенностям края... Уход их в горы освобождает земли в степном районе и по силе сложившихся условий земли эти переходят к переселенцам из Европейской России»[363].

Михайлов развивал программу кулацкой, буржуазной колонизации Алтая. Необходимо упомянуть еще одно мнение Михайлова, впоследствии принятое и Кабинетом, — это проведение землеустройства и сдачу высвобожденных земель в аренду произвести силами Кабинета без участия и без вмешательства Переселенческого управления.

Программа Михайлова была одобрена и принята Кабинетом.

Землеустройство алтайцев по закону 1899 г. по существу означало ставку на капиталистический путь развития, ставку на внедрение буржуазной собственности на землю и было направлено к разрушению феодального землевладения и общинного землепользования. Кабинет хотел превратить зайсанско-байскую верхушку и русских кулаков-заимочников в капиталистических арендаторов.

Одновременно с землеустройством у алтайцев было проведено и коренное переустройство формы управления. Зайсанат теперь оказался ненужным, противоречащим новым общественным отношениям. Царское правительство упразднило зайсанат в 1912 г. и заменило его точной копией русского волостного управления. Алтайские дючины с припиской к зайсанам тех или иных родов, независимо от местопребывания, реорганизуются в волости, образованные по территориальному принципу. Зайсанат отслужил свою службу царю. Он был хорош тогда, когда царю нужно было выкачивать из алтайцев пушнину-ясак. При развитии арендного хозяйства Кабинета на капиталистических началах зайсанат оказался тормозом проведения новой экономической политики Кабинета.

Как встретили реформы трудящиеся алтайцы? Если судить по миссионерским отчетам, то «спокойно, тихо, без конфликтов». «Алтайцы землею довольны, обиженных землеустройством почти не встречается. Довольны землеустройством и церковные причты. **Самые лучшие участки отведены церквам**»[364]. Однако и по миссионерским же сообщениям можно утверждать, что землеустроительная реформа протекала не совсем спокойно. В ряде урочищ западного Алтая (Мендур-Сокон, Обогон, Ябаган,

---

361 Отчет, стр. 147.
362 Отчет, стр. 220.
363 Отчет, стр. 224.
364 Отчет миссии за 1911 г., стр. 49—50.

Арнур, Кырлык, Верх-Чарыш) вспыхнули «бунты», в которых принимало участие до 500 алтайцев[365]. Побоище 1904 г. во время «усмирения» бурханизма было еще слишком живо в памяти трудящихся алтайцев, чтобы они решились ответить массовым протестом на землеустроительную реформу.

По рассказам очевидцев реформы вызвали (особенно в южном и западном Алтае) всеобщую панику, глубокое, глухое возмущение. Алтайцы целыми семьями бежали в глубь гор, опасаясь насильственного обращения в христианство, воинской повинности. Многие перешли границу Монголии. В северном Алтае реакция была слабее, ибо здесь местное байство помогло русской администрации в проведении реформ и, пользуясь большим влиянием на закабаленных алтайцев, старалось всячески «успокоить» соплеменников. Тем не менее и здесь «пытались было сопротивляться этой реформе, не отдавая печатей своих паштыков, но потом, по совету местного миссионера, подчинились распоряжению начальства и подписались под приговором. Насколько не хотелось им расставаться с прежним укладом жизни, видно из следующего факта. Когда все уже было кончено и крестьянский начальник уехал обратно, один из инородцев, представитель каларского племени, пришел в дом местного миссионера, получивши благословение, сел на лавку и, не говоря ни слова, залился горькими слезами. На тревожные вопросы: «Что с тобой, что ты плачешь?». Смог ответить только одно: «крестьянга кирип-пардыбис» (крестьянами стали)[366].

Остается сказать еще об отношении к реформам зайсанско-байской верхушки скотоводческого Алтая.

Воспрянув несколько духом, после неудач «белого царя» в войне с Японией и в связи с революцией 1905 г. и последовавшего в этом году царского манифеста от 17 октября, алтайская аристократическая верхушка старалась использовать все легальные возможности за сохранения status quo предшествующего изданию закона 1899 г. о землеустройстве в Алтайском округе. Алтайские зайсаны и крупнейшие скотоводы Западного Алтая, заявляя себя «представителями» и «выразителями интересов алтайского народа», неустанно хлопотали о выработке проекта, который передал бы в их исключительное владение территорию до 6 миллионов десятин. Миссионеры утверждали что алтайские зайсаны тратят порой до 20 тысяч рублей на наем адвокатов, на снаряжение депутации в Петербург с целью поддержания своих прав. Начальник Алтайского округа Михайлов отметил в своем отчете по поводу инициаторов проектов передачи земель горного Алтая в исключительное пользование алтайцев следующее: «Очень характерно, что представителями называют себя не рядовые средние хозяева, а исключительно зажиточные и тем на весь Алтай известные люди, обладатели хозяйств, поставленных на торговый лад и совершенно не похожих на хозяйство богатых скотоводов-номадов»[367].

[365] Отчет миссии за 1913 г.
[366] Отчет миссии за 1912 г. стр. 60.
[367] Отчет Михайлова. стр. 86.

И вот, несмотря на все хлопоты алтайских зайсанов, в 1908-9 годах стали носиться упорные слухи о землеустройстве. Миссионеры следующим образом описывают настроение зайсанско-байской верхушки: в то время «как громом поразили их толки о землеустройстве, Это уже не проповедь миссионеров, а роковой закон, которому волей-неволей должны подчиняться все. Как всполошился западный Алтай. Тогда как в восточном Алтае землеустройство покойно совершается, калмыки алтайских дючин одну за другой снаряжают депутации в Петербург, тратят огромные деньги на адвокатов, всячески стараясь отдалить неумолимый закон о землеустройстве. Отлично понимают все эти сильные раз'евшиеся кулаки, что с проведением закона о землеустройстве придет конец их благополучию и самовластию... придется иметь дело с русскими чиновниками, а не с зайсанами, которые за угощение и деньги готовы на всякое противозаконие»[368].

Когда появилось распоряжение об отмене зайсаната, зайсаны и демичи пытались сопротивляться реформе. Одни из них прятали в камнях и пещерах свои знаки, медали, печати, кафтаны, другие оказали даже вооруженное сопротивление. Например, зайсан 2-й дючины Белек[369]. Сопротивление зайсанов, как и «бунты» алтайцев, быстро и решительно ликвидировалось.

Землеустройство и реформа административного управления у алтайцев были сильнейшим ударом по экономической и политической мощи зайсанско-байской феодальной аристократии, от которого она уже не справилась.

Некоторые из «благородных» баев и зайсанов, сообразив, что, будучи открытыми противниками русского господства в крае, они могут быть окончательно уничтожены, стали совершать акты благожелательного, сочувственного отношения, например, к деятельности миссии. Известный бай и зайсан Аргымай, один из незримых руководителей бурханистского движения, оставаясь некрещеным, жертвует миссии деньги на постройку церкви и т. п. Но все же царские реформы не сделали алтайцев «истинными сынами русского народа». Когда вспыхнула империалистическая война, миссия вынуждена была отметить в своем отчете: «Отношение алтайских язычников к вопросам военного времени представляется нам совершенно безучастным, как будто война идет не в России, а где-нибудь «за тридевять земель, в тридесятом государстве». Более чем успехом русского оружия на поле брани интересуются алтайские язычники вопросом о том: почему астраханский «далай-лама», выдававший себя за перерожденца (кубулгана) Амыр-Саны (Ойрот-хана), сдиравший кожу с живых людей и заключенный нашим правительством, после ареста в г. Кобдо, в Омский острог, как важный политический преступник, почему он, способный совершать всякие чудеса, не сделается птицей,

---

[368] Отчет миссии, за 1909 г., стр. 39.
[369] Отчет миссии за 1913 г., стр. 73—76.

чтобы вылететь из ненавистной ему темницы и занять подобающее ему место среди будущих своих подданных»[370].

Мечты об Ойрот-хане не покидали алтайцев. Положение трудящихся алтайцев в связи с войной еще ухудшилось. Миссия всячески выколачивала материальную помощь «на нужды войны». «Жертвовать» алтайцам по установкам миссии полагалось больше и чаще, чем русскому населению, на том основании, что «русские войны своею кровью защищают общую родину». Баи и зайсаны развязывали кошельки весьма неохотно. Инициатива пожертвований «исходила не от самих жертвователей, а от русской администрации» — писали миссионеры. Осенью 1916 г. мужское население алтайцев было призвано на тыловые военные работы в прифронтовую полосу. Это окончательно подорвало хозяйство мелких скотоводов и вызвало большую панику среди населения. Рассказывают о массовых случаях самоубийств среди алтайцев. Баи, большие зайсаны, ярлыкчы и шаманы разжигали их национальные чувства.

Такова была обстановка в Алтае накануне Февральской революции. Основным, ведущим противоречием того времени нужно считать противоречие между угнетенной массой трудящихся алтайцев — непосредственными производителями продукта — и колониальными угнетателями в лице русских чиновников, купцов, миссионеров, кулаков, которые, являлись представителями российского самодержавия, в то же время были непосредственными эксплоататорами трудящихся. Путем насилия, произвола и кабалы русские колонизаторы отнимали у алтайцев не только прибавочный, но и необходимый для поддержания существования продукт.

Вторым существенным противоречием следует признать противоречие между основной массой трудящихся алтайцев и зайсанами, демичи, баями. Эти эксплоататоры, прикрываясь родственными чувствами, родовыми традициями, захватили лучшие пастбища Алтая, сосредоточили в своих руках десятки и сотни тысяч голов скота и эксплоатировали соплѐменников самыми различными способами до капиталистического найма включительно. Однако, это противоречие, будучи по существу также антагонистическим, не являлось ведущим. Перед таким, ничем не прикрытым, жестоким и сильным угнетателем, каким являлось царское правительство с его колониальным полицейским режимом, внутреннее угнетение алтайцев — угнетение баев, зайсанов, окрашенное в заботливый цвет родственной помощи — чувствовалось меньше. Позорнее и обиднее казался русский гнет.

О ведущей роли первого противоречия говорит и то обстоятельство, что попытка к разрешению его вылилась в форму революционного, национально-освободительного движения — бурханизма, явившегося политическим протестом трудящихся крестьян-алтайцев против царской колониальной политики.

---

[370] Отчет. за 1915 г., стр. 55.

Наконец, можно говорить еще об одном противоречии — это противоречии между интересами зайсанско-байской, аристократической верхушки и интересами русских эксплоататоров. Данное противоречие проявлялось в форме борьбы за об'ект эксплоатации, за общественное, экономическое и бытовое влияние на алтайцев, о чем говорилось выше. Последнее противоречие не являлось антагонистическим. Во время колчаковщины в Сибири это противоречие не помешало итти рука об руку русским и алтайцам — эксплоататорам против трудящихся, не помешало им в тесном союзе бороться против советской власти.

Вот все то, что кратко можно было сказать о противоречиях у алтайцев накануне революции 1917 г.

В заключение необходимо подчеркнуть, что основной тенденцией производственных отношений у алтайцев перед Октябрьской революцией являлось ухудшение условий труда производителя-алтайца, быстрое отделение производителя от средств производства. Перед алтайцами стояла тяжелая необходимость пройти капиталистический путь развития. От этого им удалось избавиться только благодаря Октябрьской революции.

Список алтайских слов и выражений, встречающихся в книге в транскрипции нового тюрского алфавита.

Абыл—авыl
Адалгы—adalgь
Агаш айыл—agaş ajьl
Айа—aja
Айу палтырган—aju paltьrgan
Айу саныс—aju sьnьs
Айбы куч—ajвь kyn
Аланчык—alanchk
Алман—alman
Алым—alьm
Алдазын—aldazьn
Андазын—andazьn
Аракы—arakь
Аркыт—arkьt
Бай каин—вaj kajь
Баштаны деекe—вaştanь jeeke
Бор ок—вor ok
Бошко—вoşko
Будумчюлю—вydymcyly
Чапты—capть
Чейне—ceine
Чеген—cegen
Чоочой—cөөcөj
Чыкту агаш—cьktu agaş
Елик балтырган—eilk paltьrgan
Емдикчи—emdikci
Яйзан—jajzan
Иокту кижи—joktu kizi
Иоктулар—joktular
Якшилар—jakşьlar
Ялан—jalanч
Яман кижи—jaman kizi
Ярчы—jarcь
Ярык—jarьk
Юс—jus
Юкорытаа—çukorь taga
Юргечи—jyrgeci
Юректу мылтык—çyrekty mьltьk
Юреги иок мылтык — çyregiçok mьltьk
Калан—kalan
Кандыктын ен ези—kandьktьn enezi
Канза—kanza
Кара ярык—kara çarьk
Карам бай—karam вaj
Карбыш чалкы—karвьş calkь
Карын—karьn
Катугас конгдош—katugas kondoş
Керги—kergi
Кере агаш—kere-agaş
Керege—kerege
Кийбек—kijвek
Киис воорук кондош — kiis вoryk kondoş
Киштиндер кузен—kiştinder kyzen
Кобирген—kөвirgen
Кобурчи кондош—kөвyrci kondoş
Кодечи—kөdeci
Кодур—kөdyr
Кодуртки—kөdyrtki
Кой монгыр—koj moпьr
Коктый—koktьj
Колонын бажи—kolonьn вazь
Колпа—kolpa
Кол тутпас бай—kol tutpas вaj
Колтык—koltьk
Колтыкчи—koltьkcь
Конгдой мултык—kөndөj mьltьk
Коо—koo
Коотой—kootoj
Коронду мылтык—korondu mьltьk
Коруш бай—kөryş вaj
Куе иш—kye iş
Куйшкан—kujьşkan
Кузен тонжорак—kyzen tonzorak
Кунди—kyndi
Кун иш—kyn iş
Курке—kyrke
Курут—kurut
Кымыс—kьmьs

Кыпчак—kьpcak
Кызыл ойрот—kьzьl ojrot
Кырлу мылтык—kьrlu mьltьk
Кыр—kьr
Кырс бай—kьrs baj
Кырыншу—kьrьnşu
Малча—malcь
Мангыр—maŋьr
Мылтык таш—mьltьk taş
Мундус—mundus
Мылталу мылтык—mьltalu mьltьk
Найман—najman
Не табыш—ne tabьş
Одуш кун—edyş kyn
Ой болот—oj bolot
Олуп—Өlyp
Олторо байан—oltoro bajan
Оргуж—orgyz
Орто—orto
Ортокто—ortokto
Оскус—oskys
Отук—otuk
Палан—paian
Барыш—barьş
Барышту бай—barьştu baj
Паспак paspak
Педибеш кузен—pedibeş kyzen
Белет—bel t
Бианду бай—bьjandu-baj
Болыш—polьş
Болушту бай—bolьştu baj
Боровый—borvьj
Пычак—pьcak
Пычкак одук—pьckak edyk
Быштак—pьştak
Саар—saar
Сай болот—saj bolot
Саргай—sargaj
Сардю—sarçu
Саргайчы—sargaicь
Сарю юз—sarь çys
Сельбик—selbik
Сельбик иш—selbik iş
Сеольты—seoltь
Суу балтырган—suu baltьrgan
Сый—sьj
Сыгынчы ярык—sьgьnçь çarьk
Шангмы—şaŋmь
Шерт ич—şert ic
Тай—taj
Танмалу каргай—taŋmalu karagaj
Талкан—talkan
Таныш—tanьş
Тарга—targa
Тартка—tartka
Тау юз—tau juz
Имекчи бай—çimekci baj
Тегилю темир очак — tegilу temir осок
Тен улеш—teŋ yleş
Тепши—tepşi
Тееш—teeş
Титу бай—çьtu baj
Титу ятет—jьtu jatet
Тогул—togul
Той—toj
Токпок—tokpok
Толгок—tolgok
Толотой—tolotoj
Токчок—tokcok
Тонгжаан—toŋzaan
Тонжорак кузен—toŋzorak kyzen
Тоош тон—tooş ton
Тор—tor
Тос—tos
Тос казан—tos kazan
Тос тожок—tos tozok
Учам бер—ucam ber
Уйсарга кижи—ujsarga kizi
Узни—uzeŋi
Уйген—ujgen
Уктту бай—uktu baj
Уктту яйзан—uktu jazaŋ
Ук иок яизанг—uk jok jajzaŋ
Ускун—uskuŋ

Аннын мойнын ок кезер, ердин мойнын иок кезер—aŋnь mojnьn ek kezer, erdiŋ mojnьn çok kezer

Агашка тангма чапсын—agaşka taŋma capsьn

Арылу агаш бедрен ят—arьlu agaş bedrep-çat

Иолго иогозы батпас оскус—çolgo jogozь batpas oskys

Колында айгыр мал иокто, канта акча иокто. Кайдын яргыдан сурайыр—kolьnda ajgьr mal çokto, kapta akca çokto, kajdaŋ jargьdь surajьr

Мал уру ит семис, кижи уру кам семис — mal uru it semis, kizi uru kam semis

Саап ичерге сют — saa icerge syt

Тубалардын кемези бай болзо ошкош болып ят — tubalardьn kemezi baj bolzo oşkoş bolьp-jat.

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
	Введение	3
1.	Переход алтайцев в русское подданство	13
2.	Производство у алтайцев	19
3.	Главные условия производства	29
4.	Формы эксплоатации: а) отработочная рента	37
	б) ясак—рента продуктами	43
5.	Зайсаны	52
6.	Баи	75
7.	Крестьянство	78
8.	Характеристика общественного строя у алтайцев	91
9.	Начало колонизации и алтайская духовная миссия	102
10.	Основные этапы русской колонизации	113
11.	Торгово-ростовщическая эксплоатация	125
12.	Разложение крестьянства	145
13.	Элементы капитализма у алтайцев	174
14.	Национально-освободительное движение крестьян-алтайцев	178
15.	Руссификация Алтая и зайсанско-байская верхушка	187
16.	Земельная политика Кабинета	193
	Приложения	200

Ответредактор—Дубов **Техредактор—Симановский**

Тираж 6140 12/3/4 печ. листа.

Сдано в производство 4/XI-33 г.

Подписано к печати 28/XII-33 г.

Формат 82×110 см. в 1/16 долю.

Печатных знаков в одном печ. листе 51520

Новосибирск. Т/л № 1 ЗСКПТ. Зак. № 3266

Уполкрайлита А № 261 от 19/X-33 г. ОГИЗ № 941